

АВГУСТ 8 1988

ISSN 0235-1234

Спорт-носо

Молодая
Смена

ЗДРАВСТВУЙ, ОЛИМПИАДА!

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ..

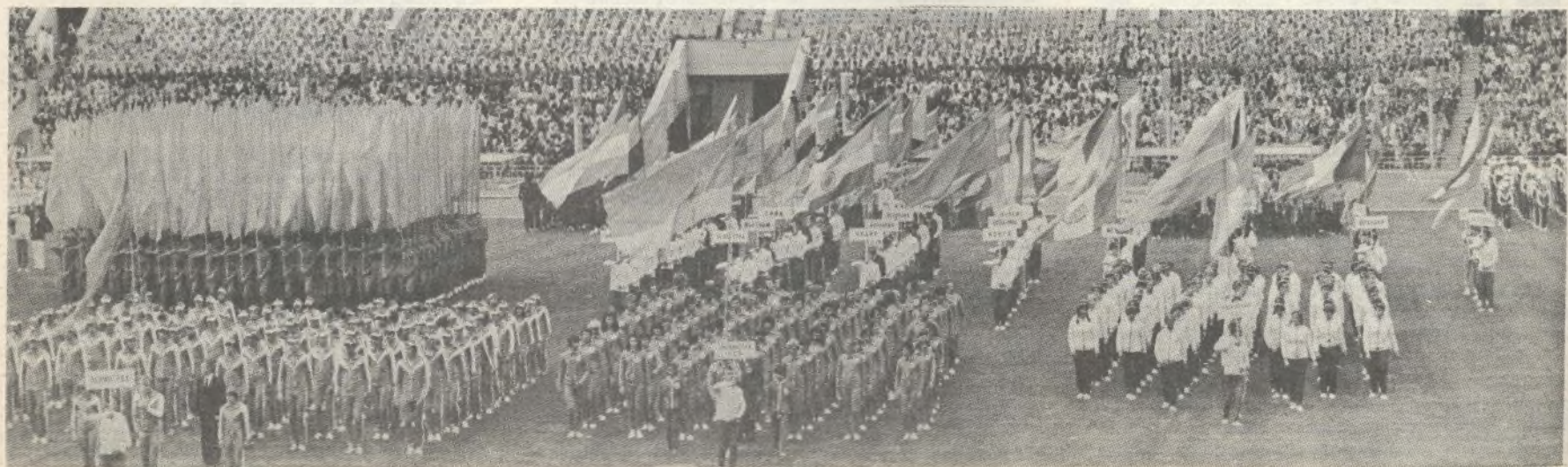
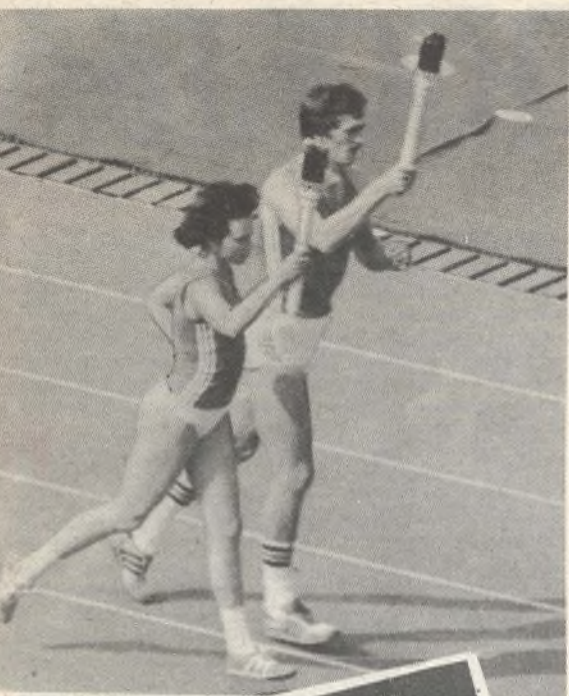
Скоро, скоро начнется в столице Южной Кореи Сеуле очередной спортивный форум. Скоро затрепещут на ветру флаги XXIV Олимпийских игр, на стадионах и в спортзалах вступят в борьбу за золотые медали и звания олимпийских чемпионов сильнейшие спортсмены земного шара.

История Олимпийских игр, как известно, уходит в древнейшие времена. Примечательно, что во время проведения Олимпийских состязаний прекращались все войны и распри. Сегодняшнее олимпийское движение также служит идее мира. «О Спорт, ты — мир!» — эти слова не случайно стали его девизом.

Советские спортсмены, в том числе и из нашей республики, принимают активное участие в Олимпийских играх. Сильнейшие узбекистанские спортсмены: Рустам Казаков, Лариса Павлова, Эльвира Саади, Эркин Шагаев — в разные годы завоевывали высшие призы на этих соревнованиях. Честь нашей Родины в олимпийских турнирах защищали Руфат Riskиев, Мамаджан Исмаилов, Сабир Рузиев, Рустам Ямбулатов. Мы по праву гордимся ими.

А десятки наших земляков, таких как велосипедист Джамалиддин Абдужаппаров, гимнастка Марина Николаева, борцы Аслан и Махарбек Хадарцевы, успешно выступая на первенствах мира и Европы, в различных международных турнирах, доказали свое право участвовать в Олимпийских играх. Хочется надеяться, что и они пополнят список олимпийских чемпионов.

Здравствуй, Олимпиада!

Вице-президент Академии педагогических наук А. А. Бодалев отвечает на вопросы будущих учителей, а ныне студентов Ташкентского госпединститута.

В Ташкенте завершились VIII Всесоюзные педагогические чтения.

Мы не устаем повторять, что будущее страны — в руках молодежи. И то, кем молодые станут завтра, какую лепту смогут внести в революционные преобразования в нашей стране, прежде всего зависит от школы, а еще точнее — от учителя. Мы не скупимся на образные сравнения: учителя называют главным творцом перестройки. Но сегодня как никогда ясно, как сложна эта миссия.

В выступлении председателя Государственного комитета СССР по народному образованию Геннадия Алексеевича Ягодина было подчеркнуто, что всеобщее среднее образование — это своеобразный фундамент, на котором человек строит свою жизнь, создает семью, повышает квалификацию. Но очень часто фундамент этот оказывается ненадежным — школьные программы оставляют желать много лучшего.

О необходимости ранней специализации учащихся пришла пора подумать серьезно. Из большого числа обязательных для всех дисциплин каждому следует отобрать действительно для него необходимые и изучать их по-настоящему глубоко.

Очень остра проблема домашних заданий. Учащиеся тратят на их приготовление массу времени, а эффект довольно низок. Да и можно ли ожидать, чтоб любитель литературы щелкал как орешки задачи по алгебре, а любитель математики писал вдохновенные сочинения? Аргументов в пользу специализации очень много. Естественно, что определенные предметы могут быть признаны ненужными вообще. Тут закономерны противодействия, возражения типа: «Почему сокращают именно мой предмет? Какой хотите убирайте, а мой не трогайте!» Но мы должны думать о пользе общего дела, о реальных результатах школьного обучения. А педагоги истинно одаренные без работы не останутся.

Перед собравшимися выступил председатель оргкомитета VIII Всесоюзных педагогических чтений

ний, вице-президент Академии педагогических наук Алексей Александрович Бодалев. Он подчеркнул, что проблемы педагогической науки в Узбекистане достаточно остры. Материально-техническая база ряда школ крайне бедна. Это очень осложняет учебный процесс. В результате многие педагоги меняют профессию. А в педагогику приходят чуждые ей люди. О радикальных переменах в школе говорить в этом случае трудно.

На повестке дня еще один вопрос — физическое воспитание школьников. Оно справедливо считается составной частью общей культуры, и тем не менее его состояние у нас неудовлетворительно. Это та область, которая осталась практически без внимания. Мы должны подумать о ежедневных занятиях физическим воспитанием в школе. Физкультура должна быть не «предметом», а возможностью разгрузиться. Нам нужен своего рода ликбез в области физической культуры.

На VIII Всесоюзных педагогических чтениях выступил заместитель председателя Педагогического общества Узбекской ССР профессор Х. Зуфаров.

Он сказал, что в настоящее время главное внимание республиканского Педагогического общества обращается на всестороннее изучение опыта лучших учителей страны, внедрение его в повседневную практику.

До сих пор мы ни разу не выносили на всесоюзное обсуждение опыт наших педагогов-новаторов. А ведь нам есть что сказать коллегам из других республик...

В VIII Всесоюзных педагогических чтениях приняли участие около тысячи учителей — отличников народного образования, по праву считающихся оплотом педагогики нашей страны. Основная тема чтений: «Повышение эффективности урока как основной формы организации учебно-воспитательного процесса». Участники форума поделились своим опытом по преподаванию различных предметов.

Наш корреспондент обратился к ряду работников просвещения, принимавших участие в педагогических чтениях, со следующими вопросами:

1. Как вы относитесь к идее демократизации школы?
2. В чем, по-вашему, причины того, что учителя не могут работать творчески?

думаю, вы не будете: явление существует. Многие, многие комсомольские работники, как ни больно это слышать, запятнали себя именно этим.

— И все-таки, думаю, профессиональные комсомольские работники нужны. До того, как я пришел в горком, работал неосвобожденным секретарем в ПМК № 349. Опыта аппаратной работы никакого. Чтобы разобраться в новом для меня деле, приходилось сидеть ночами, выходными. Это не просто тяжело — уходила масса времени, которое можно было бы использовать более рационально, непосредственно на дело. А окажись на моем месте опытный комсомольский работник, этих сложностей можно было бы избежать. И потом, должна же быть перспектива роста у освобожденных секретарей.

Кстати, сам я не ставлю перед собой цели продолжать комсомольскую карьеру. Хочу вернуться в свою ПМК. Считаю, что нельзя профессионально работать в комсомоле больше трех лет. Нужен постоянный приток новых сил.

— А не противоречите ли вы сами себе? — Нисколько. В данном случае я говорю о себе и таких, как я, для кого работа в комсомоле — лишь эпизод, хоть и яркий, но эпизод в судьбе, а не дело жизни. Но, вероятно, должны быть и те и другие.

— В том, что вы заняли кресло первого секретаря, есть элемент случайности? Или можно считать это закономерным продвижением по служебной лестнице?

— Дело в том, что из года в год история повторялась. В горком комсомола приходили люди для временной «пересидки». И дальше — на повышение в Ташкент. Коренного

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Еще недавно — года три-четыре назад — ребят, прошедших школу Афганистана, старались не допускать до ответственных должностей: неизвестно, как поведут себя. Прямолинейны слишком, гибкости может не хватить. Но сегодня как никогда нужны комсомолу их обостренное чувство справедливости, нетерпимость ко лжи, двурушничеству, их инициатива, жизненный опыт. И поэтому, когда узнала, что первый секретарь Алмалыкского горкома комсомола из тех, кто был в Афганистане, порадовалась: комсомольской работой занимается человек неравнодушный и знающий цену жизни. Это и по той причине необходимо, что многие годы у нас культивировался, пустил корни кабинетный тип комсомольского работника. Деятельные и инициативные лидеры молодежи нужны не только для того, чтобы противостоять этому типу, но и чтобы вернуть былой авторитет комсомолу. Никому сегодня не нужны слова ради слов. Старая, но порядком забытая истина: только делом зарабатывается авторитет. Алек-

сандр Шапков исповедует именно эту точку зрения.

К сожалению, еще существует определенный набор анкетных данных, которые необходимы для комсомольского работника. У Шапкина их нет, он не прошел положенных ступеней карьеры. Он шагал по другим ступеням: мужества, стойкости, верности товарищам. И может быть, они больше нужны сегодняшнему комсомольскому вожаку?

— Сколько времени вы были в Афганистане, Саша?

— С октября 1981-го по июль 1982-го.

— За что награждены медалью «За боевые заслуги»?

— Обыкновенная операция.

— Какая же?

— Не хочется возвращаться к этому.

— Хорошо, давайте о другом. В последнее время не раз отмечалось: определенный процент комсомольских работников — люди, делающие карьеру. Их комсомольская работа — трамплин для прыжка выше: на партийную или другую, но руководящую. И таких «лидеров», в общем, мало беспокоит, будет ли он иметь авторитет среди молодежи, доведет ли до конца начатое и обещанное. Главное — создать видимость бурной деятельности, чтобы заметили и выдвинули. Спорить,

ЖДЕТ ПЕРЕМЕН

3. Какие новые явления возникли в связи с перестройкой в коллективе, где вы работаете?

4. В чем основные недостатки воспитания учащихся?

Зоя Хазиевна Каримова, педагог школы № 6 города Денану Сурхандарьинской области, отличник просвещения УзССР:

1. Под углублением демократизации школы я прежде всего понимаю предоставление учащимся большей самостоятельности на уроках и во внеурочное время, переход их в большей степени на самоуправление. Довольно уже адалбливать детям в головы истины, которые они бездумно повторяют, не становясь умнее. Кроме того, в школе должно быть больше доверия, больше взаимного уважения между учащимися и учителями. На педагогических чтениях частенько высказывалась совершенно справедливая мысль: поскольку наша цель — воспитание свободной личности, то учитель должен уважать ученика как личность. Об этом размышлял еще Макаренко. Он говорил, что, каким бы знающим ни был учитель, если он не любит детей, не уважает — он должен уйти из школы! Считаю, что нам необходимо также наладить систему выборов руководства школами. Вот в нашем городе в школе № 8 коллектив сам выбрал себе директора. Интересно только, почему это до сих пор находится в стадии «смелого эксперимента»?

2. Перечислять можно долго. Повторю то, что уже не раз говорилось с этой трибуны: учебно-материальная база не отвечает требованиям перестройки школы. Кроме того, учителя должны быть немедленно освобождены от работ, не связанных с уроками (очистка улиц, участие в хлопковой кампании, перепелись населения, ремонт школы и т. д.). Необходимо прекратить занятия в школах в 2—3 смены. Следует ускорить выпуск новых учебников, наладив связи ученых, пишущих учебные пособия, с учителями школ.

3. Перестройка в наших школах только начинается. Поэтому говорить о новостях пока рано...

4. Недостатки в воспитании учащихся непосредственно связаны с проблемой свободного времени. На давно надоевшие «мероприятия» ребята не ходят, а организаторов по-настоящему содержательного досуга не хватает.

Джурра Ганиевич Юлдашев, начальник управления

алмалыкчанина, который бы знал проблемы города и болел за дело, не было. Молодежь устала от временных людей... Наша последняя отчетно-выборная конференция была бурной. О ней много говорили и писали тогда. Рассказывать об этом еще раз, думаю, не нужно.

— И все же напомним ситуацию в двух словах.

— Из обкома комсомола привезли того, кто должен был стать секретарем горкома. А комсомольцы проголосовали против. Я пришел в горком, как уже говорил, практически не имея опыта работы.

— С чем же вы пришли?

— Была своя программа действий: сделать для города конкретное дело, а лучше — дела. Мы взяли обязательство начать строительство молодежно-жилищного комплекса, создать культурный центр для молодых, открыть молодежное кафе. Во время конференции я выступал от имени воинов-интернационалистов. Предложил возвести монумент в честь погибших в Афганистане.

— Прошло два года. Можно подвести итоги. Что же сделано конкретно?

— Есть договоренность о строительстве 153-квартирного жилого дома на базе ДСК. Сформирован городской отряд из членов МЖК. В июне начнется строительство. Создан культурный центр, памятник погибшим воинам существует уже год.

— Считаете, сделали все, что могли?

— Конечно, нет. Когда только начинал работать, думал, горы сверну. А потом понял, что все приходится пробивать, выбивать, доставать. И это — при полной поддержке горкома партии, без которой мы и половины бы не сделали!

школ Госкомитета по народному образованию Узбекской ССР:

1. Там, где есть самостоятельность, там налицо творческое начало. Невозможно поднять учебу и воспитание на новый уровень слепым выполнением указаний, пришедших сверху. Кстати, рекомендации по созданию районных и школьных советов являются документом, предоставляющим самостоятельность школам и право самоконтроля отдельным учителям и коллективам.

2. К сожалению, есть немало таких горе-педагогов, которые не обладают даже достаточными знаниями по своему предмету.

Педагогические вузы работают в абсолютном отрыве от школ. В результате молодые учителя слабо знают детскую психологию, не владеют педагогическим подходом к учащимся, не находят общего языка с родителями. Многие учителя не сделали своим повседневным делом работу над собой. Самоусовершенствование должно стать потребностью, без него настоящий педагог неммыслим.

3. Прежде всего, значительно уменьшилось количество различных совещаний, семинаров, собраний, торжественных мероприятий. А это, в свою очередь, естественным путем сократило количество «визитов» к нам учителей и работников просвещения, оставило им больше времени на непосредственную работу. Сократилось также количество рассматриваемых на коллегии вопросов, а вместо этого больше стало выездов методистов, инспекторов на места для оказания практической помощи учителям. Уменьшилось количество приказов и инструкций, направляемых в нижестоящие организации.

4. Недостаточно дать ученику только основы знаний. Учебно-воспитательный процесс един. А проверяющие комиссии, директора школ мало интересуются именно этой стороной деятельности учителя.

Еще одна проблема. Если содержательно и полезно не использовать свободное время учащихся, то все попытки добиться положительных результатов пойдут прахом.

Эргаш Тураевич Чарьев — и. о. директора НИИ Академии педнаук УзССР имени Кары-Ниязова, профессор:

1. Демократизация школы неразрывно связана с общим процессом демократизации нашей жизни. И идет она в двух направлениях. Во-первых, учителя

— Вы сказали, что были председателем Совета воинов запаса. Остаетесь им и по сей день?

— Нет. В январе прошел слет воинов запаса. Мне предложили вновь возглавить Совет, но я отказался. Горком лишь координирует его работу, ребята работают самостоятельно. А я — рядовой член совета.

— Испытываете ли вы чувство удовлетворения от работы?

— Нет. Не вижу результатов своего труда. Вот на стройке работаешь и видишь, как растет стена.

— Но ведь и в вашей нынешней работе есть реальные дела. Вы же сами об этом сказали.

— Верно, есть. Но их немного — те, что можно «пощупать руками». А как изменить сознание людей? Вот что самое трудное. Эти изменения, может быть, скажутся позже, уже после нас.

— Как вы думаете: меняется ли отношение молодежи к комсомолу?

— Я часто бываю в первичных организациях. И сталкиваюсь с недоверием, равнодушием, скептицизмом — «наследием», оставленным нам временем застоя. С ним еще долго придется бороться. Переубеждать молодых в их в чем-то ироническом отношении к комсомолу.

— Всегда удается переубедить?

— Не всегда. Но стараюсь. Правда, было два случая, когда мне не поверили совсем.

— Что же вам говорили?

— Ребята заняли позицию, которая до недавнего времени была характерна для многих комсомольцев. Какая? Что главная цель комсомола — поборы. Членские взносы, участие в субботниках и сельхозработах — словом,

в буквальном смысле пробудились от спячки застоя. Во-вторых, активизировались и сами школьники.

Во время многочисленных командировок по областям республики мы все чаще наблюдаем ученические коллективы, комсомольские и пионерские организации, реально осуществляющие самоуправление. Важно, чтобы взрослые не остудили жара сердец молодых в их поиске своего места в перестройке...

2. Низкий уровень подготовки — научной, методической, психологической, организаторской — характерен, к сожалению, для многих наших учителей. Мало, практически нет педагогов-новаторов республиканского, не говоря уже о всесоюзном масштабах. Верно и то, что педагогическая наука медленно поворачивается лицом к школе, к учителю.

3. Многие в жизни нашего института высветили два крупных события в педагогической жизни республики, имевшие всесоюзный и международный резонанс.

Осенью в Ташкенте на базе Узбекского НИИ педнаук был организован IV Международный семинар по политехническому образованию социалистических стран «Всестороннее развитие личности учащегося в процессе политехнического образования и соединения обучения с производительным трудом». С одной стороны, это, конечно, свидетельство наших достижений в этой области, с другой — семинар обнажил и последствия застойного периода: в частности, необоснованное использование детского труда на хлопковых плантациях под маской трудового воспитания в духе национальных традиций.

Говорить о совершенно новых явлениях в школах республики несколько преждевременно, хотя надо отметить работу вновь созданной инициативной творческой группы при нашем институте, в которую вошли истинно творческие научные работники.

4. До недавнего времени вся наша педагогика строилась на «положительном примере». А сейчас с этим примером туго. Думаю, что оздоровление всего общества даст реальные плоды и в воспитании наших детей.

Б. КАРИМОВ.

одни только требования, без отдачи. А все, что мы делаем, всерьез не принимают.

— Что реально может сегодня комсомол?

— Много. Алмалыкский горком комсомола работает в условиях эксперимента. Мы имеем нормированное отчисление доходов. Большая часть денег от взносов идет на счет горкома. Подсчитали, как их расходовать. В среднем получается, что две тысячи можем тратить по своему усмотрению. А это значит, есть возможность реально кому-то помочь.

И еще о реальных делах. У нас небольшой штат. Мы решили ввести должности внештатных заведующих отделами, помощь которых необходима горкому. Сейчас у нас есть такие внештатники, а это значит — дело движется.

Горком совместно с администрацией Алмалыкской ковровой фабрики разработали комсомольский приказ, один из пунктов которого предусматривает, что пять процентов квартир, выделяемых фабрике, будут распределяться комсомольцам.

— Как относится жена к вашей работе?

— Как всякая женщина. Она высчитала, сколько времени мы бываем вместе.

— И что получилось?

— Очень неудовлетворительная цифра.

— Кресло первого секретаря горкома не способствует «звездной» болезни?

— Для того, чтобы избежать этого, я надумал проводить еженедельные вечера в тесном кругу. Собираемся вместе, весь наш маленький аппарат, и говорим друг другу все, что думаем о каждом.

— Помогает не зазнаваться?

— Еще как!

**Интервью вела
Г. ФОМАИДИ.**

**Молодая
смена 3**

ЧЕМ ЖЕ ВИНОВАТЫ ДЕТИ?

Дорогая редакция!

Я, Кабилова Умида, — воспитанница детского дома № 20 города Хивы. Здесь же воспитываются три моих сестренки и двое братишек. Попали мы в детдом 7 апреля 1986 года, хоть и отец, и мать у нас живы. Я хочу рассказать, почему это произошло, и пожалуйста, напечатайте мой рассказ в журнале, ведь очень много таких детей, которые осиротели, хоть папа с мамой у них и не умерли. Я думаю, что родителям, которые родили детей, а потом не хотят их воспитывать, ведут себя, как чужие, тоже, наверно, нелегко, но чем же виноваты дети?

Мы с родителями жили в Джизаке. Не помню точно, сколько мне было лет, помню только, что очень часто в детстве, почти каждый день, я слышала крики и ругань отца и плач матери. Мы с сестренками и братишками боялись зайти в дом и часами сидели во дворе на скамейке. Вот так мы и жили. А потом у нас родился братишка Рустам. Однажды, когда ему было три месяца, отец послал маму в магазин, а сам с какой-то незнакомой женщиной пил водку. Братишка, захлебываясь, плакал, и я совсем растерялась. А отец, рассердившись на шум, подошел и ударил маленького по лицу. Тот заплакал еще сильнее, я подбежала и хотела взять его на руки, но уронила — мне ведь было только 6 лет. Рустамчик тогда болел корью. Через два дня он умер в больнице.

Через год родился Равшан, потом Наргиза. После этого мама заболела. Отец, помню, привел гостей, даже не взглянув на маму, очень грубо с ней обращался. После одного из скандалов мы собрали вещи и уехали к бабушке в Хорезм. А вернувшись через два месяца, узнали, что отец в больнице: его в драке ранили ножом. Когда он поправился, некоторое время у нас все шло хорошо, родился братишка Рашид. Но в один прекрасный день отец снова привел незнакомую женщину, мало того — поселил ее у нас в доме. Вместо благодарности за это она оклеветала мою ма-

му, и отец ей поверил. Потом я узнала, как он страшно расправился с мамой: пообещав, что хочет купить ей в Заамине какую-то вещь, повез куда-то ночью в машине, оставив нас, детей, дома одних. Потом он остановил машину в каком-то пустынном месте и вместе с той женщиной стал бедную маму избивать, пинать, таскать за волосы, пока она не потеряла сознание. Страшно мне писать об этом, но еще страшнее было, когда они наконец вернулись глубокой ночью и я увидела мамин окровавленное лицо и исцарапанное тело — они волокли ее по колючкам. Проснулись дети и, забившись в угол, смотрели на них в страхе. А отец продолжал издеваться и заставлял ту женщину говорить про маму всякие грязные слова. Не знаю, как я выдержала это. Кончилось тем, что он посадил нас всех, и маму без сознания, в машину и повез безо всяких вещей по Джизакской дороге. Там он высадил нас в каком-то месте и сказал, что убьет нас, если мы вернемся домой. Спасибо, какой-то человек на своей машине повез нас до вокзала.

Кое-как мы добрались до Хорезма. Бабушка, увидев нас, заплакала. А через пять дней нас разыскала милиция. Оказывается, отца арестовали и скоро состоится суд. Пришлось возвращаться в Джизак. Приехали, а дом в запустении. Ни мебели, ни живности, во дворе собака мертвая. И маленького Рашида нет! Разыскали его у соседей, плачущего, грязного. Вещи — они оказались у той женщины и ее мужа — вернуть не удалось, они отдали только кое-какую одежду. Так что 1 сентября нам пришлось пойти не в школу, а на базар, чтобы купить себе одежду, обувь, учебники.

А в ноябре состоялся суд. Отца осудили на 4 года, досталось по заслугам и той женщине с мужем за ложь и клевету.

Но нам-то ведь надо было как-то жить! Мама болела, работать ей было тяжело, а родственники и знакомые совсем перестали у нас появляться. Потому и согласилась мама познакомиться с человеком, который вы-

разил желание стать нашим отчимом.

Дальнейшие события мне описывать тяжело — такими горестными они были. Скажу только, что у мужчины этого оказалась семья, что маме пришлось снова увезти братишек к бабушке, а я на некоторое время оставалась у чужих людей, которые плохо со мной обращались и били меня, и что в школу я совсем не ходила. Когда наконец в феврале мы с сестренками и братишками поступили в школу в Ургенче, я не смогла учиться в 8-м классе, потому что много пропустила. Мама в это время была в Джизаке, она там заболела. Наконец нашим трудным положением заинтересовались взрослые, и меня, моих сестренку и братишек распределили в ургенчский детприемник. А в начале апреля мы оказались в детском доме, что в Хорезмской области. Мама сейчас уже работает, живет с бабушкой в Хорезме. Несколько раз она хотела взять нас, но ей пока не дают квартиру, куда она могла бы нас забрать. Она приходит к нам каждую неделю.

Сейчас только я наконец поняла, что значит жить спокойно, среди добрых людей, не бояться побоев и скандалов, не стыдиться мучительно того, что отстаешь от одноклассников.

Здесь, в детском доме, к нам все очень хорошо относятся, директор Вера Борисовна Пак не жалеет для нас любви. Младшие воспитанники наши даже называют ее мамой.

В детдоме я научилась шить, готовить, танцевать и даже писать стихи. В учебе догнала одноклассников. Словом, все хорошо... кроме того, что нет пока с нами мамы. А когда через пару лет выйдет из тюрьмы отец — что тогда будет с нами? Я этого не знаю и боюсь думать о том времени. Но от одного вопроса — кто же виноват во всем, что случилось у нас в семье? — отделаться все же не могу. Смогу ли я когда-нибудь забыть обо всем этом и без страха смотреть на людей?

Умида КАБИЛОВА,
Хорезмская область.

Рис. Д. МУРСАЛИМОВА

Письмо пятнадцатилетней девочки — простодушное, бесхитрое и оттого еще более пронзительное, — горький вопрос, прозвучавший в нем, остаются без ответа. Как случилось, что шестеро детей и несчастная женщина стали жертвами садиста и изувера и не нашлось ни единого человека — ни одного! — который бы помешал отравлять им жизнь, растить детей в страхе? Не в лесу ведь жили они — среди людей! Как могло случиться, что уже после того, как арестовали отца, семья бедствовала и детям, как пишет Умида, приходилось питаться одним хлебом? Где были соседи, родственники, знакомые, где были, наконец, общественность, милиция? И еще, спрашивает девочка, — что будет с ней, с ее сестренками и братишками завтра? Неужели обстоятельства в их семье недостаточно тяжелые для того, чтобы в организации, где работает теперь мать, решились дать ей и шестерым детям квартиру без очереди?!

Страшно думать о детях, которым придется без всякой вины расплачиваться за ошибки родителей. Мы с вами, достаточно благополучные, не пережившие таких трагедий, как в семье Умиды, — можем ли мы чувствовать себя счастливыми, пока существуют маленькие страдальцы — сироты при живых родителях? Страшное социальное зло, общая тревога... Личное дело каждого из нас.

оход до еды, очень нравится ему, когда в квартире мешаются запахи печенья и лаврушки, и все дают попробовать, и дома веселая суета. В такой день папе не до газет, он будет сперва помогать маме, а после, когда выпачкается мукой и в духовке что-то подгорит, мама прогонит его с кухни — и тут папа наш! Можно рассказать ему стишок про звезды Кремля и снежинки, потом попросить его: «Пап, расскажи», — и он станет рассказывать про то, какие у нас мировые танки и какие мировые парни — танкисты. А дальше — всем вместе смотреть мульты. Вот жизнь!

Дома хорошо, не то что во дворе. Там холодно, земля серая и пыльная, небо тоже серое, солнца нет, как будто уже вечер.

После обеда Юрка высыпал на стол содержимое подарочного пакета. Он разломал на равные дольки шоколадку и угостил всех, папе и Альке дал по яблоку, а маме — апельсин. Отдал цели-

Я с большим увлечением слежу за страницами журнала, адресованными любителям эстрады. Однако есть у меня и возражения: «Молодая смена» рассказывает об исполнителях и группах, которые завоевали успех, стали популярны, как правило, несколько лет тому назад, им уделяется много места. А между тем, сейчас наиболее популярны другие: «Браво», «Черный кофе», группа Владимира Преснякова.

С пожеланием творческих успехов

Б. САДЫКОВ,
г. Ленинабад.

У нас в профтехучилище до сих пор помнят две статьи, вышедшие в «Молодой смене» в

прошлом году под общим названием «Эти трудные девочки». Их обсуждали все вместе, и я увидела по глазам наших девочек, как задели и взволновали их судьбы подростков, чуть не сломанные на самом взлете. Ваш журнал помог многим из наших учащихся взглянуть и на себя со стороны, внимательнее присмотреться к своим сверстникам, товарищам. Это была инициатива наших девочек — навестить Зулейху И., которая по неизвестной причине пропустила уже несколько дней занятий. Мы добрались до кишлака, где она живет, побывали у нее дома. И с каким же тяжелым сердцем оттуда уходили! Семья Зулейхи в положении поистине бедственном: девочка ютится вместе с больной матерью, старой бабушкой и теткой в маленькой каморке, где заниматься практически невозможно. Потому и училище она бросила. Подумать только, если бы так и не заинтересовался никто судьбой Зулейхи, не исключено, что она могла бы разделить судьбу «трудных девочек» из очерка Х. Дустмухамедова...

Сейчас ей помогли устроиться в общежитие училища, она продолжает учебу и обещает стать хорошей швеей. Как хотелось бы, чтобы у каждого юного человека достало сил не ошибиться в самом начале жизненного пути...

Г. ЗАИТБАЕВА,
замдиректора СПТУ-39, г. Шахрихан.

А что касается культуры...

Недавно к нашему приятелю приехали из кишлака родители. Попросили поехать в Ташкент, показать город. Видели бы вы, как бледнел и краснел Уктам, как придумывал предлоги, чтобы отказать! Потом уже, после отъезда стариков, в ответ на наше недоумение признался: стесняется родителей, боится, что сочтут их старомодными, «кишлачными». Стыдно писать сейчас об этом, стыдно за своего товарища. Родителей его мы тогда все-таки уважили, сами показали им город, заботились о них, как могли. Но как же быть им с собственным сыном? А ведь он учится в пединституте, скоро получит высокое звание педагога. Вот вам и будущий педагог...

А вот Насыр очень любит книги, библиотека у него дома отличная: Толстой, Цвейг, Жюль Верн, Фенимор Купер, Хемингуэй, Мопассан, Томас Манн, Франц Кафка... Только не стоит спрашивать парня о содержании этих книг — попадете впросак. Он собирает их, как говорит, для красоты, для престижа, ведь книги — свидетельство духовности, культуры.

Культуры?..

Баходыр АРИПОВ,
Бобомурод ИМАМОВ,
г. Ташкент.

У меня была подруга, с которой мы вместе учились в школе. Единственная дочка в семье, родители — торговые работники — старались сделать все, чтобы обеспечить будущее дочери.

Накануне окончания школы мы говорили с ней о планах на будущее, и вдруг я услышала:

— Родители собираются в педагогический институт устраивать. А после диплома пристроюсь, наверно, заведующей детсадом, папа обещал договориться.

Как же так? В классе ее считали самой современной, одевалась она так модно, носила золото... Значит, можно быть внешне суперсовременной, а рассуждать по-пещерному? Не хочется считать свою подругу мещанкой, но...

Феруза МИРЗААЛИМОВА,
г. Ашгабад.

«Молодая смена» часто пишет о той или иной школе, где не хватает ЭВМ, диктофонов, лингафонных кабинетов. А вот интересно, кишлачные школы тоже должны оснащаться такими техническими средствами? Ведь мои одноклассники, например, не то что видеть, но и слышать-то о таких аппаратах не слышали...

Фарманджан КУЧИМОВ,
школа № 24 Нуратинского района
Навоийской области.

Я недавно шла по улице и увидела безобразную и страшную сцену: двое парней лет двадцати избивали и издевались над третьим.

Этого третьего я знаю: он слабоумный. Мимо шли прохожие, а я — что я могла сделать?..

Недалеко от нашего дома с помощью длинных труб подается вода на хлопковое поле. Если бы написать на бумаге слова, которые нацарапаны на этих трубах, бумага, наверно, сгорела бы со стыда! Самое ужасное, что есть среди этих грязных слов и слово «МАТЬ».

Пройдет время, снега и дожди, наверно, смоют даже и ругательства на этой «доске бесстыжих». Но как убить ростки низости, которые поселяются в сознании людей?

Сурайя ЗАИРОВА,
Новбахорский район Навоийской области.

Поссорились...

Фотоэтиюд Б. РЫЗАНЦЕВА.

му, и отец ей поверил. Потом я узнала, как он страшно расправился с мамой: пообещав, что хочет купить ей в Заамине какую-то вещь, повез куда-то ночью в машине, оставив нас, детей, дома одних. Потом он оставил машину в каком-то пустынном месте и вместе с той женщиной стал бедную маму избивать, пинать, таскать за волосы, пока она не поте-

Владимир МОРИЦ

Маленькая повесть

Димке

Радуга

— Пап, ты же сам обещал: как только выходной, поедем, и вот выходной — а ты!.. — тарыхтит Юрка, белоголовый и белобровый, давно не стриженный мальчишка.

— Мам, а мам! Ты же сама говорила: если я буду хороший, а я был хороший, я старался, скажи, пап? — Синие глазки полны надежды.

— Пап, ну па-па!.. — К рукаву снежно-белой рубашки тянется замурзанная лапка. — Па-па! Пап!..

— Ма-а-ам!.. — уже басом.

— Отстань, Юрка. — Со стоном: — Боже, как ты мне надоел! Возьми свои игрушки и иди. Иди! Куда хочешь, господи!..

Иди, Юрка. Или не видишь, что мама фанята ужасно важным делом? Что было: дядьки втащили в комнату шкаф; казалось, пол прогибается под их сапожниками; папа снял пиджак, бросил его мимо спинки стула и, широко разведя руки, словно курицу ловил, забегал вокруг дядек; а уж вокруг дядек, шкафа и папы бегала мама; пачкая спины о стенку, дядьки наконец бухнули шкафом об пол, получили от папы «за труды» и, почему-то ворча, утопали. И вот в комнате только мама, папа и новый шкаф. Этот шкаф надо поставить. Мама стоит на середине комнаты, руки сложены на груди. Глаза прищурены. Стоит так очень долго. А папа сидит на стуле, отдыхает. Набирается сил: дядьки-то ушли, и теперь двигать шкаф придется ему.

— Знаешь, Тоня, что я придумал? — говорит папа весело, но не очень. — Пускай он тут и стоит. Мне, ей-богу, нравится.

— Ему нравится! Чтобы я такую прелесть — и поставила в угол, как Юрку? — возмущается мама.

Надо же было купить этот шкаф именно сегодня, когда у папы выходной. Все утро пропало, а ведь договаривались на рыбалку. И червей Юрка накопал, и спать накануне лег пораньше. А снились ему озерки. Ах, озерки!.. До поворота в автобусе, а там по полям... Хорошо! Пешком хорошо, а в такси еще лучше. Она особенная, эта машина с шашечками, — она мчитя, точно реактивный самолет, из-под колес так и брызжут камушки, а все люди, увидев, как папа с Юркой едут, выбегают на дорогу и приветственно машут руками.

— Пап!

Молчание.

— Мам!

— Юрик, ты слышал, что я сказала? Возьми свои игрушки и иди. Господи, ну что за ребенок! У других дети как дети, а этот...

Юрка бредет к двери. Открыл дверь и снова потянул ручку на себя. Позвал с тихой отчаянностью:

— Па-ап! Ты же сам...

— Иди, Звонок. — Папа вяло махнул рукой. Дверь дико завизжала петлями, мама прошептала негодующе: «Ну, я тебе сейчас!»

Он на такие случаи натренированный. Замелькали ступеньки.

Во дворе никого. Тетя Рая, мамина лучшая

подруга, когда они не в ссоре, большая и лохматая, зачем-то дергивает с веревки белье и как есть мокрое комом сваливает в таз?

— Чего стоишь? — интересуется она. — Опять прогнали, что ли? Нашкодил, поди?

— И ничего не нашкодил, — не очень уверенно произносит Юрка.

— Вот и бежал бы домой. Погода-то — видишь, ай нет?

А что погода. Конечно, от такого ветерка бежит рябь по воде, поплавок скачет, и не вдруг поймешь, когда рыба клюнет; зато комаров нет, когда ветер, а ловить можно «на стук», без поплавка. И вот что — поехать бы всем вместе. Юрка с папой ловили бы карасей, а мама пускай купается. Тогда она не мешает рыбачить, а так станет вскрикивать каждую минуту и хвататься за удочки: «Дайте я!» Купаться она любит, шуму от нее, брызг! И так смеется — звонко-звонко, она очень красивая, когда смеется. А теперь она другая. Ну почему они с папой какие-то не такие? Когда в селе жили, папа всегда веселый был, песни пел. А как трактор водил! Рычаг вот так, так, и трактор — как танк!..

Юрка уходит все дальше от дома, от маминых криков, от еще более тяжелой тишины, когда мама молчит, — уходит мальчишка в кургузом костюмчике маленького горожанина.

Были какие-то дурные мысли: вот убегу, вот стану искать, переживать... Остановился — все, поперек пути легла речка. Это ненастоящая речка: прямая, точно асфальтовая дорога, нет в ней ни излучин, ни мели. Одно название! Но на берегу, возле самой воды, растет какая-никакая трава, и тал полощет в воде ветки.

Юрка сбежал к воде.

Тихо журчит вода, орут лягушки, пахнет трава — все как в селе. Там Юрка прожил долго — почти пять лет. Вот где жизнь! Какие там зимы! Улица вся белая и хрустит. А снег мягкий. И снежки ладно лепятся, и бабу можно накатать большущую, если первый ком катать всем и второй поднимать тоже всем вместе. А на коньках! А на салазках с горки! И нисколько не обидно, а наоборот, весело, когда на тебя навалится куча мала. Не всегда ж ты внизу оказываешься, бываешь и сверху, вот когда крик!.. Весна начинается капелью. Тюкают капли, повиснет легкий парок над землей; солнце яркое-яркое, оно везде — в небе, в окнах, в лужах; вода потоками с крыш, весь воздух синий, и гвалт во дворе какой-то особенный, и люди — веселые, словно наступил большой праздник. А потом приходит лето... Вот, только подумал — «ле-то» — и тут же замельтешила в глазах зелень сада, и леса, и просто улицы, и просто земли...

Юрка не замечал того, как темнеет вода, будто уже вечер или даже совсем ночь. Большое и лохматое небо все в растрепанных ветром тучах. Солнце пробивается сквозь тучи веером лучей. Один лучик нашел Юрку. Тот зажмурился от солнца, и тут же тяжелая капля вцепилась ему шлобан. Дождь зашуршал по траве, словно подкрадывался. Юркнула мысль: «Домой!» — но тут же стал надвигаться мамин голос, бранчивый, от него почему-то всегда хочется убежать. Или сделать что-то так, чтобы мама говорила мягко и тихо, ведь она может по-другому, она добрая. Она не такая...

Натянул на голову курточку, нахохлился. Барабанит дождь по воде, по траве, по Юрке. Ничего не замечает мальчишка, вспоминает, как говорила мама. Не ему говорила, но он — слышал.

«...Вон как ты запел! Гера, Гера... Да не истеричка я никакая, не выдумывай и не говори так, не обижай меня, я и так жизнью обиженная. Молоденькая была — дурочка, всему верила, рот разинув слушала, когда ты стишок так красиво декламировал: «Я знаю, я нужен степи до зарезу!» Удивлялся: будто про тебя поэт написал. Будто

того не знал, что стишок тот уж с такой бородой... Нынче другое время! Теперь так: каждый должен жить хорошо. Где ему лучше. А у кого прав на красивую жизнь больше, а? Про тебя тогда только и слышала: золотые руки! А ты что? Теперь вот про тебя что говорят? Званцев — голова! Выходит, ты сплошь золотой у меня, золотой ты мой. Откуда им знать, какая у тебя в самом-то деле голова... Такую работу предлагают! И где? В городе! А ты... Ты обо мне хоть раз подумал? Мне уже вон сколько лет — а что я видела хорошего? Что у меня есть, кроме тебя да Альки с Юркой?.. Соглашайся, Гер, я тебя очень прошу. Ну хочешь, я пойду работать, стану уродоваться, как все, я же не какая-нибудь, у меня диплом, Альку в школу устроим самую лучшую, с уклоном, Юрку отдадим в детсад. Мы так заживем!.. Дома у нас будет все: и вода горячая, и полы паркетные, вся кухня в белом кафеле... А в городе!.. Магазины, каких тут нет, кино... Знаешь, какое кино? Начинается минута в минуту и не по частям крутят, никто не свистит и не топает — нет, все так культурно...»

И вот — приехали в город. Небольшой городок — но после села... Немного помыкались с жильем, потом получили квартиру в новом доме в новом микрорайоне. После и ту обменяли на большую.

— Глянь, Гера, какая высота! — ахала мама, стоя на балконе. — Что это там — речка? Ка-кая прелесть!

Для Юрки, понятно, главное — двор. Глянул — огромный, как гора, серый дом. Слева такой же дом и справа. Небо ровно срезано крышами домов, в небе ни облачка, но не голубое оно — выцветшее какое-то, словно известкой давно покрашенное. Не понравилось тут Юрке.

Приехали, когда в селе уже зима, а тут все еще с короткими рукавчиками, пыль, то тучи, то тепло, то вдруг налетит холодный ветер, а в небе полная ясность. Нет снега — и все тут. Что оставалось Юрке? Стал мечтать о лете. Втайне надеялся: вдруг летом обратно в село. Ну хоть не насовсем, а так, побыть. Лишь бы поехать, а там видно будет. Юрка точно знает: обратно сюда не захочется, ведь мама и папа — они такие умные, и мама сама говорила: «Теперь каждый должен хорошо жить. Где ему лучше». А папа скажет: «Ну его, город»...

И вот наконец лето, и мама говорит: «Поедем!» Не ему говорит — папе, но Юрка слышит: «Ты где-то там пропадешь денно и ночью, а я тут с Алькой да Юркой в этой серой конуре — одна,

Рис. С. СПИРИХИНА.

одна, одна... Почему мы не можем провести отпуск как люди? Альку в пионерлагерь отправим, Юрку тоже пристроим куда-нибудь, возьмем туристические. Вон, Гражевские когда в Болгарию ездили, оставили Анне Семеновне и цветы в горшках, и Таксу, эту суку, — ничего! Ой, я представляю себе! На белом пароходе по синему морю... Волны, чайки... А? И — в Москве. Нет, ты скажи, почему люди могут жить в столице, ходить по всяким там цумам и гумам, а мы тут до сих пор... Мы хоть на карте-то есть?»

...Вдруг Юрка почувствовал: над ним кто-то стоит. Стоит кто-то очень высокий и улыбается. Приоткрыл Юрка один глаз — никого. Глянул смелее — и вскочил, и даже руки вскинул, словно прикрыться хотел от необычайной яркости. Прямо перед ним стояла... радуга. Низко-низко. Небо над ней прозрачно-голубое, глубокое, а сама радуга — сколько же цветов она впитала в себя! Сверху — малиновая, нет — красная, нет, уже не... Книзу рыжеет, выгибается солнечно-желтой полосой, а под ней небо синее и сиреневое, отдает синь радуге, вмешивает синь в желтое, отлиывает зеленое, набрасывает на радугу все новые и новые обручи — дымно-фиолетовый, лиловый, оранжевый...

Еще цокают по лужам капли, а солнечные пятна уже промокают крыши. Высыпали люди на улицу.

Бежит по улице белоголовый мальчишка, шлепает мокрыми сандалетами по асфальту. Он часто оглядывается, кричит людям, показывает рукой вверх, но — ненормальные, что ли? — ничего не замечают люди, горбятся под зонтами, и все куда-то спешат, усиленно под ноги себе смотрят, опасаясь, как бы в лужу не ступить.

Бежит Юрка. Только двое услышали его. На девушке платье, точно стеклянное, идет она босиком по лужам, туфли несет в руке, рядом парень — рубашка будто влипла в тело, остановились и радуются, как он.

А Юрка уже возле дома. Скорей. Только бы успеть. Только бы не потускнела радуга. Пролет за пролетом. Мелькают под ногами ступеньки. Отшатываются от Юрки человечки «точка-точка-запятая», нацарапанные на стене. Ступеньки, ступеньки, ступеньки. Суматошно забарабанил в дверь. Еще и еще. Послышались мамины шаги, шарканье тапочек, ну почему она так долго не открывает? Юрка изо всех сил тянет за ручку. Наконец влетел.

— Ты что как угорелый? На кого ты похож, боже! — ахнула мама.

Юрка улыбается и еще ничего не может сказать. Тюкают в виски звонкие молоточки. Задохнулся.

— Мам, радуга! — выпалил наконец и вцепился в рукав ее халата. — Такая радуга, мам! — И он потащил было ее вниз, но тут же вспомнил про папу, юркнул в комнату, уставился синими, искристо и шало блестящими глазами: — Пап, радуга!

Папа сидит как сидел. На лице усталость и безразличие ко всему на свете. Ни проблеска. Мама жестко сдвинула Юрку за плечи, подвела к двери.

— Сушитесь. Чиститесь, — приказала она.

Юрка не упирался. Он весь как-то сник.

— Да пойми же ты наконец! — Это уже не ему — папе: — Комната и так продолговатая, а когда ставишь вещь вдоль стены, залз выглядит уже длинной! Думать надо. Думать! Ты лишен элементарного...

Стукнула дверь.

Тянут к Юрке руки-соломинки нарисованные человечки.

Вышел из подъезда. Поддал ногой консервную банку, она покатила по земле, жалобно звякая. Юрка догнал ее и опять пнул. И еще раз.

Во дворе никого. Ну и ладно. И пусть. И хорошо: никто не увидит Юрку, какой он. Сердитый.

Подарок Деда Мороза

— В общем так, дети, — строго-напевно протянула мама. — Сегодня мы с папой идем в гости, вернемся поздно.

Юрка утопал в другую комнату и притих возле окна. Всякий раз, когда обижался, он уходил к этому окну и смотрел на улицу до тех пор, пока не надоест дуться.

Сегодня в садике была елка, Юрка читал стихотворение про звезды Кремля и снежинки, потом прыгал в костюме пингвина. Было очень весело, и все-таки Юрка обрадовался, когда все кончилось; и домой он так торопился — даже не взглянул, что там в пакете с подарком.

У Альки каникулы. Это значит, он весь день дома. С ним — мирово! Можно разобрать марки по сериям, выстругать еще по одному нагану и после, прячась за спинку стульев, кричат друг другу: «Кх! Кх-х-х!» Мама весь день будет готовить что-то вкусное, и хотя Юрка не больчо-то

охоч до еды, очень нравится ему, когда в квартире мешаются запахи печенья и лаврушки, и все дают попробовать, и дома веселая суета. В такой день папе не до газет, он будет сперва помогать маме, а после, когда выпачкается мукой и в духовке что-то подгорит, мама прогонит его с кухни — и тут папа наш! Можно рассказать ему стишок про звезды Кремля и снежинки, потом попросить его: «Пап, Расскажи», — и он станет рассказывать про то, какие у нас мировые танки и какие мировые парни — танкисты. А дальше — всем вместе смотреть мульты. Вот жизнь!

Дома хорошо, не то что во дворе. Там холодно, земля серая и пыльная, небо тоже серое, солнца нет, как будто уже вечер.

После обеда Юрка высыпал на стол содержимое подарочного пакета. Он разломал на равные дольки шоколадку и угостил всех, папе и Альке дал по яблоку, а маме — апельсин. Отдал целиком, хотя он тоже весь из долек. Юрке все время казалось, что мама просто так сказала про гостей. Вот сейчас она съест апельсин, посмотрит на Альку с Юркой, какие они тихие да послушные, заметит, как дома хорошо, и скажет: «А знаете что? Ни в какие гости мы не пойдем! Будет у нас свой праздник, свой Новый год — не хуже, чем у людей!»

Но мама ничего не сказала.

В прошлом году была елка. Нарядная, с лампочками. Но от нее потом вата и хвоинки по всей квартире, и мама заявила: никогда больше не будем устраивать у себя это безобразие. Новый год встречали дома. Весь день была суета-толкотня, Юрка с Алькой каждую минуту мешали маме, им, конечно, доставалось. Вечером стали сходить гости. В квартире пахло хвоей, духами и табаком, было шумно и весело. Альку и Юрку уложили спать пораньше, и потом то мама, то папа крадучись заглядывали в темную комнату — постоят минуту, прикроют за собой дверь и кричат: «Спят, как сурки!» А Юрка и не спал вовсе. Гостей было человек десять, но кричали они все разом, как будто их сто, громко звучал телевизор, надрывалась радиоло, во всем доме стоял топот и крик, во дворе то и дело бахали ракеты, и по стенкам комнаты стекали разноцветные отражения огней.

Уходят — и пусть.

Собираясь в гости родители принялись сразу после обеда. А часов в пять мама сказала: — Гера, опаздываем. — И потом она много раз говорила, шептала, кричала: — Опаздываем!

Она бегала по всей квартире. Шкаф стоял открытым. На спинках стульев были навешаны мамины платья и кофты, палины рубашки и пиджаки, мама металась от стола, где уют, к зеркалу. Она с каждой минутой становилась наряднее и красивее. Такой Юрка еще никогда не видел ее. Румяная, пахнущая как-то по-особенному, и глаза большие, блестящие, и так ходит, что от нее ветерок по всей квартире.

А папа скучал. Он уже успел испачкать пиджак сигаретным пеплом и помять брюки, ну и наслушался. Он тоже заходил в одну комнату, то в другую, но как-то так, чтобы мама в это время была в другой комнате. Черный костюм на нем топорщился, из рукавов пиджака высывались жесткие манжеты, и вид у папы был какой-то невеселый, и говорил он как-то не так. Галстук ему мешал говорить, что ли.

— Мы поздно вернемся. Слышь, Али? — сказал он. — Ключ я взял. Поужинать сами найдете что, там всего полно. В десять — отбой.

— Ладно.

— Дома чтоб порядок был.

— Нет, ты мне словс дай, что дома будет полный порядок! Как в танковых частях.

— Ладно, пап. — Алька злой, почему его не отпустили на каникулы к отцу — к родному, они в дружбе, что не мешает ему с легкой душой звать «папой» Званцева.

— Что ладно, что ладно! — прокричала мама из другой комнаты. — Ты слушай, что тебе говорят!

— А я что...

— Телевизор не включай, а то забудете выключить, спалите вещь. Пожара наделаете. И ничего там для вас нет.

— Уходите, — протянул Юрка печально-прощально.

— Праздник, Юрка, — папа вздохнул. Смотрел виновато.

— Праздник, праздник...

— Не ворчи; Звонок. Так уж заведено у взрослых: надо хоть в праздник собраться всем, а то ведь растеряемся.

— А нам что?

— А у вас свой праздник. У Альки вон каникулы, тебе тоже в садик не идти. А ночь... Знаешь, какая это будет ночь? Слушай. Дети спят. И ходит от дома к дому Дед Мороз со своим волшебным мешком. Однако тут вот какой фокус: только к

тому подойдет дед, кто спит. Ждать ему некогда: вас вон сколько, а он один. Усек ситуацию? Так что дрыхни, не то шиш тебе.

— А если я быстро засну?

— Тогда проснешься ты утром, глядь — под подушкой игрушка. Или еще там что. Ну, подарок, одним словом. Ты чего, Алька? Чего лыбишься-то, спрашиваю?

— Ничего, — парень отвернулся, чтобы не показать ухмылку. Алька уже не маленький, ему, как Юрке, лапшу на уши не повесишь. Представил себе, как мыкается по улицам дед со своим безразмерным мешком, — ой, мамочки, умора!

Наконец родители ушли, и ребята остались одни, и все было точно так, как предполагал Юрка. Смотрели телевизор, играли в войну, по всему полу раскидали игрушки, а когда в окнах стало черным-черно, Юрка заявил, да таким тоном — можно подумать, он тут старший:

— Спать будем, Алька.

— Еще чего! — отмахнулся тот. — Время детское.

— Ты же слово дал папе!

— Подумаешь, слово. И ничего я не давал.

— Давал! Я сам слышал. Врать нехорошо.

— А ему хорошо, да? Ему — можно? Дед Мороз придет! Подарок принесет! Жди! Сам сунет под подушку по шоколадке — и все дела. Глупый ты.

— Зато ты у нас шибко умный. В прошлом году папа никуда не уходил, дома был, а я утром как встал — пожарная машина и еще краски. А папа спал.

— Да ну тебя! Телок — вот ты кто. — Алька уставился на экран. Показывали цирк. Медведи ездили на мотоциклах, собаки гоняли шар. Интересно. Юрка тоже стал смотреть.

— Аль, — позвал Юрка. — А у больших нет своего Деда Мороза?

— Чего-о? — вытаращился. — Ну, ты даешь!

Да на фиг он им? Им когда что надо, сами пойдут да купят, вот тебе и подарок.

— Не понимаешь ты! — вздохнул Юрка. Стало ему грустно, потому как упорно не мог понять, от чего они такие: сами покупают-покупают, все несут-несут в дом — и все равно им мало... И такие сердитые друг на друга, как вон мама на папу — того нет, другого нет, — радости у них нет, вот что.

И решил Юрка сам сделать подарки родителям. Про апельсин мама забыла, это Юрка засек. Так, есть один апельсин. Это будет маме. А папе... Папе пока ничего такого нет. Или есть! Вспомнил: папа говорил, нет для родителей лучшего подарка, чем примерное поведение детей, чтобы они хорошо учились и все такое. Значит, так. Завтра Юрка будет хорошо себя вести. Нет, не то... А что если положить им под подушку Алькин табель?

— Аль, у тебя пятерки есть? — вкрадчиво поинтересовался Юрка.

— Ну.

— А четверки?

— Что? Есть, отвязись.

— Аль, а тройки?

— Есть у меня тройки! Сто штук, понял? — И везд не врал.

Понял. Не годится для такого случая табель с тройками.

Тогда вот что. Юрка делает свой подарок, он сам напишет что-то такое — пускай знают, какой у них сын. Ему шесть лет, а он уже умеет писать. Вот.

Ну его, телек. Юрка вытащил из пакета открытку с красивой картинкой, взял с Алькиного стола шариковую ручку и устроился за обеденным столом.

Наверное, нет ничего проще таких слов, как «папа» и «мама». Они как будто придуманы специально: буквы, как ни переверачивай, все равно встанут правильно. Ничего, что они получились такими большими и немножко корявыми. Еще можно написать «Алик» и «Юра», и еще «мир», это слово теперь везде пишут, куда ни глянь — и голубь. Да, а «С новым годом» не надо, уже написано на открытке. Красиво написано, вздохнул Юрка. Ладно, и так уже места нет. «И» и «р» как назло получились наоборот, но Юрка этого не заметил, рад-доволен, живо представил себе, как удивятся и обрадуются родители, когда утром найдут под подушкой его открытку.

Долго не мог уснуть Юрка. И спал как-то беспокойно, все казалось ему: кто-то тихо зашел в комнату. Он притворился спящим. Или это ему снилось, что он не спит, а притворяется спящим. Мама приоткрыла дверь, постояла минуту, потом сказала: «Дрыхнут! Спят, как мишка на Севере!» — и тихо рассмеялась; передеваясь, что-то напевала, а папа бродил по кухне, топя тяжело, как слон, и казалось, что весь пол здесь заставлен ведрами, кастрюлями, сковородками, и все это катилось ему под ноги. «А, ч-черт, — разговаривал папа сам с собой. — Чистой кружки не найдешь в этом доме! Н-ну, ж-живу!» — Он так долго ходил по кухне, словно не мог найти в темноте дверь. Наконец нашел. И кровать нашел. Лег и наконец-то усомнился, и мама успокоилась, стихло ее «ш-ш...»

Ну и ночь! Новогодняя называется. А осталось от нее всего ничего. Закрыл глаза и словно моргнул только — утро.

Юрка проснулся рано-рано. В комнате светло, как днем. Нет, даже еще светлее, чем днем.

Не поворачивая головы, косил глаза на стул. Вон оно все, как положил с вечера: штанишки, рубашка, свитерок. Один носок свернулся в клубок, точно котенок. Другого нет, — закатился под кровать, что ли. И ничего больше. Та-а-ак...

Сунул руку под подушку — гладко. Под матрац — рука прошуршала по сетке.

Под кроватью стоптанные туфли и тот самый носок.

Спит Алька, замотал голову одеялом.

Заглянул в другую комнату — прямо под ноги подкатился рыжий апельсин.

Но ведь уже прошла ночь! Уже утро!

Юрка, как был босиком, прошлепал в свой угол возле окна — и рассмеялся, весело, громко, звонком прозвенел его смех по всей квартире.

Что, Алька, нет никакого Деда Мороза? Никаких подарков нет? А вот он, подарок, да еще какой! Мне! И тебе! И всем!

Улица белая-белая. Такая белая, что ну ни одной черной точки. И небо белое. И весь воздух в белых лохматых хлопьях. Снег идет. Идет снег! Наступила зима, и теперь ничего больше не надо. Скорей одеться — и туда! Лепить бабу, ловить на варежку снежинки, кататься с горки...

А вы, большие, спите. Эх, вы! А еще большие!..

Горизонты

Уже став взрослым (ну, почти взрослым), Юрка почему-то часто вспоминал свое детство до шести лет.

По площади — между четырьмя колоннами ножек обеденного стола — мчались машины со свороченными кузовами и отодранными кабинками. Мимо дивана к шкафу и от столика с телевизором к холодильнику — улицы. Или нет, лучше — тропы. По ним запросто разгуливают всякие звери: медведи (мишка большой — почти с Юрку, одно ухо у него прибито белыми нитками), слоны, олени, зайцы. Эх, отодвинуть бы диван и убрать шкаф с тарелками — какую дорогу можно проложить! И уехать по ней далеко-далеко... Ну вот, замечтал-

ся — и машины столпились возле перекрестка, тычутся радиаторами в Юркины ладони.

Можно назвать площадь джунглями, можно сказать об этих джунглях: это весь мир. Но, как рыбка в стекло аквариума, тычется Юркин мир в ножки стола. И мечутся в этом мире папины расшлепанные тапки. То жалобно, то нагло звякают тарелки в шкафу. Мама ходит по комнате, и всюду: в большом зеркале на стене и в маленьком на столике, в блестящей поверхности шкафа с тарелками и хрусталем и другого шкафа, большого, как чулан, всегда закрытого, как будто там стоят банки с вареньем, а не висят зимние вещи, — всюду мама. Отовсюду смотрит сама на себя — жалея, и на папу — сердито. И говорит ему: «Что-о? Наконец моя душенька довольна? Моя душенька довольна будет, когда у нас все как у людей будет. Когда у нас будет паркет и кафель. И не просто абы какие...»

Земля во дворе зеленая и загадочная. Сошуриться — и стрелки лука превращаются в тополя, кусты полны — в чинары, и можно долго наблюдать за тем, как пробирается по джунглям кропа слон — он же жук.

Огромным и непостижимым кажется мир двора. Но вот перестал шуриться, поднялся с четверенек — и видишь: смятая пыль, лук, колючий малинник. За малинником сразу забор. Опять грядки, опять пыль. Забор.

...Юрка дома. Сидит на подоконнике, смотрит улицу. Слушает.

Стучат кузовами самосвалы.

Где-то далеко гукает тепловоз.

Искрит над крышами голубиная стая.

Тянет по небу самолет тонкую, как паутинка тополевого пуха, трассу.

В комнате тесно, как под столом. Во дворе тесно, как в комнате. Потому что где-то гукает тепловоз и погрохатывает в синей выси невидимый самолет.

Отчего же происходит такое, что улица вдруг становится тесной, как двор, и город — исхоженным, как улица?

Да и что такое город? Всего лишь кружочек на карте!

А Земля?.. Шарик! Да, ведь кто-то увидит ее шариком. Кружочком — как город на карте.

...Идет снег. В воздухе белый танец снежинок.

Юрка смотрит в окно. Кажется, весь мир заполнен веселым кружением снежинок. А ведь над городом голубое небо! Да — голубое и теплое, как в июне. В этом очень просто убедиться: стоит подняться над тучей. А если выше?.. Совсем выше. Поднимешься над голубым, и — днем — тебя окружает черный бархат, бисерно и жемчужно расшитый звездами... Это космос. Космос... Здесь каждая трасса — строка истории. Но не ради славы поднимается в эту высь человек.

«Что слава!..»

«С орбиты искусственного спутника Земли ракета выведет вас в направлении удаления. С каждым часом будет слабеть связь. Потом она полностью исчезнет. Это очень тяжело: лететь — годы! — не слыша ни единого зменого шороха...»

«Нужно взять с собой магнитофонную ленту: голоса друзей, наши споры и наши песни, и шум дождя, и марш духового оркестра первомайским утром, и озеровское «Го-о-о!» в грохоте стадиона».

«...не зная, что сейчас на Земле».

«Но я знаю, что должно быть в моей стране завтра, и через год, и через много лет! Я буду жить одними мыслями с моим народом. Честное слово, я же землянин всегда — и теперь, и там, и когда вернусь!»

«Ты вернешься... Через четыре года. 1461 сутки полета. 35064 часа безмолвия и одиночества. Ты вернешься таким же молодым, только, быть может, виски твои посеребрят седина, а на Земле минет сорок лет».

«Со-рок? Нет! Не может быть! Нам с Надей сейчас по шестнадцать, значит, мне будет двадцать. И ей двадцать!»

«Ты полетишь, а она останется на Земле, и четыре года твоих будут сорока годами для нее. Самое тяжелое, что тебя ожидает по возвращении, — это первые встречи. Ты подумай прежде, чем принять решение. Ты только представь себе: ты вернулся, и тебя встречает Нада — совсем старушка, и нет мамы, ей не хватило жизни дожидаться...»

«И все-таки — полечу! Ведь если не я — значит, кто-то другой. И что, ему будет легче?..»

— Званцев! — Голос учителя слышится резко, но будто издадека. — Званцев, повтори мои последние слова!

Насупленное молчание угрюмого подростка. — Надобно слушать, что говорит учитель. А не мечтать о чем-то. Или с кем-то. — И уже классу: — Так вот, в решении этой теоремы мы видим...

А за окном все кружатся, кружатся белые звезды. Обыкновенные снежинки.

Сколько там до звонка?.. Так... Последний урок — значит, домой. А что дома?

Мама гуляет по квартире и ворчит на папу. Папа

возмущается: «Живем, слава богу, в трехкомнатной, улучшенной планировки, лоджии вот застеклил, считай, еще одна комната, пятьдесят шесть метров полезной площади, а хожу бочком, сам себе ноги оттаптываю. Зашмотились!..» Мама еще не знает, что сказать, а он уже зажмурился, затыкает пальцами уши. Накричаться — после долго играют в молчанку. Ждут писем от Альки, пишет он редко, мало — с полстранички, и все одно и то же, только другими словами. Плавает Алька в дальних морях. Когда приходит письмо, вырывают его из рук друг у друга, но мама, когда завладеет, медлит надорвать конверт. Прочитают, перечитают, одинаково сгорбась, садятся перед телевизором.

Чем их повеселишь! Рассказать, как на уроке балдел? Да ну, кому это интересно?

Всю фирму на себя. Маг врубить. Пошел. Уш-шел!..

Летите, голуби!

В зале вальс. Ладно — танцевать не надо, никто ж не умеет. Так слушай.

Юрка вышел во двор покурить, а как сел на скамейку — и про сигареты забыл, так здесь хорошо, тихо, дышать есть чем. Слушал вальс.

*...Сюда мы ребятишками
с пеналами и книжками
входили и сидели по рядам.
Здесь десять классов пройдено,
и здесь мы слово «Ро-ди-на»
впервые прочитали по складам...*

Слушал — и так задумался, так далеко его повело куда-то; опомнился — отчего это тихо?

Кончилась песня. Сняли пластинку. Врубили маг. Рок. Верно его назвали — тяжелый рок. Тяжелый он, точно. Лучше бы поставили еще раз эту старую-престарую пластинку. Песня какая-то особенная, точно. Есть такие песни, но мало. А вот Надька их не любит, «Звон, — подзаводит его, — ты отчего такой тихий получился? Когда был маленький, мама укачивала тебя и пела сладким голосом: «Спи, моя радость, усни»? Ты засыпал под колыбельную — вот она в чем, твоя беда. А у меня все по-другому было. Чуть что — батя рубрает проигрыватель на полную, чтоб ему моего рева не слышать, и все дела».

Когда собирался на вечер, мама гладила ему рубашку и тихо напевала, как-то по-особенному растягивая слова:

*Давно, друзья веселые,
простились мы со школою,
по каждый год мы в свой приходим класс.
В саду березки с кленами
встречают нас поклонами,
и школьный вальс опять звучит для нас...*

Думала о Юрке, какой у него нынче великий праздник? Вспоминала свой выпускной вечер?

А папа думал и вспоминал совсем с другим. Ни с того ни с сего рассказал Юрке:

— В пятьдесят четвертом на целине такое приключилось. Расскажу — не поверишь. Слушай. Весной кто-то из наших по глупости пальнул в орла, подстрелил, он упал прямо на наш шалман — живой, злой. Красивый. Орел есть орел! Сделали для него клетку — большущую, хоть летай, сусликами его закармлили, крыло быстро зажило, и стал орел совсем ручной, с руки жратву брал, хоть и сытый. Да, а поздней осенью, когда с токов убрали все, в степи черно — пора, как говорится, на зимние квартиры, — в последнюю минуту в спешке вспомнили про орла. Сетку не сломали, просто так перекувыркнули клетку, а орел остался где был. Не огороженный, над ним небо, вокруг степь. Лети! А он сидит. Стали его шугать, кто-то пугнул, вроде пендалем поддать хочет — лети! Сидит! Наконец подняли. Полетел. Хорошо полетел, свободно, сделал круг над нами. Ну, мы и потопали к машине, чтоб ехать в центральную. А поехали — все смотрим на то место, где жили, посмотрим, хоть там уже ничего нет, но уж так люди устроены, видеть... И вдруг видим — орел сидит. Сидит, паразит, на прежнем месте возле своей клеточки! Вот оно как в жизни бывает — ни в каком кино не увидишь, я тебе говорю...

Почему папе вспомнилась именно сегодня эта история? Зачем рассказал? Почему ты, Юрка, не в зале, где все, ведь там танцы, там такая веселуха, и крик, и Надька там, и в их классе (на свет, как на звонок, — табу) есть еще сколько-то припрятанных пузырей «Хосилота» — а ты здесь, во дворе, на этой затоптанной скамейке, и думаешь не о том, что будет дальше, как пойдет теперь жизнь без звонков (ведь уже завтра надо что-то делать — или идти на завод, или готовиться к экзаменам в институт), — нет, сидишь как сыч или как тот орел чокнутый?

Кончай, Звон, это скучное занятие — думать. Слышишь, вся школа гудит. Для того рок и придум-

мали, чтоб не думали больно много-то. Пойдем, сделаем школе ручкой...

После звонка

Угрюмо просмотрел списки. Сверху донизу. Просто так. У него четырнадцать из двадцати. И ни стажа, ни разрядов, ни на каком саксофоне играть не умеет. И тети нет, чтоб за хвостик подержаться. Ничего нет у Юрки, полная безнадега. И нечего переживать. Как будто с самого начала не знал, чем все кончится. По что пошел, то и нашел. Как потопал, то и слопал.

Алька, можно подумать, весь в папу (не в родного отца — в Званцева): тот из танка на трактор пересел, этот — с крейсера на сейнер. А вот Юрка точно в Алькиного отца: не хочу жениться, хочу учиться.

Ну-ну, Звон, брось. Все про тебя знают, один ты не знаешь: в Ташкент поехал, потому что поехала Надька. И нечего тут.

— Пошли, — сказал он сипло, но жестко, как подобает мужчине.

Они молча прошли через вестибюль, сбегали по лестнице.

Надя счастлива и потому чувствует себя виноватой. Она то и дело приостанавливается, чтобы взглянуть Юрке в лицо, ей уж так хочется сказать ему что-то хорошее-хорошее ласковое и тихое, но сердце подсказывает: не надо, нельзя, не станет слушать; мужчины не выносят, когда их жалешь.

В густой тени под чинарами он остановился и проговорил ломким басом:

— Все. Пришли. Дальше я один.

— И куда ж это ты наладился, Звон?

— Так, пошляюсь. — Ему надо побыть одному, может быть, даже погрузить самую малость. Но только так — одному. — В шесть здесь.

— Слушаюсь, командир.

Она вернулась в институт, чтобы еще потолкаться возле списков. Поторжествовать. Юрка — пошел.

Когда надоело брести по одной улице, свернул. Раз направо, другой налево. И вообще ему на все наплевать. Шел, шел — и оказался опять возле тех же чинар. Только тень от них малость отодвинулась. Тут сквер: цветник, памятник, скамейки. Скамейки — вот это хорошо. Едва добрал до ближайшей, не сел — шлепнулся.

На другом конце сидели двое. Он и она. Юрка их не видел: закрыл глаза (солнце прямо в лицо); они не замечали соседства, уж так были увлечены разговором.

«...Нет, нет, нет! Все!»

«Все так все. Что ж пришла? Что ходишь за мной? Зачем эти разговоры, зачем все? Кажется, обо всем переговорили и не по одному разу».

«Но я не могу одна!»

«Ах-ах. Она не может. А я — могу?! Я вообще ничего не могу».

«А как же...»

«Да как хочешь! Ты очень точно подсчитала, сколько у меня в месяц. А я — не знаю! Все просят: сделай — и я делаю. Все обещают — и никто не спешит рассчитаться. Тянут. Жмутся. Получаю — то густо, то пусто. Когда как, чаще никак. А получу — сколько послать ей, сколько принести тебе, сколько старикам, чтобы никого не обидеть, а все на меня обижены; сколько отдать — и чтобы себе хоть на «Приму» осталось, и не сшибать, не стрелять, не перехватывать, не кланяться, не бегать от того, кому должен, а я должен всем: у кого брал и у кого не брал, — всем я, оказываюсь, должен, должен, должен...»

Юрка нахохлился. И тут... Чувствуйте себя как дома. «Сколько получил?... А сколько принес?...» Глаза папы, когда мама спрашивает его про деньги. Глаза мамы, когда уже темно, а папы все нет...

Не поступил — и плевать. Даже хорошо, что не поступил. Податься куда-нибудь. Вон Алька плавает — и не нужен ему никакой институт.

Юрка пересел на другую скамейку. Еле прикнулся: три парня и девчонка. Одеты хипово, лохматые по-модному, малость под кайфом. Двое балдеют, третий поет под гитару, девчонка подвывает. А этот — ну что он хрипит под Высоцкого, что по струнам лапой лупит!

*Прокрутите нашу юность прокрутом
сверху вниз колесом чертовым,
все пропьем, что еще не про-ропито,
пропади наша жизнь пр-ропадом...*

Ну и песенка!

*Опиши ты меня зельем-м,
но не приговоришь к веселью-м-м...*

Не песня — псалом какой-то баптистский. Таково он еще не слышал на своей периферии. А тут...

*Пропади наша юность пропадом,
все пропьем, что еще не про-ропито-м-м-м...*

— Этот стон у нас песней зовется? — поинтересовался Юрка.

— Мы сидим. Видел? — придвинулся к нему крепким плечом один из троих.

— Вижу. А чё?

— А ты возник. Какая невоспитанность! Я внятно говорю?

— Ты давай ближе к делу, а то я тоже нервный.

— Занято тут. Усек?

— Усек, усек. Ты, главное, не выступай! Ты ж на психа напал, а от них жди сюрприза. Нужен тебе сюрприз? Так поимеешь его! Не нужен. Вижу. Вот и сопи в две дырки, как младенец мой прекрасный.

— А ты пересядь по-хорошему.

— Вона как... «По-хорошему»... А ты у нас герой!.. Ну-ну, не трепыхайся. Я тут посижу. Устал я, понял? Утомился. Или сказать, какой у меня разряд и по какому виду? Чтоб тебе после не извиняться шепотом за досадное недоразумение.

Нет у Юрки никакого разряда ни по какому виду спорта. Никакой не спортсмен он, чтоб зря людей не пугать. Правда, с детства плавал как рыба. И уж поплавал за школу. Бегал — тоже за школу: и сотку, и бесчисленное множество кругов. Он и в футбол, он и в волейбол, а вот значков нет почему-то. Даже ГТО нет, потерял на ладкание какого-то из выходных костюмов. Но этому-то пухлячку про его значки ничего не известно, вот и при на него. Вон как поскучнел заметно. О чем задумался детина: теперь кто их разберет, акселератов этих, думаешь, штангист — а он в шашки, разговариваешь как с шахматистом (ему мышцы нужны, чтоб только пешку с одной клетки до другой клетки додвинуть) — а он тебе как вмажет!.. Тот отстранился на всякий случай, хотя и ворчал еще. А Юрка искал приключений, уж так хотелось ему задраться. «Прокрутите наша жизнь прокрутом, сверху вниз колесом-м чертовым-м...»

— Пагавари-ка ты со мной, болонка подбалконная!.. — провыл Юрка дурным голосом. И когда гитара смолкла, как-то по-щенячьи вякнув, и все четверо уставились на него, зевнул смачно. Потом потянул гитару к себе.

— Дай подержаться. Врет она и тем оскорбляет мой музыкальный слух. Ну, дай, дай. Настрою. Умею. Еще спасибо скажешь и рупь предложишь за труды.

Он наконец-то завладел гитарой. Пощипал струны, подтянул колки. Потом — сильно — аккордами: «Я люблю тебя, жизнь!..»

Затосковали, откинулись. Ах вы!.. Не нравится вам это? Или жизнь не любите? Ладно, нате вам другое. Засипел по-блатному:

*И кто не знает чайку в хораде Адесе,
чайку Казимира! Шулера-а
ах часто занимались
темными делами,*

а за ним следили хуб-чека...

В ту же минуту на лады ложатся пятерни, гитара высвобождает из рук вежливо, но настойчиво, парни бьют, девочка пищит. Ах-ах. Ну о чем толковать с вами в такую жару. Пойду я. Покеда.

И тут один из парней повел себя по-людски. Так серьезно, внимательно посмотрел Юрке в глаза и тихо спросил:

— Что — до нуля срезался? Бывает! Ты шибко-то не переживай...

Юрка ошпарил его взглядом. Поднялся. Зачем-то отряхнул штаны и медленно направился к скамейке напротив.

«На мне не какие-нибудь там джинсы, — мысленно обращался он к пижонам. — За четырнадцать раз купил свои честно заработанные. А фирма то ли американская, то ли вовсе японская, вся в золоте и вензелях. Такой ни у кого из вас нет и не будет. Пусть от старой шляпы оторвал — фирма! Что — увидели? Ахнули? Затосковали? Поняли, кого вы потеряли в моем лице? Нашли кого жалеть! Благодарю за внимание».

На третьей скамейке никто не мешал Юрке. И сам он никому не мог помешать. На самом краешке сидел гость столитый, старый северянин с белыми ресницами на дряблом лице. Почему именно северянин? А кто еще может с таким младенческим наивом довериться ташкентскому солнцу? Если уж тут все бесплатно, так и валяй, хапай, даже себе во вред! Старичок сидел зажмурившись, высоко задернув подбородок. Лицо его было уже как зарозовевший фрукт, теперь простая душа обрабатывал загаром горло. «Дедок! — ахнул про себя Юрка. — Что же это ты с собою творишь-то? И что это тебя не защитит какая-нибудь ассоциация? Ведь облезет все это, и будешь ты некрасивый, облупленный!»

Когда заметил, что фотограф гонит к памятнику стайку туристов, Юрка воспрянул духом. Он точно скопировал позу старичка, так же зажмурился. Со стороны это должно было выглядеть уморительно. А поскольку эта самая умора попадала в кадр, фотограф должен был рысью направиться к Юрке. И тут непременно состоится веселенькая беседа, разговорчик такой развлекательный: я

больше не буду; а отойди он — опять, и еще раз, и еще раз...

Но фотограф почему-то не обратил на Юрку никакого внимания. Он умял ладонями группу, отошел, щелкнул. И тогда на Юрку напала тоска. Он думал о Надьке. Будет она тут одна без тебя слушать дикие песни «пропади-прокрути-пропьем», будет кто-то прогуливать ее, целоваться будут у всех на виду, если ты уедешь, а ты уедешь, Звон, не завтра, так послезавтра, не теперь, так через год, не на БАМ, так в армию!.. О-ой.

Лучи прижаривали.

Покрутил головой, открыл глаза — и ахнул. Плеснула в глаза пронзительная синь неба.

Клубятся облака.

Самое большое облако похоже на голову. Ту, из сказки. Шлем, усищи, бородаща, свирепо взъерошенные брови... Вот, уже и щеки напыжила дурная голова, дует — нет, не на Руслана — на стайку лодчиков. Они спешат уплыть подальше по синему морю, подернутому белесыми пенными гребешками. Лодочки расплываются врассыпную, а головы уже нет совсем, вместо нее... тоже плывет... Бригантина, точно! Ах, как это здорово! Ну, замри же, замри, корабль с алыми парусами!.. Нет, открасовалась, рассыпалась бригантина тоже на лодочки-лодочки, те — на стаю птиц, и эта стая гаснет в сини белыми искрами. И опять небо — какое было. Каким его не замечают. Небо как небо.

Солнце опустилось за дерево; наконец-то, Юрка в тени.

Здесь и нашла его Надя. Что-то сказала ему — не слышал, потому что думал о ней, и в его мыслях ее голос звучал куда громче и отчетливее, и угадывалось каждое слово — даже не высказанное вслух, и ничего в том нет удивительного: ведь эти слова для нее он придумывал сам. О себе он тоже не забыл.

Пока в школе, все тебе про себя наперед известно. Литература, история, две математики, химия, физра — потом домой; с понедельника до воскресенья уроки — потом выходной; с девятого ноября по тридцатое декабря вторая четверть — потом каникулы; после девятого класса десятый класс — потом... Все. Приехали. Было — все от звонка до звонка, все по звонку. Теперь... Жизнь без звонка.

— Звон!

— А? Явилась не запылелась?

— Какие у тебя глаза — голубые-голубые. Как будто наплакался тут без меня. — Села рядом. Долго молчала. — Что делать будем? — спросила наконец. Можно подумать, не знала, что она теперь делать будет.

— Я тебя люблю, — сказал он. До обидного просто сказал.

Надя знала: так не бывает. Она прочитала много книг про любовь и в кино видела, она знала, как это говорят. Так — никто. Но сказал же!

Юрка встал. Пошли. Шли почему-то быстро, спешили — куда? До него, похоже, дошло: так нельзя. Остановил ее в самой толчее перед станцией метро и, заслонив собой от толпы, долго, невыносимо долго смотрел ей в лицо. А потом повторил. То же сказал. Так же. Но Надя почему-то — неожиданно для себя — обрадовалась и развеселилась. И встревожилась.

— Как мне страшно, Звон, ты бы знал, как мне...

— Ну-ну, не будем. Пошли.

— Пошли. А куда?

Не ответил. Знать бы — куда. Так, куда-нибудь. Неумело обнявшись и оттого, должно быть, что так близко прильнули друг к дружке, неловко шагая, направились по солнечной стороне к центру. Они то исчезали в тени деревьев, то появлялись вновь, высвеченные солнцем.

Письма

А дальше пошла жизнь стремительная.

Уже на другой день Юрка был дома, а в понедельник пошел на стройку.

В Ташкент он прилетал два раза. Надя уж так была ему рада, и забавляло ее, что вот только подумала о нем (так ему говорила) — и он, как лист перед травой, стоит, переминается с ноги на ногу, улыбается смущенно. Но оба раза восторгов Нади хватало только на минуту, когда она Юрку увидит, когда, забыв про то, что она все-таки девушка, а он все-таки парень, кидалась к нему и целовала его так, что он шалел. А дальше что? Как там мама... как папа... кого из наших видел, и как они, где кто...

В первый раз, на ноябрьские, Юрка засек: ей было как-то неловко перед подругами и их приятелями за него: какой-то он... ну, деревенский, что ли. А Юрка, не замечая ее неловкости, как назло вспоминал и тут же выкладывал ей всякую муру из провинциального быта. Знаки, какие Надя подавала ему бровями, он не понимал, спешил (а то ведь забуду!) рассказать о том, что «свалку за третьим микрорайоном — помнишь, мы, как весна, мимо за гульбарой ходили — убрали, все почистили, и теперь там угадай что...» И замолчал только, когда Надя крик прорыдала: «Да перестань ты, наконец!» А он думал, ей все интересно, ведь это же их город, скучает по нему.

На Новый год он тоже прилетел. На «как ты там» морщился. Все оказалось не так. Строители — они вроде колхозников: рабень дотемна, только те на поле не зря присутствуют — хоть травку щиплют, а все равно дело какое-никакое; эти — ждут. Когда им привезут-доставят. Бузят — для понта, самих такая жизнь вполне устраивает: пока тут перекур с дремотой, полбригады на стороне культурно обслуживает население. И вот что интересно, слышь, Надя, у них все есть, чего на стройке нет: и обои — одно загляденье, и эмаль такая — ахнешь. Ну и, понятно, все быстро делают, на совесть. За то им, соответственно, и уважение, и бабки, и «беленькая» под гостевой закусон.

— Перестань!

— Не-е, ты только не подумай, сам я — ни грамма. А хочешь, расскажу, как мы работаем, когда у нас все есть, и еще есть плохая погода, очень жарко или наоборот...

— Не хочу. Потом.

— Потом так потом, — соглашается Юрка. — Все это ничего, можно принять в рабочем порядке. Чего не принимаю — несут, паразиты! Ни дня нет, чтоб кто-то домой ушел с пустыми руками. Кто банку, кто рулон. Ни от кого не прячутся, вроде так и надо. Я гляжу на них и от гордости розовею: это ж только подумать, какая богатая наша страна, вот так несут все сплошь, кому не лень — а дома все-таки строятся, и незаметно, чтоб страна скудела... — Перестань, я сказала!

Заметил: раздражается, нервничает.

Еще заметил: Надя стесняется, что он ниже ее ростом. Ну да, он такой. Она, между прочим, тоже не верста коломенская. Только у нее каблук.

Нехорошая получилась эта поездка. Тихо, чтобы только вдвоем, ни разу не удалось поговорить с Надей, все время вокруг нее рой. Девахи какие-то настоящие, словно для киносъемки изготовились; их красавчики. Не надо — а вылавливал из их шепота: «Кузен он ей. Такие целуются щекотно... Мальчик, совсем мальчик...»

«Давай-ка домой, мальчик», — решил Юрка. Уехал не простившись. Просто утонул на вокзал — и все дела. И пока ехал, почему-то не переживал, хотя было нехорошо на душе, слишком весело, а когда ты один и тебе вот так слишком весело — беда...

Надя не думала о Юрке. Вспоминала разве тогда только, когда случались у нее нелады, обиды всякие. Так прошло полгода. Но вот пришло от него письмо. Конверт без марки, в-че. Ну что ж, этого следовало ожидать. Звонок писал: у нас в тени,

как у вас на солнце. Сам я зелененький, как кузничик, постриженный некрасиво, зато шустрый. Письмо, чувствовалось по всему, какое-то ненадежное. Не ответила — и правильно сделала: вскоре пришло второе письмо — и адрес другой, направили Юрку в другую в-че. Думала-думала, о чем бы ему написать, а от него писем нет; ждала: вот получу еще письмо (опять будет новый адрес, почувствовала) — уж тогда отвечу на все три. В послании этом и в других, что следом пришли, сообщил о себе скороговоркой: служба идет нормально, места нефотогеничные, куда ни глянь, горный пейзаж; городок, куда надо ходить на танцы, тут есть, но тут почему-то не танцуют, а торгуют, не понять, то ли город, то ли базар сплошной. Интересный базар, не как у вас там. Дрова на вес продают, дайте мне полкило вон тех, посуше. Представляешь себе? За ту же цену можно взять мандаринов, они тут крупней, чем самые крупные ваши апельсины. А горы тутешние мне не нравятся, серые они. Помнишь, в мае ездили за тюльпанами, как славно тогда время провели, наши горы такие зеленые...

Надя догадалась, где Юрка, и быстро отправила ему большое ответное письмо, чтоб поменьше тосковал Звонок.

Юрка писал, когда бывал в суточном наряде. В карауле. Ведь там как: отстоял на посту — автомат протер, в пирамиду его — теперь твое время: спать, бодрствовать, все по часам; положено спать — а не спится, ну Юрка и думает, что написать Наде, а когда положено бодрствовать, тут все пишут. И он.

О чем писать?

Как до присяги обкатывали его? Об этом после вспомнить будет весело. Как жарился под солнцем при плюс сорок с чем-то градусов в тени? Как катало-валяло-трепало его в первые дни, подъем-отбой, сест-встать, шагом-бегом, бего-о-ом! Весь день — бего-о-о-ом!.. Не жизнь, а бетономешалка какая-то. Центрифуга, точно. Зато после все легче пошло. По сравнению — состояние невесомости. Из детства вспомнилась песенка про кузничика-коленками назад:

*На пыльной на дороженьке
Который год подряд
Сидит кузничик маленький
Коленками назад...*

Вот про него-то он написал Наде. А про остальных не надо.

И еще вспомнилось ему, как в детстве до шести лет был у него «талант находчика». Бывало, уронит мама иголку на пол, ищет-ищет — все зря; тогда зовет Звонка, он пройдет по комнате с важным видом, только глянет — и нате пожалуйста вам вашу иголку. То же в магазине, когда кто-то денежку обронит, ползает на четвереньках, — Юрка просто так идет и поднимает монету, даже если она закатилась в другой конец магазина. «Нате вам вашу денежку». — «Ой спасибо, мальчик!» Такой талант у него был.

Теперь, когда прапорщик Джалилов хвалил его за отличную работу на разминировании, Юрка и вспомнил про свой «талант», то есть никакой это не талант, а маленькая хитрость: надо зайти против света, чтобы ты о вылезнул. Вот и минное поле — когда глядишь на него против солнца, заметно, где поковырено, вся маскировка как на ладони. Где мины — угадал, есть полдела, теперь щупай, думай. А если поле и против солнца нетронутым кажется... Нехорошо. Думай. Щупай.

Каких только мин не повидал Юрка: и тяжелые, взрывом могут запросто танк перевернуть, и легкие, они выпрыгивают из-под земли, чтобы шаркнуть осколками пошире, достать подальше; видел разбросанные детские игрушки и уж такие современные зажигалки да авторучки. Мало ли что может у кого-то вывалиться из дырявого кармана. Видел он и девочку, которая по глупости своей детской подхватила с земли вроде бы забытую кем-то куклу; видел мальчишку, который был таким же глупым, как та девочка: позарился на вроде бы оброненную кем-то какую-то побрякушку (что именно, так и не определили). Чего только душманы в землю не понатыкали.

Жара такая — от куртки хоть прикуривай. Много было работы. Наде написал, как про иголки да денежки вспомнилось. Уж так хотелось ее посмеить.

Надя отвечала ему на письмо письмом, аккуратно. Писала она на лекциях, убивая время до звонка. Сообщала (чтоб он был в курсе, не одичал там) — что в моде: видео и диско, брейк данс и хэви метал, рок совсем тяжелый стал, наслушаешься — после уже ничего не надо, вокруг пусто, все пресно и дохло, не знаешь, зачем и живешь. Фото прислала — подумал: не свое. Какая-то мымра с дикими глазами в пол-лица и волосы торчком, как у клоуна Асияса. Юрка написал в ответ, что у него, как увидел такую чудую-юду на фотке, волосы точно так же дыбом встали. Ты что, спрашивал, вместо фотографии привидение увидела?

Что там у них, недоумевал Юрка, — все поют,

все скажут, не жизнь, а сплошные концерты да танцы, все звезды, прямо звездный дождь какой-то, — и жалуются на скуку. Ну, не ворчи, праведник! — одернул себя. Не дописал письмо, порвал — и правильно сделал: обиделась бы Надя, а ему это вовсе ни к чему, домой скоро.

«Поздравь меня: я — дед!» — сообщил о себе. Для Юрки «дед» — это просто так, солдат второго года службы.

Случается в работе сбой, пауза такая вязкая и тревожная, и говорит капитан Новиков: «Сержант Званцев, не верю я этой мине: уж больно красива итальяночка, сама напрашивается в любовницы». Солдаты уже успели заметить: когда капитан в большом затруднении, он много разговаривает сам с собой, но подобрался сержант Званцев, поколдовал, помолчали с капитаном, попереглядывались — и вот отматывают проводок к укрытию. Значит, опять фугас...

Надя интересовалась: подрос ли ты, Звонок, сильно ли изменился? Фырчал Юрка, точно рассерженный ежик. Не подрос. А что изменился — это есть. Кто в армии отслужит, другим становится, кто здесь — совсем другим. А в чем — там видно будет.

Солдат (точнее, сержант) второго года службы — это значит: вскарабкался на верхушку горы высотой в год и пока еще далеко — даже очень далеко — внизу увидел зеленую долину... Теперь бегом вниз! Что ни день — все ниже и ниже с горки, все ближе к зеленому, уже не долина видится, а вроде как лужайка, и на ней те, кого хочешь увидеть, услышать их голоса, и угадываешь слова, ведь сам их подсказываешь, вот ты какой хитрый, Звонок.

Идет сержант Званцев по городу-базару, вернее, по его краешку, где уже нет никаких лавок, а есть точно такая улочка, какие еще сохранились у вас на старой Хадре, справа дувал, слева тоже дувал, за ними глиняные домишки, окруженные деревьями с пожухлыми от жары ветками. На листьях пыль, под ногами пыль. Шагает по пыли Юрка и сочиняет письмо своей девушке. Потом все будет не так. Сочинит одно, а напишет другое. Напишет, как вспомнил свое детство до пяти, тогда еще не получили квартиру, жили в махалле. Там глиняные домишки за глиняными дувалами и такая же утоптанная, прибитая дождями пыль. И бывало, видел: идет впереди старичок, жарким летом — в черном стеганом халате и остроносых галошах, одна рука важно заложена за спину, в другой сухая крепкая палочка... Остановился, поднял с земли брошенное кем-то уже очень сытым и, пробормотав бранчливо слова осуждения, пристроил на кромку дувала...

И здесь. Так же в пыли вдруг увидел Юрка половину лепешки, бережно завернутую в поясной платок. Оброненный обед дехканина. И такой же дувал... Пускай увидит на кромке его находку местные мальчишки, вечно голодные, крикливые, прокопченные солнцем галчата. С воробьиным щебетом набросятся на счастливую находку и разломлют ее на много-много равных частей, пусть каждому достанется хоть по крошке... Так разламывали, помнишь, Звонок, накупавшись до посинения на озерах, или в пионерлагере... Это уже из детства до десяти. Целый день всем отрядом собирали и таскали хворост, складывали его выше и выше, уже не хватает силенок забросить свою вязанку на самый верх, а когда на лагерь опустился синий вечер и на поляне собрались все, ты, Юрка-Звонок, поднес к хворосту факел — и вспыхнуло, полыхнуло, заметнулось искрами высоко в небо... Чему удивился — пламя черное.

ЛОМАЙТЕ СТЕРЕОТИПЫ

— Кто вы?
— ???
— Ну кто? Кем себя ощущаете?
Смешки по рядам. Наконец неуверенно:
— Гомо сапиенс...
И за спиной приглушенное: «Слава богу, что не лошадь».

Смеются, разрядились.
Конкретизирую: попытайтесь по порядку перечислить те функции, которые вам приходится выполнять в жизни.
И как прорвало.
Сын, студент, хлопкороб, юрист, больной, покупатель, пассажир...
Жена, гражданка СССР, студентка, дочь, мать...
Гражданин СССР, студент, солдат, музыкант, сын, друг...

Даю высказаться всем. Пауза. Вдруг осознали свою значимость...
— ...А хотите, скажу главное о каждом из вас?..
Вы — единственный сын, которого, по-видимому, очень опекают родители. А вы года полтора назад вышли замуж и не разочарованы в браке. А вы... А вы...
Видимо, попадаю, потому что на лицах у всех — большой вопросительный знак. «Как она узнала?» А все просто: они сами мне это сказали только что...

Вы, наверное, уже поняли: в ТашГУ идет занятие по логике отношений.
Человек в своей жизни играет множество ролей. Хочет он этого или нет, знает об этом или не знает, но жизнь каждого из нас делает в какой-то степени актером, играющим тот или иной образ. И не один: перечислять свои «роли» студентам моим, как вы видели, пришлось довольно долго. И зависит от этих ролей и нашего, если можно так выразиться, «актерского искусства» в жизни ох как много!
Давайте разберемся. Роли наши в жизни, как и у настоящих актеров, получаются одни лучше, другие хуже. Попробуйте оценить: что получается у вас лучше всего, какая роль больше по вкусу. Оглянитесь на своих знакомых: одна из ваших приятельниц, например, очень несчастна. То есть считает себя такой. «Господи, ну почему мне так не везет, ну отчего все на меня, ну почему я такая несчастная!»

Это — уже роль, притом любимая. Кто-то когда-то пожалел, кто-то перестарался с сочувствием... И вот «несчастливая» начала в этом амплуе свой путь по жизни. Можно сказать почти наверняка: это и несчастная жена, и несчастная мать, и несчастный работник... Каждый из нас знает таких людей — навсегда больных, навсегда скандальных, навсегда недовольных. Но беда в том, что эти их роли, к сожалению, часто касаются нас с вами.

Вам же, например, выпало играть в жизни роль, скажем, непослушного ребенка. В детстве шалили, плохо учились, вовремя с улицы домой не приходили. И вот в семье укоренилось мнение: непутевый он у нас. Попробуйте пожить с этой табличкой!.. Поэтому первая заповедь в отношениях с людьми: не наклеивайте ярлыки, ведь их могут навесить и на вас. А ярлык, однажды навешенный, на многие годы может отравить человека жизнь. Слабый, непутевый, безответственный... Раз сказанные, эти слова повторяются и повторяются, убивая в человеке добрые побуждения, стремление к лучшему. Если постоянно говорить кому-нибудь, что он негодяй, он им и будет, и тут уж ничего не поделаешь...

А может, все-таки поделаешь? Может, попробуем поломать стереотипы? Давайте проверим са-

мих себя. Какая из наших ролей наиболее приемлема для окружающих, какая — вызывает наибольшее негодование? Допустим, вы привыкли конфликтовать с родителями. Знакомая ситуация? Они вас не понимают, они ограничивают вашу свободу, они не покупают того, что вам хочется, и вообще с ними трудно жить.

А они думают о вас в свою очередь: мало занят учебной, плохо работает, дружит с кем не надо, одевается, как петух, в голове только рок-музыка... И обо всем этом говорится громко, с пафосом, с далеко идущими выводами. Скандалы эти ничего не дают, а только отдаляют родителей от вас, а вас от родителей. А ведь любой скандал легко прекратить. Вот хотя бы такой фразой: «Ты абсолютно права, мамочка, я попробую измениться, но помоги мне». Все. Ни один человек после этих слов ругать вас больше не будет.

Стоит поменять стереотипы и вам, товарищи родители. Попробуйте понять логику своих детей, для начала сменив прокурорский тон на более приемлемый. Попробуйте!

А сколько стереотипов связано с работой! Суровый начальник, распекающий всех и вся, хорошо еще, если не откровенно грубый, — не правда ли, знакомый тип? Безнадежно устаревший, давно скомпрометировавший себя, не любимый и не уважаемый подчиненными. Но... идет время, на смену одним начальникам приходят другие, а тип не меняется — напротив, живет и здравствует.

На Западе руководителей готовят специально и хорошим считается тот, кто знает и понимает каждого из зависимых от него людей, интересуется их жизнью и, если в этом есть необходимость — читай, если это выгодно, — всегда поддержит подчиненного, поощрит.

Вспоминается история, рассказанная американским психологом Д. Карнеги. Известный миллионер и «стальной король» платил своему управляющему миллион долларов в год, т. е. почти три тысячи долларов в день. Это был самый высокооплачиваемый управляющий в США. Может быть, он был гением? Нет. Может быть, понимал в производстве стали больше, чем все остальные? Нет, ничего подобного, множество рабочих разбирались в деле лучше его. Сам он говорил, что платят ему так много за умение обращаться с людьми. И объяснял это так (мне кажется, эти слова заслуживают того, чтобы выгравировать их на металле и повесить в кабинете каждого руководителя): «Своим самым ценным качеством я считаю способность пробуждать в лицах энтузиазм. Развивать в человеке все хорошее, что в нем заложено, можно только путем одобрения и поощрения. Ничто так не убивает честолюбие, как критика со стороны вышестоящих людей. Я верю в то, что человеку необходим стимул в работе. Я всегда готов похвалить, но не люблю находить недостатки. Если что-то мне понравилось, я от всей души выражу одобрение и похвалу».

Как будто просто и доступно каждому. Но о доступности повременим. Это-то нам, пожалуй, еще долго доступным не будет, ведь для этого надо ломать привычный стереотип. А как живуч во многих из нас принцип: «Попробуй с ними по-хорошему, слушаться не будут, без крика не подчинятся».

Спору нет, с подчиненными, умеющими себя уважать, ощущать себя личностями, — труднее. Но ведь задачи, которые ставит перед нами современное общество, требуют именно личностей, творцов.

Запомнился мне один случай. Как-то на факультете, где я работаю, потребовалось срочно выпустить газету к 23 февраля. Захотелось сделать ее

нестандартно, по-новому. Обошла всех женщин факультета и предложила каждой написать о коллеге — мужчине. И оказалось, что сотрудницы мои — прямо-таки незаурядные личности, умеющие сочинить экспромтом стихи и эпиграммы, остроумно и весело написать рассказ. И все это — буквально за один час. Газета получилась интересной и смешной, ее читали с удовольствием и долго не хотели снимать. Авторы ее, так неожиданно открывшие у себя дарования, ходили окрыленные и счастливые. Как жаль, что счастье это длилось недолго... И вот уже опять жалась женщина, услышав от руководителя, что она неряха и бездельница, и потухли глаза у автора юмористического рассказа, которой брошено: «Своим делом надо заниматься, а не в газетку пописывать!»...

Ломайте стереотипы! Не бойтесь пытаться что-то изменить в своей семье, если у вас неблагополучно, в отношениях с друзьями, коллегами по работе, с руководителями и подчиненными, если отношения эти сложились неудачно. Попробуйте хотя бы один день своей жизни провести нестандартно. Пошутите над тем, что обычно вызывает раздражение, улыбнитесь членам семьи, постарайтесь поднять им настроение. Увидите, оно улучшится и у вас. Что? Другие не меняются по отношению к вам? Что ж, изменяться вы. И к вам обязательно отнесутся по-новому.

Вот мы и пришли ко второй заповеди: хотите изменить свою жизнь в лучшую сторону — меняйтесь сами.

Е. КУРНИКОВА.

Рис С. СПИРИХИНА.

ПУТЬ К ПРАВДЕ

Молодой и сильный, он не боялся никакой работы, а было ее тогда, в бурный после-революционный период, предостаточно, особенно для комсомольских активистов. Сейчас Махамадали Аминову — за девяносто. Подорвано здоровье, слабеет память. Но есть вещи, забыть которые невозможно. Отважный комсомолец, большевик Махамадали Аминов — это человек, которому посчастливилось видеть Владимира Ильича Ленина, Михаила Васильевича Фрунзе, встречаться с Хамзой Хакимзаде Ниязи.

В моих руках — папка с пожелтевшими от времени документами. Скупые строчки отражают глобальные вехи жизни — жизни нелегкой, полной тревог и борьбы.

«Свидетельство»

Выдано Аминову Махамадали в том, что он действительно принимал активное участие в борьбе с басмачами в 1919—20 годах.

Член КПСС с 1919 года
Ташходжаев Саид».

«Архивная справка»

Решением Коммунистического Союза молодежи Туркестана Аминов Махамадали был в октябре 1921 года направлен в Хиву, в отряд, сражавшийся с бандой Джунгаидхана.

Заместитель директора Института истории Компартии Узбекистана при ЦК КП Уз.
Х. Шукурова».

«Архивная справка»

Аминов Махамадали действительно работал и учился в 1920 году на Ташкентских курсах пехотинцев.

Заместитель заведующего отделом Центрального государственного архива Главного управления Министерства внутренних дел СССР и Красной Армии (Советской Армии) СССР:
Смирницкий
Сотрудник архива:
Давыдович».

«Товарищ Махамадали Аминов!»

Узбекская Советская Социалистическая республика награждает Вас Почетной Грамотой за активное участие в ирригационном строительстве, героический труд, а также в связи с 15-й годовщиной со дня образования Узбекской Советской Социалистической республики.

Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР
Ю. Ахунбабаев».

«Товарищ Махамадали Аминов!»

Президиум Верховного Совета Узбекской ССР награждает Вас Почетной Грамотой за героический труд на строительстве северного ташкентского канала «За Родину» в 1943 году.

Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР:
Ю. Ахунбабаев».

Почти все официальные документы восстановлены в 50-60 годы, а подлинные...

— Комсомольского, партийного билетов, памятных фотографий у вас совсем не осталось?

— Все тогда сожгли. В 1933 году, прямо на моих глазах, сынок. Тридцать седьмой год — это было далеко не начало массовых арестов и бойни...

— Какое же обвинение вам выдвинули?

— Признали меня врагом народа, противником экономической политики Советского государства, элементом, пытавшимся тайно подорвать ее. Теперь вспоминаю, и все это похоже на дурной сон — меня ведь тогда приговорили к расстрелу... Подлинные враги советской власти знали много способов уничтожения людей, истинно преданных делу революции. «Враг народа» — и никаких доказательств далее не требовалось. Тем более что обвиняемые недолго отрицали факты своего вредительства и работы на иностранную разведку — каким образом добывались подобные признания, теперь хорошо известно.

— Надо было хоть на время избавиться от страданий, дать отдых измученной душе, вот и приходилось подписывать все, что ни подсовывали му-

чители, — говорит Махамадали-ата. Изуродованные пальцы все гладят и гладят край скатерти...

Его, директора ташкентского мыловаренного завода, обвинили в «краже мыльных отходов» — это чудовищное в своей глупости обвинение он признал...

Однако ужас застенков не породил неверия в советскую власть, ненависти к Сталину лично. Махамадали Аминову, как и тысячам других репрессированных, упорно не верилось, что «мудрый, родной и любимый» знает о творящихся беззакониях. Измученные люди свято верили, что, как только он узнает правду, немедленно покарает истинных виновников беззакония.

Аминов считает себя счастливым. Ведь из сталинских тюрем возвращались очень и очень немногие. Тем более после такого приговора. В разгар бойни 37-го года его освободили. Но жить пришлось едва ли не хуже, чем в тюрьме. Из города Аминова выставили. Работал, работал — на стройках, в поле. О будущем думалось с трудом. Чаще вспоминалось прошлое...

Махамадали Аминов — человек, видевший Ленина, — сейчас уже прадедушка.

лась у нас на плечах. А нужно было создавать артели, — брали в руки кетмень. Жизненная неуспокоенность была нашим комсомольским девизом.

После воинской школы в 1927 году я стал работать директором мыловаренного завода в Ташкенте. Скажете, «негероический» труд, никакой романтики? Но это было нужным делом — значит, обсуждению не подлежало.

В 1929 году начали создаваться артели. Я оказался в первых рядах этого движения. Земледельческий труд был привычен — сам я из батраков, немало пота пролил на байских землях. Вблизи Ташкента мы создали артель «Бирлик», которая потом была преобразована в колхоз имени Кирова, где я стал председателем. В основном мы выращивали овощи, было также небольшое садовое хозяйство. Такие урожаи снимали! Если сейчас рассказать, то иной дехканин не поверит. С каждого гектара убирала по 40 тонн картошки, 90 тонн свеклы, 50 тонн бахчевых и по 70 тонн помидоров! Сейчас эти цифры куда меньше, зато минеральные удобрения вносятся тоннами. А кто о земле, о будущих урожаях подумает? Если земля и вовсе вырождается, тогда что будет? Сейчас — безграмотность, бездушие, потом — беда. Об этом надо думать серьезно.

К нам в колхоз приезжал Акмаль Икрамов. Он умел разговаривать с дехканами, понимал их заботы. Не помню, чтобы мы соорудили для него трибуну, — помню, что разговор доходил до сознания каждого.

В моем сердце живут два великих образа — Миркамила Миршарапова и Хамзы Хаким-заде Ниязи. Миркамил Миршарапов был талантливым военачальником, выходцем из народа, храбрым командиром, учеником Михаила Фрунзе. Он героически сражался за установление советской власти в Хорезме, не жалел своей жизни для страны. Однако трагическое клеймо «врага народа» не миновало этого замечательного человека — он погиб в годы культа личности.

Мне довелось служить под его командованием. Расскажу об одной встрече, которая оставила у меня незабываемые впечатления.

Под началом Миршарапова мы двигались из Кунграда в Ходжейли. Уже издали заметили силуэт на безлюдной дороге. Подъехали ближе, смотрим — идет навстречу человек, держа в руках маленького ребенка с перевязанными ногами, а за руку ведет девочку постарше. Человек был худощав, высокого роста. Смотрел он бодро, но видно было, что очень устал, почти лишился сил. Это был поэт Хамза Хаким-заде Ниязи. В том 1922 году Хамза открыл школу в Ходжейли и учил там детей. Шедшая за ним девочка-сирота была его ученицей. Она попросила Хамзу спасти ее брата, которого мучил бай. Вместе с девочкой они пошли к баю и обнаружили там брата, которому садист-хозяин обварил кипятком ноги. Хамза перевязал ему раны и, подхватив на руки, пошел к школе. Отныне школа должна была стать домом измененному ребенку.

Когда приблизились к Ходжейли, Хамза попросил Миркамила Миршарапова помочь детям удовольствием. Мы добрались до места, и командир выделил ему, сколько мог, ячменя. Велел заколоть несколько лошадей, вконец выбившихся из сил.

Все это помню как сейчас...

— Махамадали-ата, сегодня люди хотят знать о событиях прошлого всю правду, искренне хотят понять, почему были уничтожены те, кто посвятил своей родине жизнь — Акмаль Икрамов, Файзулла Ходжаев, Миркамил Миршарапов, Абдулла Кадыри и тысячи других подобных им честных людей...

— То, что сегодня торжествует правда, дает уверенность в завтрашнем дне. Акмаль Икрамов отказался покупать сыну велосипед только потому, что многие из его сверстников в махалле не имели такой возможности; хладнокровно отказался от огромного богатства своего отца ради дела укрепления советской власти. Файзулла Ходжаев вступил в партию по рекомендации Ленина; Абдулла Кадыри не был членом партии, но считал себя учеником Маркса и Ленина... Мы все в большом долгу перед их памятью.

В 1933 году меня арестовали как врага народа за то, что я якобы «продал отходы с мыловаренного завода». Между тем, году в 24-м мы привезли из Бухары около 750 килограммов драгоценных камней, золота и золотых изделий. Это было немножко ценней мыла, верно? И была реальная возможность припрятать себе на черный день. Однако такого нам и в голову не приходило. Абсурдность обвинения налицо, но тогда доказать что-либо было трудно...

...Жизненный путь длиной почти в целый век... Потеряно здоровье, ослабла память, но совесть чиста.

Я. ЯКВАЛХОДЖАЕВ.

Стихи узбекских поэтов

Музаффар АХМЕДОВ

Признание

*Завет отцов вовек не преступлю
И край иной вовек искать не стану.
Но вслух я не сказал Узбекистану,
Друзья мои, как я его люблю!*

*Для чувства этого — где взять слова,
Что выдержат любые испытанья?..
Случается, что прозвучит признание
И горячо, — а верится едва.*

*О родина, признание прими!
Тебе мой труд, и ты моя награда.
Всю кровь отдам до капли, если надо.
И, если надо, жизнь мою возьми!*

*Коль судьба повелит обернуться стрелой,
Пусть — я ей не хочу возразить,
Только, воля моя, останься со мной!
Сам я знаю, кого поразить!*

Переводы с узбекского
Зои ТУМАНОВОЙ.

Старые дома старого города

*Дома — наклонны и убоги.
Скупая тень. А на пороге —
сидит старуха... Иль старик...*

*Или сидят вдвоем. Но дома —
все те же тишь и уют.
Порой мелодию макома
по радио передают.*

*Порой певец из чуждеальной
страны — начнет о счастье млеть...
А дом под грузом ожиданья
все ниже клонится к земле.*

Перевод
Галины ГАЛИМОВОЙ.

Маматкул ИСМАИЛ

* * *

*Если я поверю в твою любовь,
Возгордятся мои грехи.
Станут думать:
Мы не так уж черны и не так плохи.
Ты уходишь, любовь, —
И вновь сам себе не лгу.
И поверить в радость раскаянья вновь могу.*

* * *

*Пьешь ты воду из арыка —
Вдруг в арык тот жаба прыгнет.
Не криви лицо брезгливо,
Будто в жабу превращен.*

*День придет — отвар целебный
Сваришь из змеиной кожи,
Выпьешь тот напиток черный,
Чтоб отсрочить смертный сон.*

*Не тобой мир этот начат.
С жизнью связан нитью тонкой,
Вслушивайся в шум и шелест
Впереди и позади.*

*О тебе корова плачет,
Словно о своем теленке.
Ты не слышишь? Значит, сердца
Нет уже в твоей груди.*

* * *

*Парень, кусая губы,
Горячее слово кинул:
— Скажи она мне, что любит,
Я б сразу ее покинул!*

*Секретничает, таится.
Свиданья кратки и редки.
И кажется синей птицей
Она в золоченой клетке.*

*Да, сердце мое остынет,
Когда ее — встрепенется.
Я долго сгорал в пустыне,
Пусть и она обожжется.*

* * *

*Мысли сурная — мелодия,
Мысли крылатые.
Во вдохновеньи свободном
Душа ожившая спрятана.*

*А когда в колеснице солнечной
Мелодия ввысь уносится,
Душа та, пугаясь бессонницы,
Плачет, за нею просится.*

Переводы с узбекского
Григория РЕЗНИКОВСКОГО.

За высокими воротами

Перед глазами возникает картина, вызывающая содрогание: юный человек, судьба которого только что решена на заседании суда, в окружении милиционеров садится в крытую машину, выразительно называемую в народе «черным воронком». Привлеченный к уголовной ответственности и лишенный свободы, он будет отбывать срок заключения в колонии.

Мы уже готовы гневно воскликнуть: «Так им и надо, шпане!» Эмоции понять можно, однако следовало бы помнить, что однажды отбывший наказание все же выйдет на свободу, будет жить рядом с нами в одной махалле или на одной улице, работать на одном предприятии. И очень важно — для всех нас — каким он вернется.

ну, окончилось, — поясняет наш спутник, заместитель начальника колонии по политико-воспитательной работе капитан Икрамджан Джураев. — После обеда некоторые из воспитанников учатся в профтехучилище, некоторые — в школе. А те, кто сидел за партой до обеда, идут работать.

Я вглядываюсь в их лица. Черный цвет делает их сумрачными, хмурыми. Это, видимо, должно настраивать на весьма определенную волну, ведь каждый из них кого-то очень обидел — вариант: украл чьи-то вещи, деньги, занимался разбоем и грабежом, насилывал, даже убивал...

Но раз так, то разве справедливо, что в колонии для них созданы все условия, и они могут здесь учиться, получать профессию? Можно ли считать подобную гуманность правомерной?

Можно и должно. Говорю это без страха прослыть «добреньким». Вдумаемся: ведь это дети, подростки! Ведь нужно использовать все

училища, дело поставлено на основе самоуправления, — говорит он, — но это вовсе не означает, что воспитанники предоставлены самим себе. Все их действия контролируются, днем они под наблюдением офицеров-воспитателей должны строго выполнять дисциплинарные требования. Причина, я думаю, ясна: мы хорошо знаем, что из себя представляют приходящие сюда подростки. Ведь очень часто само преступление совершается ввиду отсутствия внутренней дисциплины. Но самое тяжелое в том, что у большинства из наших воспитанников пропал интерес к жизни, они безразличны ко всему, глубоко равнодушны. И наша задача — «разбудить» их, дать понять, что обществу они нужны. Это настоящая проблема, но решать ее надо. В этом нам хорошо помогают члены родительского комитета. Удивляетесь? Ничего удивительного, у нас несколько раз в году проводятся родительские дни. Для того, чтобы их организовать, мы рассылаем приглашения. В назначенный день

Рис. Дж. УСМАНОВА.

Журналистская командировка привела недавно в одну из исправительно-трудовых колоний республики. По вполне понятным соображениям мы не называем настоящих имен героев нашего очерка.

Итак, первые впечатления. Одна за другой открылись створки высоких железных ворот. Открылись и, как только мы вошли, с неприятным стуком захлопнулись. Обычный асфальт — но чем он неуловимо отличается от исхоженного городского? Может, тем, что трудно вообразить себе начерченные на нем «классики»?

Воспитанники. Все в одинаковой одежде — черного цвета. Это — часть здешнего порядка: летом — черные брюки и черная рубашка, зимой — черные фуфайка и шапка. Да, яркие, веселые цвета здесь явно неуместны.

Но все же — зачем так — в одну краску? Наверное, по аналогии со словом «очернить».

— Рабочее время у тех, кто в первую сме-

возможности, чтобы помочь им найти правильный путь, — ибо жизнь их — впереди. Ведь если вдуматься, то совершенно ясно, что причиной их бессердечия, бездуховности является во многом равнодушие окружающих взрослых, сверстников, которые вместе с ними учились. Оправдывать преступивших закон, обелять у меня намерений нет. Хочу лишь подчеркнуть, что, поместив их в колонию, государство обязано, помимо карательной, осуществлять и воспитательную функцию.

Преступление... В чем истоки?

Слово педагогу

Икрамджан Джураев работает в этом заведении уже десять лет. Десять лет опыта, наблюдений, размышлений...

— У нас, как и во всех школах, профтех-

родители приезжают. Воспитанники показывают им концерт, проводятся беседы пап и мам с воспитателями в присутствии детей. Строгость строгостью, но такие встречи необходимы.

— И тем не менее, среди воспитанников, наверное, есть нарушители дисциплины?

— Конечно, есть, идеализировать не стоит. Поведение подростков, нарушивших дисциплину, обсуждается на совете отряда. Если подобная ситуация повторяется, то об этом сообщается родителям. Встречи с близкими в этих случаях могут откладываться. Если и это не дает желаемого результата, то данный воспитанник переводится в другую колонию.

Но большинство воспитанников правил колонии не нарушают. А на поощрения мы не скупимся — пишем родителям о том, что их сын отбывает срок без замечаний; отмечаем это и на заседании совета отряда — вплоть до досрочного освобождения (для отбывших более половины определенного срока).

Собственно говоря, на дурные поступки у ребят практически нет времени.

У нас есть кружок художественной самодеятельности, им на общественных началах руководит ветеран войны, председатель родительского комитета Ванда Ивановна Каримова. Представьте себе, наши «трудные» очень увлечены театром! Недавно они инсценировали «Педагогическую поэму» Макаренко. Я смотрел: впечатляет!

Случайность?

...Они с трудом пошли на разговор с приезжим корреспондентом. Переминались, глядели исподлобья — Батыр Хайдаров и Хамид Алимов. Оба ташкентцы. Жили в одной махалле, учились в одной школе, в одном классе. Приближались выпускные экзамены, и вдруг...

— Что привело вас сюда?

— Статья 127, — глядя в землю, ответил один из них. Было видно, что разговор на эту тему ему не по душе. Это понять можно. Но как объяснить само случившееся — нарушившее все планы, поломавшее судьбу?

Прокомментируем для непосвященных, что стоит за этим коротким «статья 127». Речь идет о грабеже. Честно говоря, с трудом верится, что эти довольно симпатичные на вид парни могли кого-то избить и отнять деньги, ценности.

— Может, здесь ошибка? Бывает же всякое. Может, суд безвинно осудил их, а настоящие преступники гуляют на свободе?

— Кого же вы ограбили? — все еще не веря, спросил я. Честно говоря, надеялся услышать в ответ что-нибудь вроде «это не мы, это другие, но...»

— Одного парня...

— И что вы у него отобрали?

— Пять рублей... — еле слышно ответил Батыр.

Совпадение весьма печальное: пять рублей — и пять лет лишения свободы. Жестоко по отношению к подросткам? Но ведь пострадавший не отделался символической суммой денег — ему были нанесены тяжкие телесные повреждения.

— Да, вот так случайно получилось, — проворчал Хамид Алимов.

Случайность? Давайте-ка поразмыслим вместе, могло ли такое быть случайностью. Представьте себе: двое парней выходят на дорогу, требуют у первого встречного быстро расстаться с кошельком, а потом зверски его избивают. Ведь прежде чем преградить человеку путь, эти двое, безусловно, составили план действий. А это само по себе преступление. Не говоря уже о последующем...

Мы говорим долго. Вначале парни отвечали односложно, потом стали откровенней. В конце беседы Хамид и Батыр признали:

— Мы сами во всем виноваты и глубоко раскаиваемся в том, что совершили. Когда выйдем на свободу, будем жить честным трудом.

— Мы довольны этими воспитанниками, — говорит Икрамджан Джураев, — здесь оба подростка в совершенстве овладели профессией сварщиков. Все поручения выполняют охотно. Хамид сейчас командир совета отряда. Просто так командиром не избирают.

Что ж, хочется верить в лучшее.

Эх, Сергей...

Сергею Власову сейчас восемнадцать лет. До недавнего времени все его знакомые, соседи, соученики считали, что он будет известным скрипачом. Успехами его в музыкальной школе все гордились и радовались им.

Ни один музыкальный вечер в общеобразовательной не проходил без его участия. На районных, городских и областных конкурсах, праздниках искусств за свои успешные выступления Сергей получал дипломы и награды. Никто не сомневался, что впереди у него консерватория, головокружительные успехи, блеск славы...

Теперешняя его одежда — черная одежда колониста — очень мало похожа на фрак и галстук-бабочку...

Так что же произошло?

Как-то вечером ученик десятого класса Сергей Власов пошел к девушке, живущей на соседнем квартале, — хотел пригласить в кино. Пошел вместе с приятелями. Однако там они встретили другого парня, с которым соседка насчет кино уже сговорилась. Решили отстаивать свое право на приглашение с позиции силы, безжалостно избили парня. Итог закономерный — суд, колония...

— Может быть, на этот раз — случайность? Но ведь жестокость не зарождается в секунду. В чем же ее истоки?

Сергей воспитывался у бабушки В. И. Каримовой. А родители его проживали в другом городе. Бабушка души не чаяла в любимом внуке. Гордясь его успехами, на отдельные шалости внимания не обращала, всячески поддерживала настроение всеобщего поклонения перед парнем. И вот... Целый мир надежд, целая жизнь разрушена.

Он достаточно умен, прекрасно все понимает. Да, виноват.

— Девушка тебя ждет, Сергей?

Он отрицательно качает головой.

— А что будет с музыкой?

— С музыкой? — Сергей грустно улыбнулся. — Занимаюсь понемногу, чтобы не забыть.

Поневоле задумываешься: может быть, учитывая талант Власова, с ним могли бы обойтись и помягче? Нет. Закон для всех один. И помнить об этом следует тоже всем.

«Я больше не буду»...

Адыл Кадыров, что называется, колонист опытный. Молодой парень, которому только исполняется 18 лет, успел дважды побывать на скамье подсудимых. В семье он самый младший. Опять всеобщий любимец?

Адыл очень немногословен. Он, в основном, только кивает головой, выражая согласие или отрицая, изредка что-нибудь с трудом выдает из себя.

— Когда был первый суд?

— Мой, что ли? В ноябре... В 1982 году...

Разговора как такового не получается, лишь обрывочная информация.

— Учился я в СПТУ. В тридцать пятом... Ну... вот... одного... остановил... попросил денег...

Внесем ясность в его ответы. Он был осужден по статье 126 Уголовного Кодекса Узбекской ССР. То есть он деньги не просил, а угрожал, вымогал. Не в одиночестве — с сообщником.

На суде Адыл слезно просил простить его, заверял, что осознал свою вину. Чиланзарский районный суд приговорил обоих вымогателей к лишению свободы сроком на два года. Однако учитывая возраст подсудимых и то, что преступление они совершили в первый раз, наконец, раскаяние подростков, отсрочил исполнение приговора, оставив их на свободе.

Теперь от Адыла вдвойне требовалось вести себя как подобает, хорошо учиться, не спать без дела в неурочное время, а родители должны были строго контролировать поведение сына, основательно заняться его воспитанием.

«Должен», «должны»... К сожалению, сразу же после суда Адыл забыл о данных обещаниях. Родители тоже быстро успокоились. В результате не прошло и шести месяцев

после первого суда, как Адыл совершил новое преступление. Он попался в тот самый момент, когда отбирал деньги у одного из учащихся на территории 37-го профтехучилища.

На втором судебном процессе он опять говорил, что раскаивается, однако на сей раз снисхождения не заслужил. В соответствии со статьей 126 Уголовного Кодекса Узбекской ССР он был приговорен к лишению свободы сроком на три года. По содеянному — воздаяние...

Адыл и мне сказал о том, что понял свои ошибки. Насколько это искренне, покажет время.

* * *

Обед закончен. Группы работающих двинулись в мастерские, а те, кто учится, — в классы.

Двухэтажное здание школы оборудовано буквально всем необходимым. В каждой классной комнате по 10—15 человек.

В десятом — урок математики. Высокий парень у доски решает уравнения — довольно уверенно.

— Ученики у нас неплохие. Правда, поначалу бывает трудно. Ведь сюда приезжают, как вы понимаете, не академики. Некоторые не могут даже своего имени написать... Но по прошествии некоторого времени они, благодаря ежедневным занятиям, заметно выправляются. Вот по математике почти у всех оценки неплохие. Видимо, увлекаются...

Джамалиддин успешно справился с довольно сложным уравнением. Победно вскинул руки: пятерка!

Джамалиддин Кадыров прибыл в колонию в 1985 году, после того как был осужден по статье 127, часть II, и приговорен к лишению свободы сроком на шесть лет. За истекшие три года он зарекомендовал себя как хороший ученик и неплохой рабочий.

Не только карать, но и воспитывать...

* * *

Мы в цехе. Здесь делают усилители мощности. Между прочим, для изготовления такого миниатюрного аппарата нужно много специальных знаний и навыков.

За длинным освещенным столом сидят ребята. Они предельно сосредоточены. Дневная норма выработки — 25 аппаратов. Однако большинство из них эту норму перевыполняют. Чимкентцы Владимир Хворов и Александр Лубатовкин за смену собирают по 70-80 аппаратов.

Земляки, друзья. Увы, закон нарушили тоже вместе.

Статья 119-я предусматривает наказание за хищения государственного имущества в крупных размерах.

— А конкретно? — осторожно спросил я.

— Девятнадцать тысяч рублей, — ответил Хворов. Потом продолжил: — Долг выплачиваем. Сейчас у каждого из нас осталось по три тысячи рублей долга. Вернем.

И парни вновь принялись за работу.

Не так давно большинство из этих парней при самом слове «работа» воротили нос. Воровство, грабеж — вот это жизнь! Теперь они учатся еще и зарабатывать. Личным трудом.

...«Я осознал», — говорят здесь многие. Но — не все. К примеру, когда я увидел осужденного за изнасилование душанбинца Уктама Эргашева, его развеселую улыбку, услышал дерзкие ответы, то убедился лишним раз, как мучительно сложен путь перевоспитания. Но педагоги здесь — люди упорные.

Парни в черном... От души хочется верить, что жизнь их в итоге будет все-таки светла.

Ш. АКБАРОВ,
специальный корреспондент
журнала «Молодая смена».

Когда я вижу вековые чинары, могучие и зеленые, наперекор бегу времени и стихиям устремившиеся ввысь, передо мной неизменно возникают образы великих ученых прошлого.

Согласно древнему народному преданию, чинар — символ вечности. И жизнь, научные открытия истинных ученых тоже бессмертны. Они не подвластны ни быстротечным годам, ни сменяющим друг друга векам...

Он всегда, во все времена на службе народа. Вот передо мной еще один чинар... Глядя на него, вспоминаю такое близкое и бесконечно дорогое лицо академика Сагди Хасановича Сиражиддинова. Вспоминаю, и горечь невосполнимой утраты захлестывает снова...

Он родился в 1920 году в Коканде, в семье ремесленника. Еще школьником выделялся среди сверстников тягой к учению, ярко выраженными математическими способностями.

Говорят, бесталанных людей не бывает. Каждый человек одарен по-своему. Все дело в том, чтобы раскрыть и развить далее свой дар. Добиться этого можно лишь настойчивостью, неустанным трудом и целеустремленностью. А еще... Ну, об этом чуть позже. Юный Сагди всеми этими качествами обладал. Рабфак Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина, а затем физико-математический факультет того же вуза помогли ему развить и усовершенствовать свой талант математика.

И все-таки не только от личного трудолюбия и настойчивости зависит судьба таланта. Очень важно встретить еще в юности мудрого учителя, наставника.

Говоря об учителях Сагди Сиражиддинова, в первую очередь называют Всеволода Ивановича Романовского. И это не случайно. Сагди был одним из любимых учеников этого замечательного ученого, основавшего Ташкентскую математическую школу. Всеволод Иванович ценил старательность и неутомимость своего одаренного ученика.

Сиражиддинов мечтал и после университета продолжать учебу. Но жизнь внесла в эти планы свои коррективы. Он окончил университет в суровом 1942 году, в разгар Великой Отечественной войны. Отложив осуществление своей мечты до лучших времен, он подает в военный комиссариат заявление с просьбой отправить его на фронт.

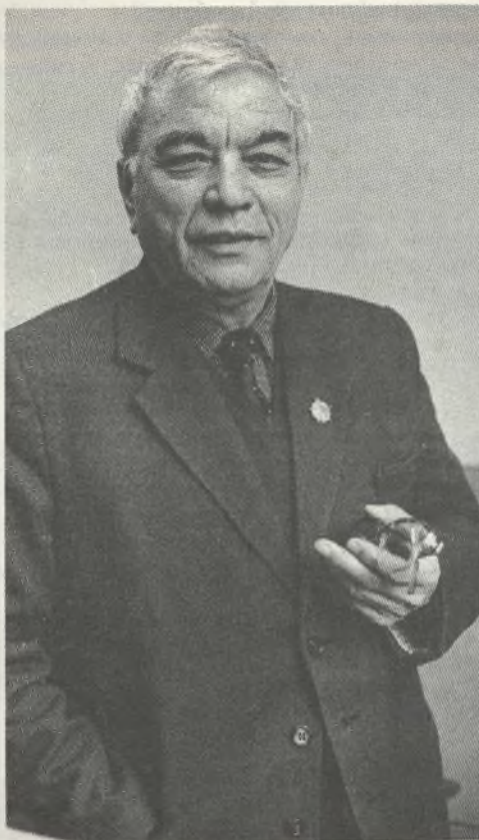
После победы Романовский пригласил Сагди в аспирантуру возглавляемого им института математики Академии наук Узбекской ССР и стал руководителем его научной работы, посвященной одному из крупных разделов современной математической науки — теории вероятностей.

Интересна и история знакомства Сагди Хасановича с другим его наставником, выдающимся математиком Андреем Николаевичем Колмогоровым.

В 1949 году в Ташкенте проходила Всесоюзная математическая конференция, посвященная проблемам теории вероятностей и математической статистики. На конференцию были приглашены виднейшие ученые и специалисты со всех концов нашей страны, в их числе был и действительный член Академии наук СССР, профессор Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова Колмогоров. Молодой математик Сиражиддинов выступил на конференции с научным докладом. Доклад узбекского ученого заинтересовал академика Колмогорова, и он пригласил Сиражиддинова в Москву — в докторантуру. В 1949—1953 годах Сиражиддинов учился в докторантуре Института математики имени В. А. Стеклова Академии наук СССР. Успешно защитил в 1953 году докторскую

диссертацию и работал старшим научным сотрудником в МГУ имени М. В. Ломоносова. Через некоторое время его пригласили в Ташкент на должность профессора Среднеазиатского Государственного университета.

Интереснейшие, содержательные лекции профессора САГУ Сиражиддинова запомнились многим студентам. Вот как вспоминает о них Джавад Хаджиевич Хаджиев, ныне заведующий кафедрой алгебры и теории чисел математического факультета ТашГУ, доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР:

— Читая лекции, Сагди Хасанович акцентировал внимание на практическом применении математической теории. Он всегда работал с полной отдачей, выкладываясь на каждой своей лекции до конца. Вызывал студентов на дискуссию, безучастность и равнодушие воспринимал как горький упрек себе. Очень любил и охотно отвечал, когда студенты задавали ему вопросы.

Да, наставником Сиражиддинов был удивительным. У него было много учеников. Среди них член-корреспондент АН Узбекской ССР Т. Азларов, заслуженный учитель республики, кандидат физико-математических наук М. Мирзаахмедов, другие. Вспоминает доктор физико-математических наук, заведующий отделом Института математики имени В. И. Романовского Ш. Фарманов:

— Тогда я учился на матфаке Ферганского педагогического института. Однажды к нам

в институт приехал Сагди Хасанович. Он прочитал лекцию о перспективах развития современной математики и, в частности, о проблемах теории вероятностей и математической статистики, об их практическом применении в различных сферах производства. Помню, я очень заинтересовался этими проблемами и путями их решения. В конце лекции задал Сагди Хасановичу несколько вопросов. Он подробно, в очень доступной форме ответил на них, а потом попросил меня задержаться после лекции. Мы беседовали о различных направлениях математического анализа, а под конец он спросил: «Хотели бы вы серьезно заниматься теорией вероятностей и математической статистикой?» Это было неожиданно, так что я даже растерялся. Сагди Хасанович улыбнулся: «Я приглашаю вас на механико-математический факультет ТашГУ». Так я стал студентом ТашГУ. После окончания университета под непосредственным руководством С. Сиражиддинова я учился в аспирантуре, а потом и в докторантуре.

Свою жизнь, все силы и огромные знания Сиражиддинов посвятил подготовке математических кадров для нашей республики. Именно по его инициативе в Узбекистане начиная с 1962 года стали проводиться математические олимпиады школьников. Он глубоко уважал и умел ценить чужой талант. Наиболее одаренных из выпускников школ республики он рекомендовал для учебы в университетах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева, в ТашГУ занимался с ними лично. Много ездил по республике, бывал в областных педагогических институтах, искал талантливую молодежь, лучших приглашал для учебы, приобщал к исследовательской деятельности. По его инициативе в 1970 году в Ташкенте была организована Республиканская физико-математическая школа-интернат.

Сиражиддинов был активным организатором и главным судьей «Заочной олимпиады юных математиков», которая проводилась «Молодой сменой». Впоследствии, когда олимпиада преобразовалась в Академию точных наук, он стал ее первым президентом.

Сагди Хасанович успешно совмещал научно-педагогическую деятельность с большой общественной работой. Он избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР, а впоследствии и его председателем, был ректором Ташкентского Государственного университета имени В. И. Ленина, являлся действительным членом Международного общества математической статистики и теории вероятностей имени Бернулли (Голландия). По инициативе Сиражиддинова первый международный конгресс этого общества проходил осенью 1986 года в Ташкенте.

Сагди Хасанович Сиражиддинов был удостоен Государственной премии УзССР имени Беруни, почетного звания «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР». Был награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, рядом медалей.

...Когда я вижу вековые чинары, могучие и зеленые, наперекор бегу времени и стихиям устремившиеся ввысь, передо мной неизменно возникают образы великих ученых.

Чинар — символ бессмертия...

А. АБДУРАХМАНОВ.

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ

Что-то физика в почете,
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе...

Фото А. КУДРИШОВА.

Гульрух

„Гульрух“ – так называется фольклорно-этнографический ансамбль, созданный при Дворце культуры республиканского комитета по профтехобразованию. В репертуаре коллектива – песни, пляски, танцы и юморески. Во время концертов ансамбля в зале редко бывают пустые места.

Художественный руководитель – Израил Исламов.

Фото А. КУДРЯШОВА.

Народный артист Узбекистана Шерали ДЖУРАЕВ
„Все́м, чего я достиг, я обязан своей МАТЕРИ!“
Фото Н. МУХАММЕДЖАНОВА.

Звуки қ, ғ. В современном узбекском языке есть согласные звуки (қ, ғ, ҳ), не свойственные русскому языку. Сегодня мы останавливаемся на согласных звуках, обозначаемых буквами қ, ғ.

В отличие от русского қ, в образовании которого принимает участие средняя часть языка, звук қ произносится при сближении и смыкании самой задней части языка с самой задней частью мягкого нёба.

қабул — прием
қадам — шаг
қадим — древность
қайиш — ремень
қалдирғоч — ласточка
қиз — девочка, девушка
қонун — закон
қубба — купол
қум — песок
қучоқ — объятие

В узбекском языке в конце многих слов қ переходит в ғ, если слово принимает местоименно-притяжательные аффиксы, например:

ўртоқ — ўртоғим (мой товарищ)
қишлоқ — қишлоғимиз (наш кишлак)

Исключения составляют некоторые слова, в которых конечное қ не переходит в ғ:

иттифоқ — иттифоқимиз (наш союз)
тасдиқ — тасдиқимиз (наше утверждение)

В односложных словах такого перехода қ в ғ нет:

ўқ — ўқи (его пуля).

К исключениям относятся такие односложные слова, как ёқ — сторона, йўқ — нет. В них конечное қ переходит в ғ: ёқ — ёғи (бир ёғдан — с одной стороны, у ёғда — на той стороне); йўқ — йўғи (бори йўғи — все, что имеется).

Звук, обозначаемый в узбекском языке буквой ғ, глубоко заднеязычный фрикативный. Этот звук не смычный (взрывной), более продолжительный, образуется он так же, как и звук қ, но с участием голоса:

ғилдирак — колесо
ғилоф — чехол
ғор — пещера
ғоз — гусь
ғўза — хлопчатник

При склонении слова ғ в конце оглушается и переходит в қ, например: тоғ (гора), но тоққа (в горы)
боғ (сад), но боққа (в сад)

Настояще-будущее время глагола.

В узбекском языке настоящее время выражается несколькими формами, отличающимися друг от друга оттенками времен. Одна из таких форм — настоящее-будущее время. Оно образуется от производной основы, совпадающей по форме с деепричастием настоящего времени, и личных аффиксов типа -ман, -сан, -ди; -миз, -сиз, -дилар. Единственное число.

Положительная форма.

Глагол с окончанием на согласный звук:

кел — приходи

1 л. келаман — я приду

2 л. келасан — ты придешь

3 л. келади — он придет

Отрицательная форма.

1 л. келмайман — я не приду

2 л. келмайсан — ты не придешь

3 л. келмайди — он не придет

Множественное число.

Положительная форма.

1 л. келамиз — мы придем

2 л. келасиз — вы придете

3 л. келадилар — они придут

Отрицательная форма.

1 л. келмаймиз — мы не придем

2 л. келмайсиз — вы не придете

3 л. келмайдилар — они не придут

Единственное число.

Положительная форма.

Глагол с окончанием на гласный звук

ишла — работай

1 л. ишлайман — я работаю

2 л. ишлайсан — ты работаешь

3 л. ишлайди — он работает

Отрицательная форма.

1 л. ишламайман — я не работаю

2 л. ишламайсан — ты не работаешь

3 л. ишламайди — он не работает

Множественное число.

Положительная форма

1 л. ишлаймиз — мы работаем

2 л. ишлайсиз — вы работаете

3 л. ишлайдилар — они работают

Отрицательная форма.

1 л. ишлаймиз — мы не работаем

2 л. ишламайсиз — вы не работаете

3 л. ишламайдилар — они не работают

Форма настояще-будущего времени глаголов употребляется для выражения следующих значений:

а) будущего времени (Энди мен ёзмайман, у эса ўқийди. — Теперь я не буду писать, а он будет учиться);

б) постоянного, обычного действия, т. е. неопределенного настоящего времени (Мен мактабда ўқийман, у эса колхозда ишлайди. — Я учусь в школе, а он работает в колхозе).

В живых узбекских говорах форма настояще-будущего времени имеет следующий вид: ташкентском — ишлийман, келмийман; маргиланском — ишлейман, ишлейман; келмейман, келмейман; сурхандарьинском — келмийман, келмайман.

Диалог:

— Сиз кимсиз? (Кто вы?)

— Мен Салимов (Я Салимов).

— Сиз қаерда ишлайсиз? (Где вы работаете?)

— Мен заводда ишлайман (Я работаю на заводе).

— Мен ишлайман. (Я работаю).

— Сиз ўқийсизми? (Вы учитесь?)

— Ҳа, мен ўқийман. (Да, я учусь).

— Сиз педагогика институтида ўқийсизми? (Вы учитесь в педагогическом институте?)

— Йўқ, мен педагогика институтида ўқиймайман, қишлоқ хўжалиги институтида ўқийман. (Нет, я учусь не в педагогическом институте, а в институте сельского хозяйства).

— Сизнинг отангиз қаерда ишлайди? (Где работает ваш отец?)

— У далада ишлайди (Он работает на поле).

— Ким бўлиб? (Кем?)

— Пахтакор (Хлопкороб).

Задание.

Выучите следующие слова:

чигит — семена хлопчатника

ягана — прореживание

ғўза — хлопчатник

ғўзапоя — гузапая

шоно — бутон хлопчатника

кўсак — коробочка хлопчатника

пахта — хлопок

ҳосил — урожай

ариқ — арык, канава

ариқча — небольшой арык, канавка

эгат — борозда

чопиқ — окучка

хирмон — хирман

ҳашар — помощь

дала — поле

колхозчи — колхозник

тракторчи — тракторист

сувчи — поливальщик

пахта териш машинаси — хлопкоуборочная машина

Урок 7

УРОК 7 УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Урок подготовил П. БАКИРОВ,
аспирант кафедры общего языкознания РПИРЯЛ.

ГОЛОС РАЗУМА И ДОБРОТЫ

Штрихи к портрету Халимы
Худайбердыевой

«Самая печальная радость — быть поэтом. Все остальное не в счет. Даже смерть».

Федерико Гарсиа Лорка

Велик Гомер, но велика и Сафо. Воистину богаты те народы, у которых муза говорит не только мужским голосом, ибо в женском сердце и женском складе ума есть особые звуки и струны, без которых бедна духовная сокровищница поэзии. В узбекской литературе есть такие явления, как Робия, Зебуниссо, Надира, Увайси, Махзуна, Анбаротын, Зульфия, Халима... Ни один, даже самый гениальный поэт-мужчина не сумел бы выразить те задушевные, теплые стороны национального бытия и национального характера, которые глядят на нас со страниц их книг. В их стихах отражено выстраданное и трепетно нежное отношение к человеку, раскрывается мудрое сердце — сердце женщины, осознавшей свое высочайшее назначение на этой многострадальной и многотрудной земле.

В поэзию Халимы Худайбердыевой следует входить спокойно, неторопливо. И внезапно раскроется для вас самобытный, притягательный мир образов поэтессы. Радость и тревоги человека доселе чужого покажутся вам близкими:

*Я сама себя открыть должна,
Суть свою и тайное значенье.
Может, для того и рождена?
Может, в том мое предназначенье?
Мои очи, словно две звезды,
Видели и день, и тень беды,
Свет и сумрак, осень и весну,
И грозу, и бурю, и волну.*

Личные переживания переплавлены здесь в общечеловеческие. И обязательно самому знать правила стихосложения — настоящие, незаменимые стихи заставят волноваться душу читателя.

Определение «дамской поэзии» вошло у нас в обиход. И часто этот ядовитый ярлычок навешивается бездумно. Стихи Халимы Худайбердыевой — это поэзия высшей пробы, чеканного мастерства, вышедшая из горнила тысячеградусных температур, сочетание утонченности, духовного аристократизма, благородной простоты и естественности.

Как всякое подлинное искусство, слово Халимы Худайбердыевой растет корнями вглубь, а ствол — ввысь, черпая благодатный воздух раски-

дистой, разветвленной кроной. Наверное, поэтому в самых глубоко личных, глубоко национальных стихах поэтессы то и дело ощущается объемный, продутый планетарными ветрами воздух:

*...Плыл Колумб грозе и буре вслед
И открыл Европе — Новый свет!
Нынче я должна Колумбом быть...
Собственное сердце отворить!
Ведь никто на свете не постиг
Этот непонятный материк.
Ноги сбив, усталая, в бреду
Я к нему, теряя путь, иду...
Замирает над водою клоч...
Неужели сердца не постичь,
Неужели душу не понять,
Не вместить в слова, не разгадать?
Нет! Открыть ее для всех должна.
Верю, для того и рождена!*

В стихах Халимы Худайбердыевой нет суесловия, торопливости, нарочитого умничанья, желания выставить себя напоказ. А что есть?

Простота — почти неслыханная по нынешним временам, почти еретическая простота. Как в природе очевидное естественно и ненавязчиво скрывает в себе глубину, открывающуюся только внимательному и любящему взгляду, так и стихи Халимы Худайбердыевой глубоки и мудры в своей простоте:

*Жаворонок, взмой
Над моей степной
Сердцу дорогой
Милой стороной,
Где ликуют дети.
Песнею звеня,
Навести меня
Рано на рассвете.
Только если ты,
Глядя с высоты,
Не найдешь мечты,
Не сведешь мосты,
Не отыщешь гати,
Лучше — так и знай —
Ты не прилетай
Поздно на закате...*

Каждая птица любит свое гнездовье. Халиме Худайбердыевой бесконечно дорог родной Узбекистан — с изумрудными шатрами гор и холмов, с окаменевшей, как по волшебству, выдыбленной конницей бурых скал.

И с первых же стихов возникает в творчестве поэтессы основная, определяющая тема ее лирики — тема Родины:

*...Моя задача непроста.
Не дрогни, голос мой!
Ведь я — республики уста,
Я колокол живой!..*

Прочитав это и другие стихотворения поэтессы, нетрудно представить себе, откуда берут начало истоки ее поэзии. С детских лет впитала в себя поэтесса сверкающие краски родных нагорий, их чистый, звенящий воздух. В ее поэзии слышны рокот громокипящих водопадов, полное поэтического волшебства журчание прозрачных родниковых струй. О чем бы ни писала Худайбердыева — о лесных цветах или снежных вершинах родных гор, об истории или о первом чувстве любви, о дорогах детства или путешествиях зрелости — все это ее Родина — Узбекистан. И Халима пишет о ней так, чтобы человеку, никогда не бывавшему на ее древней земле, захотелось обязательно побывать, увидеть:

*...Я на колени паду на рассвете.
Мир вам, Отчизны счастливые дети,
Мир вам, бегущие к солнцу поля,
Прах моих предков, родная земля!
Дружбой народов навек осиян,
Слово имеет Узбекистан!..*

Узбекский народ прошел нелегкий путь борьбы за лучшее будущее. В поэзии Худайбердыевой поэтично, по-новому осмысливаются идущие из глубины веков факты, и читатель впрямую соприкасается с историей узбекского народа. Жива память — жива история, а значит — ясна дорога в будущее. Насколько маршрут глубже уходит в прошлое, настолько больше возможности разбегаться и вырваться вперед.

*...Известны народам от века,
О край мой, пределы твои!
Ты всем подарил Улугбека
И пламенный клич Навои.
Фурката, Бабура газели
Над Гангом, бывало, звенели
В далекой, чужой стороне.
Их голос гремел вдохновенный,
Да он и поныне не стих.
Услышало ухо вселенной,
И вспомнила Родина их.*

Чувство долга перед Родиной — не пустое слово для поэтессы. Тема Родины для нее — предмет долгих, углубленных, серьезных раздумий. Стихи эти написаны сердцем. И потому даже простые и сдержанные строки заставляют вдуматься, вчувствоваться.

Но круг поэтических образов Халимы Худайбердыевой выходит далеко за пределы темы об Узбекистане. Как подлинный поэт, она связывает национальные мотивы с обобщениями большого масштаба. То, что идет из глубины национального поэтического восприятия, соединяется с темой освоения, преобразования широкого мира:

*Кто говорит, что нет вины на нас,
Кто говорит, что мы чисты и святы?
Льет кто-то в мире слезы и сейчас,
А если так, мы тоже виноваты!
Земля всеобща, не расторгнуть уз,
На свете сердце всех людей едино,
И чей бы ни был непосилен груз,
Он каждому из нас сгибает спину.*

С момента выхода первого сборника стихов поэтессы до сегодняшних дней всеобщего признания ее не перестает тревожить судьба нашей планеты: Халима Худайбердыева чувствует ответственность перед людьми, перед прошлым, настоящим и будущим.

Многие ее стихотворения отражают личное отношение автора к проблемам нашего с вами бурного, трудного века. В этих стихотворениях нет специфических черт военной тематики, но в них хорошо ощущается родинская в пламени войны человеческая мечта.

*...Победа! Слово звонкости небесной!
Во имя слова этого мой
Друзья среди равнины неизвестной
Без слез в могилы братские легли.*

*Настой разлуки горькой пили вдовы...
В постелях, не остуженных еще,
Они, и горделивы, и суровы,
Победу обнимали горячо.*

*...Победа!
у нее прекрасный лик.
Любимый, я хочу, чтоб ты привык
К победе, словно к равнине, как к родной,
Чтоб ты встречался только с ней одной!*

Халима Худайбердыева всегда и во всем идет собственным путем, не поддаваясь ничему, что противоречит природе ее дарования. Многие ее стихи посвящены вечной теме любви. Но, право, не стоит препарировать отдельные строчки — стихи эти воспринимаются удивительно цельно.

*Отвергло сердце тьму, светла,
О ты, моя любовь!
Но душу почему сожгла,
О ты, моя любовь?
Испекли все догла,
О ты, моя любовь!
Но подарила два крыла
И на вершину вознесла,
О ты, моя любовь!*

Творчество Халимы Худайбердыевой занимает в узбекской поэзии совершенно особое, ей одной принадлежащее место. В ее стихах есть смелость, но нет декларативных интонаций, есть утонченность, но нет снобистской замкнутости на форме, есть глубина раздумий о самом важном и тревожном в нашем мире, но нет риторичности и стихотворного переложения вчерашних газетных статей. Она умеет трансформировать зримый, слышимый окружающий мир и при этом оставить его узнаваемым, открыть в нем нечто новое, а именно — тонкие, властные связи между тем, что казалось нам отдельным. Мир в ее стихах предстает единым, цельным, а главное — согретым и одухотворенным.

Стихи эти — биография чувств, переживаний, волнений и забот талантливой дочери узбекского народа Халимы Худайбердыевой — находят путь к читателям всей нашей страны.

Феликс БАХЧИНИЯН.

ПЕСНИ ЕГО СУДЬБЫ

С тех пор как помнит себя Шерали, он был рядом с отцом, работавшим чабаном в предгорьях Алая. Отец, что называется, чабан «от бога», больше, чем работу свою, любил, может быть, только родной край, его природу. Этой любви научил сына. И не только ей. Одним из самых драгоценных свойств, унаследованных им от отца, Шерали Джураев считает правдолюбие, непримиримость к подлости, приспособленчеству, лжи. Но и доставалось же ему в жизни благодаря этому «наследству»!

Сейчас он редко рассказывает об одном случае, который помнит с давних пор, — случае, после которого впервые понял, что не все люди похожи на его отца, что есть на свете обман и несправедливость.

Шерали учился в восьмом классе, когда отец однажды пришел с собрания в кишлаке темнее тучи. На собрании этом он открыто сказал о несправедливости, допущенной по отношению к чабанам: погибших от болезни овец правление колхоза признало павшими в результате «халатности и безответственности» чабанов.

О многом говорил тогда на собрании Нурмата-ака. О том, например, почему ни у председателя, ни у парторга или заведующего фермой овец не убывает, а вот колхозных стайковятся все меньше и меньше: оказывается, количество домашнего скота у начальства постоянно пополняется за счет колхоза...

Эта разоблачительная речь вкупе с другими выступлениями Нурмата-ака против несправедливостей, творящихся в колхозе, дорого обошлась ему — у него отобрали отару, лишив возможности заниматься любимым делом.

И вот какие странные зигзаги делает порой судьба: несправедливость, задевшая когда-то Нурмата-ака, через много лет коснулась и Шерали. В юности с ним случилось то, через что часто приходится пройти начинающим талантам, бредящим сценой.

Его прослушала некая знаменитость и с высокомерным сочувствием посоветовала не терять понапрасну время: «Певца из вас никогда не выйдет». Но ведь Шерали знал, чувствовал всей душой, что петь он будет, просто обязан, потому что людям, и многим, пение его нравится, приносит радость!

Отныне и его поступление в Ташкентский театрально-художественный институт, и работа солистом в республиканской филармонии, куда его направили после окончания учебы, и выступления, которых Шерали Джураев старался не прерывать, что бы ни случилось, — все было для него ступеньками на пути к себе, к обретению своего творческого «я», и — кто знает? — может быть, и средством доказать, в первую очередь самому себе, свое право оставаться в искусстве. А судьба готовила ему новое испытание.

То были годы унификации, обезлички всех и вся в нашем искусстве, торжествовал принцип наказуемости инициативы и всего, что возвышает-

ся над гладкописью, над нивелировкой во всех без исключения сферах жизни. Певцам рекомендовалось воспевать если не доильные аппараты, то в крайнем случае беспроигрышную формулу «ты, да я, да мы с тобой». А Шерали пел о драматизме жизни, о взлетах и падениях человеческого духа, о непреходящих ценностях, завещанных нам ушедшими веками. Вот тогда и появился тот фельетон в газете, обвинявший Джураева во всех смертных грехах, вплоть до мистицизма и упаднических настроений.

Приказ, отстранявший его от должности солиста, не замедлил последовать. Джураеву предписывалось отныне петь только в хоре.

Потом у него будут еще не раз нелегкие минуты, когда кажется, что потемнело и потускнело все вокруг и нет впереди просвета. Но тогда, приняв первый серьезный жизненный удар, он был готов бросить все. Как прежде, заняться у себя в кишлаке животноводством, порвать с искусством. Не смог. Песни рвались из души, приходили к нему во сне. И он снова взял в руки саз...

Сейчас он не любит рассказывать о тех днях. Зато с юмором вспоминает, как поступал в ТТХИ.

Мечта его об учебе в театральном осуществилась не сразу. Сначала, приехав в Ташкент и опоздав на экзамены, он подал документы в культпросветтехникум, и лишь позже узнав, что в областном театре заседает комиссия из ТТХИ, отбирающая талантливых сельскую молодежь для учебы в вузе, отправился туда.

В большом зале абитуриентов экзаменовали около двадцати преподавателей. Шерали вошел, держа в руках саз и остановился недалеко от дверей.

— Подойдите, не стесняйтесь, — пригласил Хамид Абдуллаев, бывший в то время ректором. — А то мы можем не услышать вашего пения.

Но Шерали знал силу своего голоса. Когда он закончил песню, педагоги улыбались и переглядывались. Его поблагодарили. «Спасибо, можете идти». А он медлил, не в силах уйти оттуда, где решалась его судьба.

— Я еще и стихотворение приготовил, — выпалил в отчаянии. — И этюд могу показать...

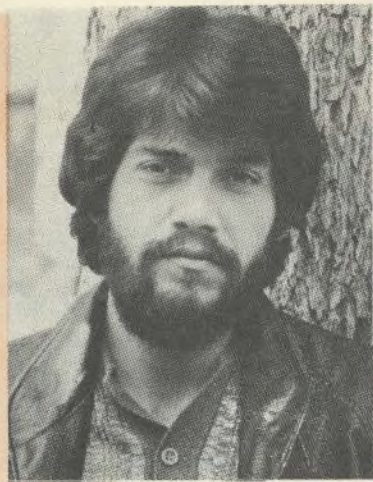
Выпроваживали его из экзаменационного зала, уже откровенно улыбаясь. В институт Джураева приняли.

Из всего прочитанного у вас, наверное, уже сложилось представление об этом прекрасном певце и сложном, искреннем, сильном человеке. Попробуйте, теперь уже с высоты знаний, пусть и неполных, о личности исполнителя, прослушать заново некоторые из его песен — уверен, они покажутся вам иными.

У Шерали Джураева много песен. Разные они по теме, да и по уровню тоже. Иные и живут-то только благодаря его голосу. Многие из своего репертуара Джураев сегодня уже перерос, оставил позади. Он — в пути. Впереди — новые высоты.

А. УКТАМОВ.

Молодая
смена 19

Михаил ГАРБУЗЕНКО

Михаилу Гарбузенко 32 года. Он живет в Ташкенте, работает в фотохронике УзТАГ. Стихи его печатались в республиканских периодических изданиях.

* * *

Как хорошо быть молодым!
Глотать с восторгом темный дым
Вокзала, жаждать отравленья,
Кивая невпопад родным...
И не запомнить наставленья.

К чему — он едет налегке! —
Багаж их речи торопливой?
В любом мелькнувшем далеке,
Степном забытом огоньке
Он видит свет звезды счастливой.

Все так легко и грандиозно!
...Как будто можно в этом мире
Брать то, что нравится, без спроса.
И нет еще под сердцем гири,
Висящей на цепочке косо.

И время не перетрясло
Его нехитрые пожитки.
И он не знает про убытки,
Которые наносит зло.
(Храни его от этой пытки!)

Пусть ветер распевает гимн!
И под звездой предрассветной!
Пусть жизнь покажется бессмертной! —
Без одиночеств и руин.

Как хорошо быть молодым...

* * *

Ветер туманом набил самокрутку.
Сизая дымка сквозит над болотом.
Качаются ели. Кончатся сутки.
Тяжелое солнце скребет позолоту
О ветки.

...Так что же? Простились. К отлету!
И пусть тут решат: «Это дикие утки!» —
Поднимут собак и устроят охоту.
Расстрел на закате над синей опушкой.
И пусть наши перья окрасятся кровью —
Все лучше, чем в перьях перины опухшей!
...Над миром летят — посеченные дробью —
Угнанные души.

* * *

Какой-то мелочью обижены
И горшего не видим в том,
Что под сирот кусты острижены,
Чьи души отданы в детдом.

И за чугуны оградами
Бежим, бежим — всяк по себе,
Боясь встречаться с ними взглядами —
Как уличенные в родстве.

И потому так злы и мстительны,
Что в одиночку — скользше лед.
...А те всю зиму ждут родителей —
Таких же, в сущности, сирот.

Давай еще поговорим.
Я поотвык от речи человеческой.
Как будто прожил на верху горы,
Где звон стоит от ледниковых речек.

Я позабыл отдельные слова.
И вот теперь они необходимы,
Чтоб рассказать — какая там гора,
И как живется на краю вершины.

Как крутизна здесь голову кружит
И вниз зовет отпетых одиночек.
И ветер плачет, как уставший Жид,
Который Вечным быть уже не хочет.

В чайхане

Положили шашлык на шипящие угли.
В пиале ароматный чай.
Хорошо в чайхане!
Но зачем-то про джунгли
Завели разговор невзначай.

...Эх, как лихо они прорубали тропу,
Распугав на сто верст обезьян.
Я рубил вместе с ними, но молча...
И вдруг
За стволами сверкнул океан.

Океан. Разрази меня гром — океан!
Не арык, а безбрежный простор.
Разговор, как корабль, летел по волнам,
Ах, какой это был разговор!

Словно чайки, кружили над нами слова.
Чай, как ром, обжигал, веселя.
Возникали из радужных брызг острова,
И команда кричала: «Земля!!»

А когда обогнули крутой материк,
Мне припомнились карта и клад.
...Но воскликнул сосед: «Эй, шашлык
подгорит!
Нам пора возвращаться назад».

...Путь короткий, секунда — и вновь чайхана,
Над арыком скрипучий айван.
Но не шел разговор у меня из ума:
Джунгли, пальмы, корабль, океан...

Хорошо в чайхане.
Видно, лакомка бог
Вот таким и задумал свой рай.
Отчего же в раю — комом в горле кусок
И горчит ароматнейший чай?

А сосед подмигнул, разомлевший, как бык,
Прожевал и сказал: «Дорогой,
Разве можно грустить, если рядом шашлык.
Ешь как я — и не будешь худой».

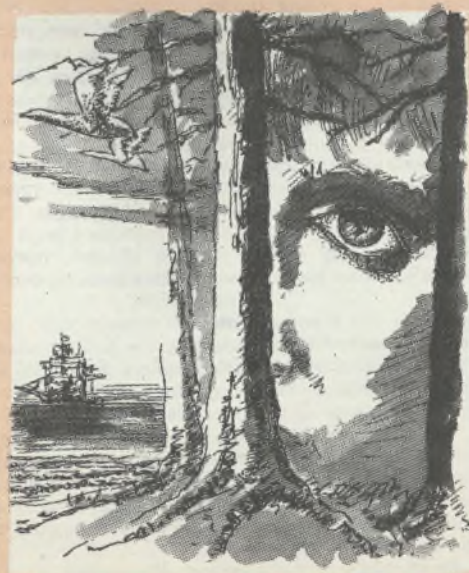

Рис. В. ШЕРШНЕВА.

Хорошо в чайхане!
Тлеют угли в золе.
Золотой подают виноград.
Почему не уплыл я на том корабле,
И зачем я вернулся назад?

* * *

Напуган смертной тоской,
Я рад любому увлеченью:
Игре, иллюзии, влеченью
К непостоянности чужой.

Я рад любому и любой,
Кто внятно свяжет два-три слова.
Я б возлюбил того, как бога!
Поговорите же со мной.

О чем угодно. О погоде.
О том, как чудно на природе
Вы провели свой выходной.
Про то, как ладите с судьбой,
Когда терпенье на исходе...

Встреча

Я помню это дерево подростком.
Малыш едва на корешках держался.
А я тогда был чуть повыше ростом,
Но от него ничем не отличался.

Мы были из породы тонкокожих.
Но об одном я изначально знал:
Что закричу — и кто-нибудь поможет,
А тот подросток никого не звал.

Здесь, на земле, я по ночам мечтал.
Потом метался, адреса меняя.
А он в нее настойчиво вращался,
За черствый нрав ее не осуждая.

Был жесткий снег. Был ад крошечный пыли,
И жгла стыдом зола из-под жаровни.
Но нас всю жизнь по-разному учили
Одной науке — как пускают корни.

Теперь — под ним — я сам кажусь
подростком...

* * *

Мало ли что говорят.
Разный по свету толк:
Человек человеку — брат,
Человек человеку — волк.

Кто клеветает, а кто прав?
...Но какой от словес толк,
Если он на словах — брат,
А на деле выходит волк.

Если только по слабости рад
Удружить, услужить в срок.
Он на равных пока — брат,
А сильнее — уже волк.

Этот тащит, живет богат
И сморкается в красный шелк.
И ему говорят «брат»,
Зная точно, что он — волк.

А бывает иной расклад
(Отыскать бы его исток!):
Жил себе человек — брат,
Затравили — и стал волк.

По нему из засад палят,
Паутину плетут склок.
Сатанеет от лжи брат,
Приглядеться — и впрямь волк.

Ох, не ведают, что творят...
Разве в этом гражданский долг —
Если выбит из списка брат
И записан в графу «волк»?!

...Я слова заберу назад.
Доброты затвержу урок.
Только ты не гони, брат:
Отдышусь, залижу бок.

Еще недавно говорить о планировании семьи считалось едва ли не дурным тоном — кто это позволяет себе вторгаться в святая святых? Жизнь показала: подобная «деликатность» пагубно отразилась на многих семьях. Элементарная безграмотность в вопросах медицины привела к подрыву здоровья многих матерей и детей, а в некоторых случаях и к трагическим последствиям.

Сегодняшние молодые мамы, имеющие пока одного-двух наследников, — знаете ли вы обо всем этом?

Узбекистан — республика, занимающая одно из первых мест в стране по рождаемости. Лишь немного он уступает по этому показателю соседнему Таджикистану. Казалось бы — неплохо. Высокая рождаемость — значит много детей, много радости родителям, но зачастую как раз радости-то и нет, потому что по уровню детской смертности Узбекская ССР, как ни горько об этом говорить, тоже опережает многие республики. Причин этому немало. И одна из них — частые, многократно повторяющиеся роды. Беременность — это всегда серьезное испытание для организма женщины. Для того, чтобы его успешно выдержать, нужно обладать хорошим здоровьем. И об укреплении здоровья следует заботиться с самого раннего детства девочки и даже со времени ее внутриутробного развития. Будущей матери необходимо иметь достаточный запас сил, энергии и ресурсов, чтобы выносить и произвести на свет ребенка массой 3-4 кг, начи-

труда найдет в семьях своих близких или знакомых массу примеров, когда после 8-10 родов в семье растет только 4-5 детей. Остальные умерли, потому что родились слабыми, получали, да и то зачастую недостаточное время, материнское молоко, в котором не хватало необходимых белков, жиров, углеводов, витаминов, микроэлементов и т.д., так как мать была истощена многократными частыми родами, страдала анемией или какими-либо другими соматическими, а также гинекологическими, характерными для многорожавших женщин, заболеваниями.

Так не лучше ли, любя своих детей, родить пятерых — и всех пятерых вырастить, чем десять раз побывать в роддоме и пять раз — на кладбище?

Можно, конечно, спросить, а куда же смотрит медицина? Да, медицина и медики в долгу перед народом. Но здесь мы пожинаем плоды периода застоя, когда, не считая красивых деклараций, не делалось ничего для улучшения охраны здоровья женщи-

случае механизм их действия заключается в ускоренном перемещении яйцеклетки по трубе. Это приводит к тому, что слизистый слой матки не успевает приготовиться к приему яйцеклетки, которая и сама оказывается неспособной к внедрению в него, так как попадает к месту привития на 5-7 дней раньше обычного срока.

В настоящее время все большее распространение получают ВМС, в которых помимо их механического действия используются антибактериальные и спермицидные свойства некоторых веществ, в частности, меди. ВМС покрывается оплеткой из тончайшей медной проволоки, в результате чего усиливается его противозачаточное действие и добавляется противовоспалительный эффект.

Многолетними наблюдениями и исследованиями установлено, что опасения женщин относительно возможности развития предракового или ракового процесса от длительного применения ВМС не имеют под собой почвы. Не нужно также думать, что использование ВМС в течение 3-4 лет приведет в последующем к бесплодию. После его удаления беременность обычно наступает в ближайшие полгода.

Принципиально отличаются от ВМС гормональные противозачаточ-

8-10-месячного кормления грудью при условии, если ребенок постоянно находится рядом с матерью и в любое время суток может сосать материнскую грудь без перерыва на ночной сон, как это имеет место у цивилизованных народов.

После перехода ребенка на самостоятельное питание в течение нескольких ближайших циклов в яичнике женщины созревает очередная яйцеклетка и может наступить следующая беременность.

Естественно, мы не призываем вернуться к первобытным порядкам, но именно большой ночной перерыв в кормлении ребенка грудью делает лактацию ненадежным средством предупреждения беременности. Однако очевидно то, что гормональные противозачаточные средства, применяемые внутрь в течение 10-12 месяцев, на это же время исключают репродуктивную систему, как бы давая ей отдых. Этим объясняется тот факт, что вероятность наступления беременности после отмены препаратов оказывается значительно более высокой, чем до начала их приема. В настоящее время они широко используются с разнообразными лечебными целями.

Таким образом, правильно выбрав с помощью врача то или иное противозачаточное средство, можно планиро-

СКОЛЬКО ВЫРАСТИТЬ ДЕТЕЙ ?

нающего свой жизненный путь с микроскопической яйцеклетки.

Если первые трое-четыре детей рождаются относительно здоровыми, то последующие часто появляются на свет с малым весом, функционально незрелыми, подверженными различным заболеваниям. Объясняется это тем, что они развивались в ослабленном материнском организме. Организм женщины не в состоянии одинаково щедро одарить здоровьем и своего первенца, и, скажем, восьмого-десятого ребенка.

Между тем в Узбекистане исходный уровень здоровья девушек и молодых женщин, не говоря уже о многорожавших, остается достаточно низким. Широко распространены малокровие, хронические заболевания почек, высок процент остаточных явлений после гепатита, перенесенного иногда еще в детстве. Наконец, с возрастом у людей, помимо соматических заболеваний, накапливаются в генетическом аппарате разнообразные отклонения, имеющие в подавляющем большинстве случаев отрицательный характер. Все это не может не сказаться на потомстве.

Однако, не задумываясь о собственном здоровье и здоровье будущих детей, женщины рожают 6-8-10 и более раз, хотя наукой давно доказано, что с увеличением числа родов значительно возрастает вероятность рождения физически и умственно неполноценного ребенка. Объясняя многоплодность, обычно ссылаются на древние традиции и любовь к детям.

Не будем покушаться на традиции. Поговорим о любви к детям.

Любой житель республики, особенно в сельской местности, без особого

ны, матери, ребенка.

В затронутой проблеме помимо медицинского аспекта есть и многие другие, не менее важные, которые и вынуждают врачей настаивать на разумном планировании семьи с учетом состояния здоровья нынешнего поколения, во избежание роста материнской и детской смертности.

Лишь роды с перерывом минимум в три года дадут женщине возможность сохранить собственное здоровье и вручить этот поистине бесценный дар своим детям. Достичь этого можно, используя современные противозачаточные средства.

У современной культурной женщины не должно быть «случайных», незапланированных беременностей. В наши дни медицина располагает разнообразными и весьма надежными средствами, позволяющими избежать нежелательной в данное время беременности, а значит и аборта. Необходимо лишь избавиться от предрассудков, существующих против некоторых препаратов, и обратиться к врачу за советом, чтобы подобрать то или иное средство, подходящее для женщины с учетом состояния ее здоровья, показаний и противопоказаний.

Наиболее распространенными, удобными и эффективными сейчас являются внутриматочные противозачаточные средства (ВМС) и гормональные препараты типа бисекурина, нон-овлона, овидона и некоторых других, применяемых внутрь в виде таблеток или пилюль.

ВМС изготавливаются из биологически инертных материалов и могут иметь спиральную, змеевидную, Т-образную и иную форму. В любом

средства, которые обладают стопроцентной результативностью при правильном и регулярном приеме, не нанося при этом никакого вреда организму. Такая высокая эффективность объясняется тем, что под их влиянием некоторые отделы репродуктивной системы женщины оказываются заторможенными, и вследствие этого в яичнике не образуются зрелые яйцеклетки, годные к оплодотворению. Кроме того, уменьшается толщина слизистой оболочки матки, что делает ее непригодной для привития плодного яйца. Такое истончение слизистого слоя способствует уменьшению ежесменной кровопотери. Следует особо подчеркнуть, что под влиянием гормональных препаратов циклические процессы в организме женщины не прекращаются, хотя и оказываются в несколько заторможенном состоянии.

Именно этот факт и пугает некоторых женщин, которые считают, что указанные препараты отрицательно влияют на организм, угнетая функцию яичников.

Однако, если обратиться к историческому опыту и посмотреть на генеративную функцию у представительниц первобытных племен, исполняющих предназначение продолжательниц рода так, как это было отрегулировано природой на протяжении миллионов лет эволюции, то выяснится, что в их организме созревание яйцеклетки происходит приблизительно один раз в полтора-два года. Остальное время этот процесс оказывается выключенным.

Яичник не продуцирует яйцеклетки во время беременности, длящейся 40 недель, и во время последующего

вать и регулировать по желанию, а не уповая на бога, численность своей семьи.

Однако одними противозачаточными средствами проблему многоплодности и высокой детской смертности не решить. Нужно перестроить сознание людей, изменить стереотипы.

В медицине есть такое понятие, как «уход в болезнь». Попав в тяжелую ситуацию — конфликт на работе, разлад в семье, непонимание со стороны родных, близких и друзей — и не видя выхода из создавшегося положения, человек сосредоточивается на своем болезненном состоянии. Появляется масса жалоб, падает работоспособность, рвутся привычные контакты и связи. В таких случаях любые лекарства бессильны. Вылечить больного можно, лишь ликвидировав стрессовую обстановку, в которой он оказался.

Мы полагаем, что иногда в «уходе в беременность» женщина видит для себя единственный способ спастись на время от непосильных психологических и физических нагрузок.

Это относится к женщинам, занимающимся как умственным, так и физическим трудом, особенно на селе.

Решить вопросы многоплодности и планирования семьи нельзя одними только медицинскими мероприятиями и пропагандой противозачаточных средств. Нужна широкая социально-экономическая программа, направленная на улучшение условий труда и быта женщин, на изменение системы ценностей в сознании людей.

Б. РУБИН,
кандидат медицинских наук.

Не трожь человека, деревце,
Костра в нем не разводи,
И так в нем такое делается —
Боже не приведи!

А. Вознесенский

Шоссе было чисто выметено воздушными подушками скудов. Лишь случайно занесенный ветром листок иногда запутывался в мантии, долго полоскался в ее бахроме и с сухим щелчком вылетал с задней струей. Скуд обтекаемо шелестел над лентой глазурированного асфальта, и только лезвия крыш среди деревьев, убегая, неназойливо напоминали о скорости.

До Гатчины смотреть было не на что: размытые черно-белые вертикалки леса подступали близко и однообразно, как полосы декоративной «ландшафтной» ткани. Чтобы отделить березы от сосен или выхватить один какой-нибудь ствол, Арсен быстро переводил глаза, а потом давал взгляду отстать. Но и это развлечение вскоре наскучило. Арсен отвернулся от дороги, в который раз за сегодня извлек из папочки дроботовское письмо. Ох уж этот Петр Дроботов! Сумел-таки дернуть какую-то струнку в душе. А кажется, ко всему уже привык, не расшевелишь...

Неожиданно скуд взвизгнул, ткнулся брюхом в шоссе. Толчок швырнул вперед, упругое лобовое стекло без удара натянулось, бросило обратно на сидение, и некоторое время еще Арсен ошеломленно тряс головой. Шофер Коля вышел, каблукон постучал по коже компрессора. Приподнял мантию, под которой бессильно шипела слабенькая струйка воздуха. Сплюнул.

— Все. Скис.

— Долго простоишь?

Коля сдвинул кепочку на затылок, губами достал из кармашка на груди узкую бездымную сигаретку, повернул на луч стеклышко солнечной зажигалки:

— За последний год, Арсен Даурович, я имел две пятиминутных аварии. По теории вероятности, эта часа на три.

— А ты знаешь, куда мы едем?

— Вас, наверно, женщины любят, шеф?

— С чего ты взял? — опешил Арсен.

— Не мучаетесь избытком тактичности. Плохой бы из меня получился шофер, если б я был не в курсе дел своего начальника.

— Ты мне этот психологический практикум брось. Признавайся, сколько стоим будем?

— Законы статистики неумолимы, Арсен Даурович. Но за сорок минут, пожалуй, управлюсь.

— А что я скажу Дроботову?

— Подождет ваш Дроботов, больше ждал. Прогуляйтесь вдоль шоссе, пока я мотором занимаюсь. Подышите загородным воздухом. Засекайте время!

«И правда, чем здесь маяться», — вяло согласился про себя Арсен, ступив на стеклянню блестящую полосу глазурированного асфальта. Коля включил домкраты, аккуратно расстелил куртку и полез под скуд. Ворчание его еще некоторое время догоняло Арсена:

— Не понимаю, за какие грехи машину колес лишили? Раньше спяно уперся — и катись, милая! Под горку еще б придерживать пришлось. Прогресс, туды его в мантию...

Шоссе по веселому пологому мосту перебежало извилистую речушку, удачно отвечающую своему певучему названию Оредеж. Колин говорок становился все более неразборчивым. Солнце, отражаясь от асфальта, слепило глаза. Только теперь заметив, что так и несет письмо в руке, Арсен сунул его в карман, разулся, поставил босоножки на обочине так, что их нельзя было не увидеть из скуда, спустился по откосу. До самой травы ногам бы-

ло непривычно колко, и, выбирая место для ступни, он шагал осторожно, не в полную силу. Берег был по-хорошему заброшен: сухой невытоптаный склон издали валялся в реку, вспенив перед кромкой воды неширокую полоску ослепительно чистого песка. Вверху удрученно обозревала местность привязанная к колышку коза.

Поддернув брюки на коленях (скорее по старой мужской привычке, чем из боязни вспузырить немнущуюся ткань), Арсен уселся на траве. Над головой закружились две желтые бабочки-капустницы и одна траурница с черной каймой на крыльях. Подражая взмахам крыльев бабочек, задрожали перед глазами листья тощей осины.

— Чего дрожишь, глупая? — помимо воли спросил Арсен. И поморщился, уловив в интонации фальшь.

Собственно, если б осина не дрожала, он вообще не признал бы ее, не отличил от тополя или там от липы. И это — невзвизывая на должность: референт по общим вопросам Ленинградского комитета Природы. Впрочем, чему удивляться? Как и все горожане, он только по выходным вырывается на волю и торопливо восхищается: цветочки, воздух! А воз-

на этот сигнал, тем более с уговорами отказаться от претензий. Но ведь жалобщики, как правило, на одной инстанции не останавливаются. Настырный народ!

Арсен мысленным усилием вызвал из памяти синий конверт. Конверт, как живой, возник перед взором. На лицевой стороне картинка: с вершины низкого наклонного постамент возносится настоящий истребитель-перехватчик, давно отлетавший свое и списанный по случаю всеобщего разоружения в лом. Из кабины истребителя выглядывают две счастливые детские мордашки: к безмерному восторгу ребятшек, самолеты не уничтожают, а пускают на игрушки, вон их даже почтовики увекочили. Рядом с яркой картинкой адрес не сморщился. Крупными буквами, мельчающими и изогнутыми у края конверта вниз, было выведено: «Ленинград. Смольный. Главному специалисту по лесам и живности». Это значит, ему, Арсену...

Леняся вынуть письмо из кармана, Арсен так же мысленно раскрыл конверт, достал вырванный из школьной тетрадки листок в клеточку. Тот же почерк длинно и чуть истерично вещал о том, что «председатель их колхоза Громов Олег Михайло-

дух теперь и в городе степью отдаст, дыши — не хочу. Усилиями их комитета гарь и пыль повеятелились с улиц, из двигателей изгнан бензин. Заводы работают на замкнутом цикле, без выброса отходов в окружающую среду. Памятником варварским технологиям оставлены две дымовые трубы с мертвыми заглушками: по праздникам для имитации работы из них гонят в облака покрашенный пар. Конечно, до взморья или до соснового бора городу далеко, пахнет все-таки перегретым камнем. Но всему свое время. Наладим и озоновую атмосферу. Вот освоим в следующем году хлорофильные краски для стен, тогда и с сосновым бором потагаемся. Переезжай к нам, Петр Дроботов, не пожалеешь... Хотя, ты ведь не захочешь из деревни, а?

Осина застенчиво поджимала к стволу реденькие ветки и продолжала дрожать.

«Зря, глупая!» — неожиданно для себя чужими словами подумал Арсен. Больше того, чуть не произнес вслух. И еще подумал, как хорошо лежать под пристальным серо-синим небом, вспугивать разноцветных стрекоз и следить за их чуткими зигзагами. А ведь не довелось бы, не будь счастливой аварии со скудом, а еще раньше — дроботовского письма. Может, и не стоило сломя голову мчаться

вич придумал покрыть поля бетонной сеткой, соединить с правлением все бригады, Дунькину фабрику и хренные палисадники и приобрести 50 винтороллеров. Чтоб все перевозки делать только по воздуху. А на саженцы древоидной конопля ему наплевать, и на юннатский кротовый заповедник тоже. А особенно жаль рябинку, посвященную героически погибшему гвардии рядовому Кузьмичеву, и ту березку-трехстволку, которую мы еще мальками сажали с Машей Тениной и Борькой Коноваловым. Но самое главное, бетон начнет почву выжимать, деревья и кусты заоблачат, оголят корни и пожухнут. Председателево сердце не болит по всякому растению и летучести. А они тоже для красоты настроены...

Остаюсь ваш Дроботов Петр Иванович, звеньевой».

И снова — в который раз! — Арсен разозлился. Ох уж эти неумные общественники, вечно суют нос куда не просят! Хорошо еще, планы председателя не затронули личных соток защитника природы. Так и представлялись коренастый чистенький дядька с тяпкой и ведром навоза в руках, тропинка, протоптанная им с лукошком собственных овощей из огорода до базара, бетонная сетка поперек этой тропинки. Ох, шуму б было!

Председателя Громова Арсен знал отлично. Громный, громкий, подвижный, несмотря на необъятную толщину и выдающийся живот, пройдоха и умница, потомственный руководитель богатого хозяйства, он своей выгоды нигде не упускал. Странная купеческая жилка помогала ему разглядеть то новое, что приносило колхозу немедленный безошибочный доход. Он шумно ввалился в кабинет Арсена и по обыкновению не сразу приступил к делу:

— Премию получил для поддержания штанов. Три оклада. — Олег Михайлович расстегнул пиджак, поправил тщательно замаскированные подтяжки и плюхнулся в кресло. — Ездил за подарком сыну, решил и к тебе заглянуть. Между прочим, интересную штуковину раскопал. Глянешь? Новый побег эволюционной мысли.

Громов расстелил на столе свой «побег»: проект перевода колхозной техники на воздушный минитранспорт. По ватману красиво порхали крылатые потомки мотороллеров: портативные тракторы, планирующие тележки, гусиные клинчики дельта-комбайнов. Поля были разлижены росчерками взлетных дорожек, будто тетрадь в клеточку. Стол

Письмо Дроботова ставило все с ног на голову, рождало смутное беспокойство. Настораживали даже не наивные аргументы, а фальшиво-агрессивный тон. Арсен подумал и махнул в колхоз. Чуть ли не впервые он ехал не расследовать жалобу, а убеждать жалобщика в правильности собственного решения. «Если, конечно, оно правильно», — высочила исподтишка ехидная мысль.

За Оредежем сушилось присобранное в копешки сено. Тот берег был высок и обрывист, в слоистых узорах багровых глин, с темными провалами пещер, уходящими под воду. А здесь жили осина, коза, крохотный жучишко неопределенного от изумрудных переливов цвета раскачивался на тоненькой былинке. В общем, не наблюдаемая из окна кабинета природа!

Арсен подогнул руку и тихонько повалился на бок. У самых глаз раскинула круглые, с зубчиками, листья пастушья манжетка. На Украине ее называют калачиком. В детстве они дожидались, когда зеленые колокольчики отцветут, и поедали безвкусные лепешечки. Чем только в те годы не набивали рты! И не от голода, упаси боже! От слитности с природой. Жевали цветы акации. Сосали головки

просыпали их бархатными лучами. Лопатки — из-под земли, сквозь рубашку — тоже жег чай-то мудрый и загадочный взгляд. Тягучий ветер отогнул ветку. В лицо обрушился ослепляющий веер зноя, пробился искрами под сомкнутые веки, слился в черный круг, окаймленный переменчивыми радужными полосами, круг разделился на два — по одному на каждый замуренный глаз — и поплыл-закачался парой медленных черных солнц. Тяжелый шепот отделился от земли...

Арсен внезапно осознал, что стоит перед широким приземистым дотом с незрячими бойницами и тонким налетом мха по бетонному козырьку. Уж как там оно получалось, но он ясно различал надписи внутри дота. На осклизлой стене виделось процарапанное острым: «Мы из Архангельска. 1966». Ниже, не под строчкой, а в толще бетона, словно утонув в нем, торпливым огрызком химического карандаша: «Осталось 3 патрона. Вася Цыбин». От дота с неодушевленной правильностью стелились во все стороны щупальцы взлетных дорожек, глубоко врезанные в тело земли, как нити капронового невода на обнаженном, со вздутыми мускулами человеческом торсе. По дорожкам, животами в руль, мчались на крылатых винтороллерах десятки Громовых — мимо вставшей на цыпочки древовидной конопли, мимо березок-тройняшек, мимо исхудалой женской руки, которая оползала по осклизлой стене, впиваясь в бетон побелевшими ногтями: неровные светлые крапинки на них почти пропали, лишь кое-где едва угадывались. «К счастью, — подумал Арсен. — Говорят, ногти цветут — к счастью...»

Блики черного солнца протиснулись под потолок, серыми полотнищами выстроили невесомые тени. Грустное и неподвижное, несло навстречу прозрачное Ольгино лицо. Тяжелые зеленые волосы слегка шевелились — как пугливые листья на ветру.

Арсен сделал шаг вперед, чтобы подхватить женщину. Он прекрасно осознавал, что Ольга давно умерла, что эта женщина, зябко кутающаяся в длинный, до земли, балахон, просто выдумка, удар взбесившегося воображения. Но она вполне реально потянулась к нему:

— Ты очень сильно просил меня. Вот я и пришла.

Он не взял ее временно оживленных рук, отшатнулся. Всеми чувствами, не поверившими зрению, он хорошо представлял себе, что именно за эти годы могло от нее остаться... Она укоризненно вздохнула:

— Ты всегда твердо знал, когда и что надо делать.

Арсен глянул на ее ноги. Прямо сквозь балахон. Как во сне. И увидел босые, зябко потирающие один другой корни. На одном из них снеговым пятнышком застрял белый клочок облака.

...В Никитском Ботаническом саду, среди араукарий и бородастого тисса Ольга тосковала по тихим северным полянам, где колючий для взгляда вереск выстилает подступы к березам и валунам. Она хваталась за простертые к ней руки агав — и наткалась на толстокожие, равнодушные, глянцево-жирные листья. Врачи прописали ей юг, а она карабкалась в горы, бросалась в щедрые травы альпийского луга — и не могла отыскать среди пышных труднопроизносимых рододендронов гремяще-неприметные, такие пушистые на слух горечавку, яснотку, кровохлебку, чьи названия сами просились на язык и, произнесенные, оставляли во рту вкус простой радости и детства...

Ольга мужественно переносила море и пальмы. И все же таяла на глазах — взвинченная и всепрощающая. Это было особенно больно в ней. И обезоруживало. Только однажды она не упрекнула, нет, — просто между прочим обронила:

— Зачем ты привез меня к этим фикусам? Здепнему лесу плевать на человека. Он за меня не заступится.

И высвободив ногу из больничного шлепанца, потеряла ее о другую движением неуловимо обыденным и в то же время самым-самым своим...

Арсен в обратном порядке повел глаза от босых корней к Ольгиному лицу, к зеленому с проседью волосам. И это лицо, живые нити волос показались ему знакомыми. Не той давней памятью, привычной к каждой Ольгиной черточке, а как-то еще, по-другому, что примешивалось и добавлялось к ее образу чем-то не увиденным после ее ухода, недосказанным, чуть ли не чужим. Понимая, до чего это глупо, не вкладывая в свои действия ничего мистического и тем не менее стараясь быть последовательным в своей галлюцинации, он перекрестил призраком раз, другой, третий, так по-сказочному доверчиво и сокрушительно, как заклиная нечистую силу. Ольга не стояла, не исчезла. Он судорожно положил еще два креста, за сухую жесткую руку рванул ее в дот, навалился на дверь, задвинул щеколду. И дот стал не совсем дот, а комната с окнами, к которым прикипели снаружи жалобные ветви-руки. Странные существа призрачного синего

Рис С. СПИРИХИНА.

бики черных и красных цифр освещали затраты и выгоды, при этом красные горделиво выпячивались, черные стыдливо тушевались из-за своей незначительности...

— Заманчиво...

— Еще бы! Визируй, — пропыхтел председатель. — Все уже одобрили.

Это значило, подпись референта последняя, договора заключены, поставки налажены, не сегодня-завтра можно форсировать строительство, и вообще визит Громова — лишь дань вежливой формальности.

Арсен на уловку не поддавался. Внимательно всмотрелся в проект, вопросительно постучал ногтем по двойным серым линиям бетонных меж. Экономическое обоснование преимуществ винтовой кавальерии выглядело на редкость изящно и убедительно. В свете предстоящих удобств не пугали и межи на посевных землях. Впрочем, другого ожидать не приходилось: бухгалтер у Громова мужик дотошный, считать умеет, зря на ветер средств не выбросит. Одна его фамилия Хапугин наводит страх на проектировщиков. Поэтому проект Громова был, что называется, чистенький, выгодный и перспективный. Не найдя особых выпадов против природы, Арсен размашисто подписался в верхнем правом углу...

молодецкого клевера — кашку. Скусывали прямо с вишневых стволов потеки солнечно-золотистого клея. Ели даже дудки молочая, если долго крутить их между ладонями и приговаривать:

Молочай, молочай!

На меня ты не серчай!

Горький вкус — корням!

Сладкий сок — друзьям!

Арсен пощекотал губы узким мохнато-бархатистым листком, растер его между пальцами, побил ими друг о дружку — склеятся или нет? И поднял глаза. Солнце с гребня на гребень скакало по волнам Оредежа, растекалось поперек течения, тонуло под мостом... Осина изнемогла от зноя или страха. Коза, не заинтересовавшись его личностью, отвернулась и обметала горизонт грязно-белым хвостом.

И на все это с казематной беспощадностью ляжет непробиваемая для жизни бетонная броня!

Загипнотизированный ожиданием чего-то нового, еще более непривычного, Арсен без сопротивления перекатился на спину, встретил немигающий, мраморно-слепой зрачок огромного неба. Осинья крона просивала солнце. Тени листьев, выпукло-объемные против света, сбегались и в паде-нии склеивали теплые золотые пятнышки, тут же

зеленого оттенка жадно стучались в стекла. И Арсен узнавал их: загубленные людьми деревья, что, минуя волю, подсознательно мучают нас беспричинной тоской... Они пытались спастись от загустевшего неба. От движущейся толчками по циферблату пшеничного поля заточенной под секундную стрелку авторучки: кончик пера натягивал врезающиеся в тело земли шершавые бетонные нити и выжимал из почвы зябкие неловкие корни. Разбрызгивая шлемами блики черного солнца, осыпая животами листья с трепещущих осин, по лучам взлетных дорожек к доту со всех сторон приближались Громы, Громы, Громы... Арсен плавню отодвинул щеколду — и глухая бетонная симметрия сломалась. Он долго-долго падал навзничь, пока не коснулся спиной живого ковра из пастушских манжеток и горечавки. Ритмичная лунная медлительность пронизала его насквозь, перетекла через лопатки в землю. Свисающая над щекой ромашка защеколота ресницы, ослепила нестерпимой желтизной...

Арсен открыл глаза, зажмурился от выпрыгнувшего из-под листа солнечного зайчика. Круг черного огня над головой успел вызолотиться и расплавить половину неба. Вторую его половину, опираясь на край косогора, неторопливо обметал грязно-белый козий хвост. Лес подобрался и притих. Все как-то изменилось — в характере, а не во времени. Потому что кадры воображения, спровоцированные лесом, привиделись Арсену мгновенно и непоследовательно, как тепловой удар — секундная стрелка на часах, нечаянно подсунутых к уху, не обежала циферблат и на четверть...

И все сразу стало на свои места. И не существовало больше общественника с тяпкой и ведром навоза, а был заботливый пионерский звеньевой Петя Дроботов, певец древовидной конопки и березки-трехстволки. Надобно заметить, Петя, ну, дышный ты, по нынешним меркам, полевод: что тебе экономика, ежели от этого страдает кротовый заповедник? Потому, видать, и истерика в письме: взросло-рассудительный и детски-агрессивный тон. Спасибо, брат, за науку. И не обижайся, что не доехал, из города я быстрее твоего председателя остановлю. В другой раз непременно встретимся. Извини.

А нам с тобой, Олег Михайлович, придется покумекать. И как это я сразу не разглядел? Ведь были уже на Земле такие «мечтатели» — распакать сушу, свести леса, построить плавучими домами и нивами океаны. Чтоб быстрее, сытнее, урожайнее... Будто главное для человека — дешевая жратва. Шалишь, председатель. Von юному поколению и березку подай. И почву оно глубже нас понимает. И красоту наверняка иначе чувствует, не приемлет простора в бетонную клетку... Пусть будут винтороллеры, летающие тракторы, подблочные комбайны, только без бетонных меж. Без непробиваемой для жизни брони. Придется, Олег Михайлович, поломать голову, ты сумеешь. И без дураков — не каждый день скуды терпят аварии. Хотя что ж, откажет или не откажет вовремя мотор, неважно: всегда найдутся осина, изумрудный жучок и обеспокоенные люди. Мы, сегодняшние, в ответе и перед старыми, и перед юными. За живность. За летучесть. За все, что на красоту настроено.

Как порою немного надо, чтобы это понять. Арсен достал письмо, аккуратно разорвал, пустил по ветру обрывки и вскочил так резко, что коза удивленно проблеяла:

— Мне-э-ээ?

— Останется и тебе-э-ээ! — озорно передразнил ее референт Ее Величества ПРИРОДЫ.

Он погладил теплый ствол осины. И решительно вышел на шоссе. Не принимающий солнечного жара глазурированный асфальт жался к лесу. К тому самому лесу, который мог за себя заступиться. Пахло хорошей хлорофильной краской и совсем немощно — речным песком.

Арсен подхватил босоножки, пристукнул каблучками по перилам моста и неторопливо зашлепал к Ленинграду.

Коза натянула веревку, вырвала колышек и затрусила следом.

ЧТО
ГОВОРЯТ

ДЛЯ
НИШУТ...

В феврале этого года в «Комсомольце Узбекистана» появилось короткое сообщение: «Алла Борисовна Пугачева послезавтра отправляется на концертные гастролы в Израиль. Вместе с ней в 20-дневное турне выезжает группа «Рецитал», Владимир Пресняков, Игорь Николаев и балетная труппа». Первая мысль была: ну, Алла Борисовна, ну дает! Надо же! В Израиль! Как же так? Ведь у нас с ними... Не замедлило появиться и письмо рассерженного читателя: «В то время как международная обстановка...! Мы докатились до того, что...! Есть ли предел...?» В общем, давно пора унять распоясавшуюся «звезду»!

«А между тем, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, — писал Сергей Баруздин в «Дружбе народов» (№ 3, 1988 г.), — по линии культурного обмена — в Израиле бывали Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Николай Сличенко с театром «Ромэн», ансамбль «Орэра»... «Думаю, знай автор гневного письма об этом, его позиция вряд ли была бы столь категоричной. Одномерность мышления и неинформированность обычно идут рядом. Хотя дело, может быть, всего-навсего в том, что метать критические стрелы в адрес Аллы Пугачевой стало своеобразной модой. Причем, волна недовольства поднимается, так сказать, «снизу». Все чаще в прессе появляются письма читателей, в которых они с раздражением требуют «дать по рукам», «наказать» и даже «выслать»... А можно и не утруждать себя эпистолярными упражнениями. Взять и вымазать краской автомашину певицы, поджечь ее почтовый ящик, проковырять дыру в потолке ее квартиры или сотворить мелкую пакость, как, например, в ленинградской гостинице «Прибалтийская». Дело-то было пустяшное, обычное в нашей повседневности дело. Приехал в Ленинград простой советский гражданин Джендаян. Снял в «Прибалтийской» номер. А тут «нежданно-негаданно» прибывает «некая» А. Пугачева и выясняется, что этот номер заказан для нее. Узнав о таком замечательном совпадении, т. Джендаян был несказанно рад проявить себя истинным джентльменом перед знаменитой певицей и переселиться в другие апартаменты. Но не тут-то было. «Номер продан, — заявила начальница службы размещения, — и кому где жить, решаю я».

Разгорелся всеосознанный «сыр-бор». Трещали перья, раздавались желчные тирады... Особенно усердствовала ленинградская пресса.

Прослышав о сей сенсации, владельцы зарубежных отелей, в которых Пугачева предпочитает останавливаться на гастролях, решили на всякий случай удвоить предупредительность и внимание к ней. Кто знает, из-за чего там у них в России скандал, но, если у советской «звезды» даже вдруг испортился характер, фирма все равно должна быть на высоте.

В конце концов по поводу заурядного гостиничного инцидента пришлось высказаться одному из наших крупнейших авторитетов в области искусства народному артисту СССР Михаилу Ульянову:

«...невозможная сложилась ситуация: с одной стороны, мы осуждаем стертость, пятакость, возмущаемся тем, что нет личностей актерских. А с другой стороны, как только появляется «звезда», что только не делаем, чтобы снивелировать ее... Много лет назад в одной московской газете была напечатана статья «Звезда на «Волге», где буквально ушат грязи был вылит на Марка Бернеса. Сколько нервов стоило ему опровергнуть специально инспирированные обвинения! Подобные же случаи имели место в отношении Геннадия Хазанова и Аллы Пугачевой».

В гневных письмах часто звучит и такой мотив: «Много ли толку от певцов? Не время петь сейчас. Шли бы лучше работать, пользы было бы больше». Единственной нашей эстрадной звезде междунационального класса через газету «Известия» даже как-то предложили мелку дворничихи. «Пусть помажет за 80 рублей, а потом посмотрим, что она запоет», — писала одна читательница. Слов нет, 80 рублей — зарплата унизительная. Но вот справка «Аргументов и фактов» (№ 50, 1987 г.): «В 1986 г. А. Пугачева дала 119 концертов, которые принесли государству чистую прибыль в 526 тыс. руб. При этом на 1 рубль зарплаты певицы получаемая прибыль — 65 руб. (По стране средняя прибыль на 1 рубль зарплаты составляла в 1987 г. 70 коп.)». Такая вот экономика.

В беседе за круглым столом газеты «Труд» Михаил Жванецкий по этому поводу высказался со свойственной ему остротой и иронией: «Алла Пугачева стоит целой обувной промышленности, продукцию которой никто не покупает, и неизвестно, когда они там перестроятся». К слову сказать, лимитная стоимость концерта Аллы Пугачевой столь велика (с учетом балета и светового шоу), что не каждая концертная организация может пригласить певицу со всеми сопровождающими ее лицами...

Ну а что говорит сама Алла Борисовна о сочетании меркантильных интересов и творчества на эстраде? В той же беседе за круглым столом она высказалась так: «Со всех сторон нас поучают, направляют, все готовы объяснить, каким должно быть наше искусство и мы сами. Система оплаты артистов наделена на нещадную эксплуатацию таланта. Больше концертов — больше денег... Да не нужен нам такой заработок! Представьте, что мы могли бы давать не пятьдесят концертов в квартал, а пять — цифры условные. Тогда было бы время думать, создавать что-то новое, интересное».

При нынешней организации концертной деятельности стоит ли удивляться, например, злощастной «Панаме». Именно после нее пошли разговоры о том, что Пугачева, дескать, выдохлась, иссякла и, если уж она докатилась до такого, то ждать от нее больше нечего.

Надо сказать, что Алла Борисовна не всегда удавалось реагировать на критику с достоинством. Два года назад в Лужниках разразился скандал. Выступал известный своими музыкальными пародиями ансамбль «Вим-Вом». Было, как всегда, смешно и едко. Дошла очередь и до Пугачевой. Один номер, другой. Вдруг в зале свист. Сначала с места. Затем уже у самой сцены. Ва! Да это же сама Алла Борисовна! Разгневанная, возмущенная. Шквал негодования прокатился за кулисы: «Это пошло! Это пошло!» А ей в ответ: «А «Панаме» — это не пошло?»

ЭСТРАДНОЕ ЛОТО

КОРОТКОЙ СТРОКОЙ

Душанбинский рок-клуб «Азия», созданный при содействии райкома комсомола и райисполкома, провел первый рок-парад. В зале молодежного театра имени М. Вахидова выступили три коллектива: «Черный коридор» (в стиле, близком к «арт-року»), «Форпост» (группа ориентируется на «хард-рок») и «Телесеть» (новая волна с уклоном в «панк-рок»).

Во Фрунзе прошли гастроли рок-группы «СВ» («Снова вместе»). В ее составе такие ветераны отечественного рока, как Вадим Глотов и Евгений Казанцев. Руководит группой один из «отцов» нашей рок-музыки Алексей Романов, известный по оставшемуся четыре года назад «Воскресенью». Наиболее известными его песнями тогда стали энергичные рок-боевики: «Все сначала», «По дороге разочарований» и особенно супер-хит «Кто виноват», посвященный Андрею Макаревичу. «СВ» играет ритм-энд-блюз — музыку негритянских кварталов Америки — так охарактеризовал музыкальное направление группы А. Романов.

Киностудия «Казахфильм» пригласила лидера ленинградской рок-группы «Кино» Виктора Цоя для съемок в картине с рабочим названием «Игла» (главный герой фильма — наркоман).

Ленинградская рок-группа «Секрет», занявшая третье место в хит-параде «Московского комсомольца» за прошлый год, сообщила о том, что в последнее время их заработка резко возросли и теперь доходят до 1,5 тыс. руб. в месяц. Раньше они не превышали 140—160 рублей. Теперь музыканты дают по три концерта ежедневно. Велики заработки, но значительны и расходы. Недавно ударник «Секрета» купил тарелку, которая обошлась в 1000 руб.

Английская супер-группа «Пинк Флойд» (мы писали о ней) дала в июне концерт в Будапеште. Билеты на выступление разошлись буквально в течение нескольких часов, хотя стоили на наши деньги около 30 руб.

Как известно, 29 мая состоялся совместный концерт советских и американских рок-музыкантов. Подобное мероприятие планируется провести и 17 сентября во время Марша мира СССР — США.

Идут переговоры о гастролях выдающегося английского рок-музыканта, клавишника Ричарда Вэйкмэна в СССР этой осенью.

МАЛАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

«ЛИВ» («живьем») — термин, появившийся в среде звукооператоров и принятый для обозначения музыки, записанной непосредственно с концерта. Отсюда и термин — «лив альбом», в отличие от «студийного альбома» — т. е. пластинки, записанной в студии.

«ЛАЙТ ШОУ» — «световое шоу» — комплекс визуальных свето- и цветоэффектов, сопровождающих выступления музыкантов.

«ЛОНГ ПЛЕЙ» — сокращенно Эл Пи — долгоиграющая пластинка.

МЕЛЛОТРОН — одна из разновидностей синтезатора, с помощью которого можно создавать звуки всех основных инструментов симфонического оркестра: рояль, клавикорды, скрипка, виолончель, кларнет, флюгергорн...

МУГ-СИНТЕЗАТОР — клавишный музыкальный инструмент, изобретенный в 1964 году доктором Мугом и названный так в его честь.

А. ПОПОВ.

А между тем уже пришло время «Ста друзей» и «Крысолова». Песен честных, прямых, без инсказаний и зашифрованных намеков. Парадокс! В одном концерте, у одной певицы звучат и глуповатая, как говорят, «низкопробная» «Панама» и резкий, социально конкретный боевик «Крысолов». Таких острых, плакатно-призывных песен, как «Крысолов», у Аллы Пугачевой немного. Но по силе своего массового воздействия они стоят десятков самых «левых» рок-опусов. Ведь кто поет! Алла Пугачева! Несколько месяцев назад «Крысолов» прозвучал в телепередаче «До и после полуночи». Перед ней был представлен фильм узбекских документалистов «Хроника остановленного времени». И я не знаю другой песни, которая могла бы стать более точным музыкальным комментарием к телеразказу о гурумсарайском сатрапе Адылове. В словах этой песни горячая, неприкрытая ненависть к жадным крысам из роскошных особняков. И если бы у нас составлялся список самых остросоциальных песен, то быть «Крысолову» в первой десятке.

Так, вместе с роскошной хламидой, уходит в прошлое занятая только своими личными проблемами Женщина, Которая Поет. Что в будущем? Думается, во всяком случае, не образ нынешней поп-дамы в мини. Ее друзья видят в этом не более чем одну из ступеней творческого роста певицы. Игорь Николаев говорит, например, так: «...Я ей просто завидую: прожить столько лет в качестве суперзвезды и не потерять желания поиска, не бояться рисковать! Ведь это риск — менять манеру, тем самым менять аудиторию. Есть риск потерять одну аудиторию и не приобрести другую».

Конечно, придет время погаснуть и звезде А. Пугачевой, в ее характере достанет гордости не унижаться до выступлений в третьеразрядных залах, где постаревшие поклонники горячим плеском редких аплодисментов всколыхнут пленительные воспоминания о былых успехах. Пока же армия ее почитателей растет. Папы и мамы, не изменяя своей преданности певице, передают эстафету любви к ней своим детям. «Зритель мой молодеет, — говорит Алла Борисовна, — а я старею... Если бы я получила возможность оставаться вечно молодой — то, конечно, пела бы всегда. Но выходить на сцену старушкой — никогда».

Самый большой срок творческого общения связывает Аллу Пугачеву с поэтом Ильей Резником. Шестнадцать лет назад она, тогда еще солистка оркестра Олега Лундстрема, сумела найти яркие, неожиданно образные краски для песни «Посидим, пооедем» на его слова. С этого началась их дружба. «Мне посчастливилось узнать ее, — говорит Илья Резник, — в радости и в горе, в поисках и разочарованиях, в победах и промахах. Эта женщина — настоящий, искренний друг. Когда у меня были серьезные проблемы с жильем, она распахнула двери своей квартиры, и мы всей семьей полгода жили под ее крышей (У Пугачевой трехкомнатная квартира — 67 кв. м., прим. ред.). Я познакомился с ней и как с отменной хозяйкой, искусным кулинаром. Я был свидетелем десятка случаев, когда, почувствовав, что человеку нужна ее помощь, она ехала к нему, делала все, что могла. Она добра и благородна».

ЭСТРАДНОЕ ЛОТО

ЮМОР «АРКАНА»

Владимир МЕДВЕДОВСКИЙ

Вредная профессия

Кое-кто думает, что у актера все будни праздники, а уж о праздниках и говорить нечего! Не знаю, как у других, а о себе скажу. Я вот в своей жизни мухи не обидел, а на сцене, сколько себя помню, ни одной положительной роли, только отрицательные! Типаж, говорят, подходит!

Помню, в одном спектакле петлюровского сотника играл. На другой день на трамвайной остановке подходит ко мне старичок. Как выяснилось, бывший красный боец тысяча восемьсот какого-то года рождения. Я глазом не успел моргнуть, как он толпу вокруг нас собрал и речь толкнул, что он, мол, меня еще с гражданской войны помнит. И предложил вот здесь, вот сейчас же без суда и следствия в расход пустить! Слава богу, тут трамвай очень вовремя подъехал, он заскочить в него не успел.

В другой раз пришлось главаря банды налетчиков играть. Помните, этот спектакль по телевидению показывали. Так за мной потом целое отделение милиции по пятам ходило. Три раза они в отношении меня бдительность проявляли, один раз до самого утра! Лицо мое им, видите ли, знакомо, только вспомнить не могут: злостный алиментщик или вор-рецидивист? Спасибо нашему режиссеру, приехал, выручил: вы, говорит, отпустите его под мою ответственность, он у нас сегодня злостным самогонщиком будет! Так что из следственного изолятора напрямиком в театр, а уж после домой. Хорошо хоть режиссер догадался с собой бутерброды прихватить и с вечера жене позвонить, в командировку, сказал, меня отправил. Ну, вам не надо объяснять, что думает жена, когда муж на ночь глядя срочно в командировку отбывает. Вот-вот, моя жена о том же подумала! Да мне за вредность молоко ежедневно давать обязаны и три дня дополнительно

Клуб сатиры и юмора «Аркан» существует уже несколько месяцев. В него входят люди самых различных профессий: журналисты и студенты, инженеры и преподаватели — словом, все, кто обладает обостренным чувством сатиры и юмора и пытается передать его окружающим. Цель членов клуба — не только вызвать улыбки у читателей (при современном уровне литературы это не так уж и трудно), но и заставить задуматься над самыми различными проблемами нашего общества, а может, и помочь кому-то выработать активную жизненную позицию. Произведения «аркановских» юмористов уже знакомы читателям нашей республики по публикациям в печати. «Молодая смена» рассчитывает, что эта первая подборка «аркановцев» окажется на страницах журнала не последней.

к отпуску, я уж не говорю о повышении зарплаты!

У нас в театре, как и везде, ускорение и перестройка. Так что, говорят, сокращения пойдут. Но, как говорится, нет худа без добра. Героев, которые положительные, хоть пруд пруди, а таких, как я, днем с огнем не сыщешь. Так что без работы не останусь. Семью бы сохранить! И... хочется, ох, как хочется хоть раз в жизни и хорошего человека сыграть!

Олег КЕРВЕЛЬ

Несун

За десять минут до начала рабочего дня начальник второго цеха опытно-экспериментального завода Половинкин подошел к Доске объявлений, достал из своего портфеля аккурратно отрезанный лист ватмана и не спеша прикинул его к разноцветным рейкам. Затем, отойдя немного, еще раз внимательно прочитал:

«Объявление

Сегодня в красном уголке цеха состоится собрание, которое осудит недостойное поведение несуну Грушкина И. И. Не явившиеся получат вне очереди билеты в филармонию».

К началу собрания красный уголок был переполнен, как футбольный стадион во время автолотеи. В президиуме, кроме Половинкина, восседали председатель цехкома Бубликов и кладовщица Базыкина. Невдалеке от них, на табуретке штрафника, одиноко сидел слесарь Грушкин и нервно тискал носовой платок. Первым поднялся Бубликов:

— Если нет возражений, откроем наше собрание. Для начала необходимо избрать президиум. Слово для зачитания предложения по составу президиума имеет товарищ Ребров.

Из первого ряда поднялся мужчина неинтеллигентного вида, но в очках и шляпе, достал записку и начал читать:

— Я предлагаю единогласно избрать наш

многоуважаемый президиум, который уже сидит в президиуме, а также почетный президиум в составе администрации, парткома и завкома завода во главе с директором.

— Принимается единогласно, — Бубликов даже не посмотрел на сидящих в зале.

— Переходим к осуждению недостойного поведения несуну, — он грозно посмотрел на Грушкина. — Трибуна для доклада предоставляется начальнику цеха.

Половинкин не спеша подошел к перевернутому пожарному ящику.

— Друзья по цеху! Весь наш коллектив возмущен и негодует. Слесарь Грушкин работает у нас всего три месяца, а уже успел натворить такое, что у меня нет слов, поэтому перейду к фактам. Два месяца назад он пронес через проходную завода набор сверел и гаечных ключей. Затем слесарные тиски, патрон для электродрели, двигатель к заточному агрегату. А вчера он пытался пронести зубодробильный станок с числовым программным управлением, но был задержан охранником дядей Колей. Своими поступками Грушкин опозорил наш коллектив, и я предлагаю перевести его мастером в другой цех.

— Есть предложение, — Бубликов внимательно осмотрел зал. — Вопросы докладчику задавать в письменном виде, в виде письма с уведомлением. Кто еще хочет выступить? Давай, Ребров.

Ребров достал записку.

— Товарищи, а также Грушкин! Все мы клеймим позором оппозиционера, который противопоставил себя всем остальным. Да, в цехе не хватает инструмента, но ведь все прекрасно знают, что Быков недавно получил новую квартиру, Петрушину дачный участок выделили, Фукина выбрали председателем родительского комитета, у других тоже проблем хватает. Но разве Грушкин думает о своих товарищах по работе? Нет. Он один плывет против течения нашего времени. И как у него хватает наглости, даже не скрывая своего поведения, носить через проходную инструмент не как все нормальные люди, а из собственного дома — на завод?!!

Грушкин опустил голову.

Рис. Ю. Галимова.

Как написать рассказ

Для начала необходимо выбрать сюжет. Находят его обычно в комнате отдыха, столовском супе, пещере древнего человека, интересной книге, милицейском участке, наконец, в своей кровати.

Ну что ж, будем считать, что вы его нашли. А он — вас. Теперь самое важное — передать ощущения и переживания главных героев. Допустим, вы пишете о войне четырнадцатого года, газовой атаке или о первом дне после конца света. Для этого вполне достаточно выбрать перекресток с интенсивным движением транспорта. После получасового стояния под светофором вы узнаете не из книг, а почувствуете всеми фибрами, что такое выхлопная атака, через час — чем пахнет конец света, а через два часа вам нужно быть как можно дальше от этого места и как можно ближе к какой-нибудь аптеке.

Чтобы испытать ощущения самоубийцы, вовсе не обязательно глотать цианистый калий. Попробуйте поразмышлять о горных сферах, переходя скоростное шоссе. Когда почти пятитонный полуприцеп, груженный железобетонными плитами, замрет перед вами в одной сотой миллиметра, — вы переживете незабываемые мгновения. За пять секунд вы успеете вспомнить детство, молодые годы, Таню, Тоню и Зинаиду. Вспомнить родственников вам поможет водитель панелевоза.

Нужно помнить, что рассказ о неразделенной любви звучит неубедительно в устах женатого человека. А если вы не курите, не умеете забивать козла, играть в шашки и подкидного дурака, то не советую описывать жизнь строителей и научно-технических работников. Не удастся!

Колоритные монологи и диалоги очень украшают рассказ, если они отличаются искренностью, динамичностью, народностью. Чтобы овладеть этим искусством, попробуйте купить без очереди банку бразильского кофе. Две — если рассказ с плохим концом.

Еще одна важная деталь: не увлекайтесь, когда описываете обед средней советской семьи.

Теперь надо подумать, как закончить рассказ. Многоточием — если нечего больше сказать. Точкой — когда есть, но боишься. Повтором первой строки или абзаца, если они длинные. В любом случае конец должен быть проникновенным и, что еще важнее, законченным. Примерно таким, как вы только что прочитали.

Владимир ПЛЕТИНСКИЙ

С телетяплянкой ленты

УСПЕШНАЯ ОПЕРАЦИЯ. Наголову разгромили противника на маневрах войска под командованием полковника И. Чудодейкина. По предложению бывалого старшины А. Укропенко «синие» подбросили «зеленым» сапоги производства Кошкентской обувной фабрики. Диверсия прошла успешно.

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КНИГА. Занимаясь всю жизнь волокитой, бюрократ А. А. Канцелярский написал научно-популярную книгу «Занимательная волокита».

ТРУДОВОЙ РАПОРТ. Вновь ударно, как и в будние дни, потрудился в день субботника на своем рабочем месте передовик производства товарищ Сизифов!

СОВЕТ МОЛОДОМУ НОВАТОРУ. Твори, выдумывай, пробуй... внедри!

С КРУПНЫМ СЧЕТОМ. В Дурхижинском железнодорожном ресторане официант Э. Симбиозов одержал победу с крупным счетом над клиентом А. Монохромовым.

КОНКУРС ЗНАТОКОВ

В третьем номере нашего журнала был объявлен I тур «Конкурса знатоков». Читатели живо откликнулись, и мы получили много писем. Сегодня мы публикуем вопросы II тура. Последний срок отправки ответов — 10 октября.

Вопросы II тура:

1. В чем преимущество Юлианского календаря перед Грегорианским? Когда в нашей стране был введен Грегорианский календарь?
2. Самая маленькая птичка на земле размером со шмеля. Как она называется?
3. По проекту какого архитектора был построен мавзолей В. И. Ленина? Этот же архитектор сделал проект одного из зданий в Ташкенте. Что это за здание?
4. Известно, что в 1987 году в Хьюстонском университете США группа исследователей под руководством Поля Чу сделала открытие по сверхпроводимости, имеющее всемирное значение. В чем практическое значение этого открытия?
5. О люди, пусть же красотой ваш обольщаться взгляд не будет,
И пусть тщеславной суетой никто из вас объят не будет.
Кому из поэтов принадлежат эти строки?
6. За последние 25—30 лет количество воды в Аральском море резко сократилось. Знаете ли вы причины этого сокращения? Что может случиться, если Арал высохнет?
7. Знаете ли вы, что когда-то в России был «картофельный бунт»? Что это за бунт?
8. Где и когда проходил первый съезд комсомола Узбекистана?
9. Знаете ли вы значение слова «кенгуру»?
10. Какие памятники старины входят в число «семи чудес света»?
11. Вы, конечно, слышали об ученых, которые когда-то подвергали свою жизнь опасности ради спасения жизней других людей. В прошлом году в печати было сообщение об одном из советских ученых, проявившем подобный героизм. Что это за ученый и какую болезнь он испытывал на себе?
12. Кто в мире изготовил первые металлические коньки? А знаете ли вы, почему мы говорим «коньки»?
13. Отчего ящерица, убегая, оставляет свой хвост?
14. С какого времени начали проводить зимние Олимпиады?
15. Какая наука изучает Солнечную систему, звезды и их системы, туманности и тому подобное и процессы их развития?
16. Кто является создателем печатной книги, что вы о нем знаете?

Составил Х. НУРМУХАМЕДОВ.

...В начале 80-х годов английские ученые на станции Халли-Бей в Антарктиде заметили уменьшение концентрации озона над континентом. Озоновый щит, поглощающий жесткое ультрафиолетовое излучение Солнца, губительное для всего живого, стал утончаться в весенние месяцы. То обстоятельство, что к концу весны озоновая дыра затягивалась, не слишком успокаивало исследователей. Если в 1980 году содержание озона в атмосфере над станцией уменьшилось на 20% по сравнению с нормой, то в 1983 году — на 30%, в 1984 году — на 35%, в 1985 году — на 40%...

Озоновая дыра, словно раковая опухоль, увеличивается в размерах. В 1987 году она занимала площадь 8 млн. кв. км (причем количество озона в этой области сократилось почти наполовину) и местами вышла за пределы Антарктиды. Что же будет дальше? Сохранится ли угрожающая тенденция?

Известно, что озоновый слой губят аэрозоли

(мельчайшие твердые частицы и капельки жидкости), которых немало попадает в атмосферу в результате хозяйственной деятельности человека. Неужели машинная цивилизация уже переступила роковую черту необратимых изменений в природе!

Оптимисты считают, что тревогу бить рано, что озоновая дыра возникает в определенные периоды солнечного цикла и не регистрировалась раньше только потому, что никто не придавал подобным замерам значения.

Так или иначе внимание ученых и мировой общественности привлечено к проблеме озонового слоя. Если не сегодня, так завтра встанет вопрос о непосредственных мерах, направленных на его сохранение и восстановление. Но прежде всего необходимо всестороннее изучение столь важного для здоровья людей компонента воздушного покрова планеты. Об опыте международного сотрудничества в этой области — рассказ Николая Хлебодарова.

экватором наполовину меньшее ослабление озонового слоя, там трудно было бы выжить. Жесткое ультрафиолетовое излучение сделало бы свое дело...

— Каков же механизм возникновения озоновой дыры? — спрашиваю я Розена. — И почему она появилась в Антарктиде, над самым чистым континентом, вдали от промышленных центров и напряженных авиатрасс?

— В этом вопросе ясности нет, — отвечает ученый. — Устоявшемуся воздушному течению ничего не стоит перенести аэрозольные облака на многие тысячи километров. Проявить себя они могут в самом неожиданном месте.

Кроме того, не следует забывать, что Антарктида — континент особый. Зимой (полярной ночью) здесь очень низкая температура. Фреон, содержащийся в стратосфере, вымораживается. Весной же, когда кристаллики начинают таять, за счет особых поверхностных эффектов каталитическая активность фреона возрастает в тысячи раз. За 2-3 месяца, пока завершится переход в новое агрегатное состояние, они, возможно, и обеспечивают наблюдаемое явление озоновой дыры.

Но, может быть, возникновение озоновой дыры обусловлено естественными природными процессами. В этом случае подобные аномалии над Антарктидой должны были возникать и раньше. Их просто не замечали, не проводили соответствующих замеров.

Например, лютыми полярными ночами озон может опускаться в нижние слои атмосферы, а весной ветры разносят его в разные части света.

Каков действительный механизм появления столь встревожившего мировую общественность феномена, уверен, помогут узнать начавшиеся советско-американские эксперименты. Пока мы только испытываем новую аппаратуру, а в недалеком будущем начнем работу в Антарктиде. Исследования охватят практически весь континент...

Пока мы беседовали с Розеном, шары подготовили к старту. Пять, четыре, три, два, один... Пуск! Змейка шаров с шуршанием ушла в небеса. Через какое-то время, поднявшись на предельную высоту, шары раздулись до 10-15 м и лопнули. Привязанная к ним аппаратура начала спускаться на парашюте. Вот парашют уже засекил на поисковом вертолете. Ученым повезло: нет ветра, который мог унести аппаратуру за многие сотни километров...

...Спускаемый контейнер мягко приземлился и тотчас попал в руки исследователей.

Оказывается, поднялся он на 30 км — за верхнюю границу аэрозольного слоя. Сравнили так называемый профиль концентрации аэрозоля с аналогичными данными, полученными в Курской области 12 лет назад. Толщина слоя значительно увеличилась. Значит, и концентрация аэрозоля существенно возросла. Любопытно, что и озоновый слой, который раньше располагался на высоте 20 км, сегодня «спустился» до уровня 18 км. Как пояснили метеорологи, так часто бывает, когда «внизу» плохая погода. Ученые действительно почти две недели не могли работать, потому что была низкая облачность. Выходит, озоновый слой плотно упакован в аэрозоле...

Этот результат предстояло проверить лидарным зондированием стратосферы. Лидарная станция — гибридный лазер и ЭВМ, ведущий оперативную обработку результатов.

Мощный импульс монохроматического света посылается в стратосферу. Встречая на своем пути аэрозоль, он частично рассеивается, частично возвращается назад. Специальный локатор сравнивает отраженный сигнал с первоначальным. По рассеянной энергии можно определить не только размер аэрозольных частиц, но и их свойства.

На полигоне работает большая группа советских ученых. Ее возглавляет заместитель директора по науке Центральной аэрологической обсерватории Госгидромета СССР Вячеслав Усеинович Хаттатов. Прошу его прокомментировать результаты зондирования.

— Наши данные практически совпадают с полученными на приборе Розена. Хорошая проверка на сопоставимость двух методов!

Первые выполнены комплексный эксперимент — аэрозольные измерения дополнены радиационными, оптическими и озоновыми, что существенно расширяет наши представления о природе аэрозолей и их влиянии на климат планеты.

Одновременно мы провели испытания озонозондов США, которые будут использоваться в Антарктиде на станции Мирный в составе советской системы зондирования.

Мне остается добавить, что эксперименты по изучению озонового слоя планеты необходимо продолжать, и не только в Антарктиде, где уже обнаружена дыра (явление дыры обнаружено также в Арктике). Дыры необходимо своевременно выявлять, чтобы разобраться, как быстро и качественно их «штопать».

Н. ХЛЕБОДАРОВ.

ОЗОННАЯ ДЫРА: ИЗМЕРИТЬ ИЛИ ЗАШТОПАТЬ?

Итак, вот уже несколько лет специалисты-метеорологи индустриальных стран собираются в рамках Координационного комитета по озоновому слою. Выводы об угрозе истощения этого слоя были включены в протокол специальной Международной конференции, который подписали уже более 30 государств, в том числе и СССР.

В прошлом году ученые Советского Союза и США провели совместный эксперимент АЭРОЭКС-87, положивший начало серии глобальных исследований влияния аэрозолей на озоновый слой планеты.

...Еще не светало, а мы уже были на полигоне, расположенном на песчаной косе в долине реки Сейм, в Курской области. Шары диаметром в два метра наполнялись водородом и гирляндой выстраивались вдоль косы, удерживаемые тяжелыми грузами. В утреннем тумане шары напоминали мини-аэролаты, поблескивающие перламутровыми обочками. Но вот вдоль реки потянуло свежим ветерком. Вскоре первые лучи солнца коснулись аппаратов. Шары, нагреваясь, начали раздуваться. Пора их было запускать, но ученые все колдовали с приборами.

Цель запуска — получить «вертикальный профиль концентрации аэрозолей» с помощью американского прибора — пылевого зонда, представляющего собой гибридный трех «микро-» — гелий-неоновый лазер, насоса и бортовой ЭВМ. Там же размещен и фотоумножитель, который фиксирует прохождение частиц аэрозоля, втянутых в камеру, которую просвечивает лазерный луч. Изобрел прибор присутствующий при эксперименте профессор Вайомингского университета (США) Джеймс Мартин Розен.

Он объехал со своим детищем почти весь мир, побывал в Антарктиде, в разных точках планеты, измеряя концентрацию пылевых и прочих частиц в стратосфере до высоты 35-40 км.

Прибор не нов. Он создавался для изучения так называемых естественных взвесей, выбрасываемых в атмосферу при мощных извержениях вулканов.

Исследования показали, что аэрозоли распределены в атмосфере неравномерно. Самая большая концентрация в стратосфере, на высоте более 20 км. Был выделен стратосферный слой Юнга, состоявший из твердых и жидких частиц размерами в доли микрон, — в основном продуктов извержения вулканов. После мощных извержений вулканов масса этих аэрозолей в атмосфере резко возрастает, достигая десятков и сотен миллионов тонн. Одним из первых (в начале 60-х годов) эти аэрозоли стал изучать профессор Розен.

— Еще во время учебы в университете я усовершенствовал прибор для измерения пыли, — поясняет Розен. — Пришла мне в голову мысль: почему бы

не запустить его в стратосферу? Любая наука начинается с новых методов исследования...

Пока что замеры делаем с помощью шаров-зондов, но запускать их становится все труднее. Думаю, что авиаторы скоро так плотно заполнят пятый океан, что не дадут нам «играть с шарами». Волевым образом придется переходить на так называемое лидарное (с помощью стационарных наземных лазеров, см. ниже) зондирование, которое все шире применяется в мире. Уже создается международная сеть. Лично я спешу «наиграться с шарами», чтобы успеть состыковать свои данные с лидарными.

В настоящее время хозяйственная деятельность человека приобрела такой масштаб, что уже сказывается на климате. Количество искусственных (антропогенного происхождения) аэрозолей уже вполне сопоставимо с природными. А ущерб, нанесенный ими природе, еще в полной мере не оценен.

Поводом для первых серьезных исследований послужил ввод в эксплуатацию в 70-х годах новых пассажирских лайнеров («Конкордов», «Боингов», ТУ-144) с высокими потолками полетов. Нужно было узнать, могут ли выхлопные газы реактивных двигателей изменить состав атмосферы. Дело в том, что основным компонентом выхлопных газов двигателей являются окислы азота (в стратосфере они становятся аэрозольными частицами), которые являются катализаторами в реакции, приводящих к разрушению озонового слоя. Количество этих окислов в процессе реакций не уменьшается. Идет накопление губительных для озона катализаторов.

Однозначных выводов тогда не сделали, научных рекомендаций не дали. Лайнеры начали летать, а проблема постепенно забылась... И вот другая проблема — фреоны. Они используются в холодильных установках, аэрозольных упаковках и т. д. Попадая в стратосферу, эти инертные хлорсодержащие газы разрушаются под действием жесткого излучения и выделяют хлор, который не хуже окислов азота провоцирует уничтожение озонового слоя. Ежегодно производится около миллионов тонн фреонов. Через несколько лет он практически весь попадает в стратосферу.

Агентству по охране окружающей среды США удалось добиться в 1974 году сокращения производства фреонов. Но через два года объем их производства даже превысил первоначальный уровень. Причины в том, что не нашли безвредных заменителей, а главное — ученые не сумели доказать, что время решительных мер наступило...

— Запоздалое открытие озоновой дыры — удар по престижу ученых, — говорит Розен. — Это надо же — зафиксировать падение концентрации озона до 40% и только тогда забить тревогу! Случись надо

КРАСОТА И ЗДОРОВЬЕ

Гимнастика — каждый день

Физкультура является лучшей формой активного отдыха. Каждый может и должен ежедневно выполнять какой-то минимум посильных и доступных ему физических упражнений. В этот минимум входят: 15—20-минутная утренняя гимнастика; ходьба пешком на работу и домой — по 30 минут туда и обратно; пешеходная прогулка на свежем воздухе в течение 30—40 минут перед сном. Особенно большое значение имеет утренняя гимнастика. Вставая утром, мы должны начинать свой рабочий день с выполнения комплекса утренней гимнастики. Она является первым элементом в распорядке дня каждого человека и имеет огромное значение для здоровья, заряжая человека энергией, необходимой ему для трудовой деятельности.

Полезно будет дать краткую характеристику комплекса упражнений.

Упражнение 1 — поднятие рук вверх и разведение их в стороны — укрепляет мышцы рук и плечевого пояса, развивает грудную клетку, нормализует дыхание.

Упражнение 2 — поворот туловища в сторону — также в известной степени способствует укреплению мышц рук, кроме того, в выполнение этого упражнения включаются мышцы живота.

Упражнение 3 — приседание — дает возможность включать в работу мышцы ног, способствует увеличению подвижности суставов и придает большую устойчивость всему телу.

Упражнение 4 — наклон туловища вперед — позволяет тренировать мышцы ног, спины, живота и рук, укрепляет систему органов кровообращения и дыхания.

Упражнение 5 — сгибание рук в упоре — требует значительных мышечных усилий, которые увеличиваются с понижением точки упора.

Упражнение 6 — отведение ног в сторону — тренирует мышечные группы ног и туловища.

Упражнение 7 — наклоны туловища в стороны — включает в работу разнообразные мышцы. Здесь участвует мускулатура рук, ног, живота, спины и шеи.

Упражнение 8 — прыжки — стимулирует работу органов дыхания и кровообращения, тренирует мышцы ног.

Каждое из этих упражнений повторяется 4—8 раз. Виды движений можно разнообразить. Важно помнить, что комплекс должен состоять из движений, заставляющих постепенно и последовательно включаться все группы мышечной системы.

Общая продолжительность упражнений утренней гимнастики 10—15 минут, а для начинающих — 6—7 минут.

При выполнении утренней физической зарядки следует руководствоваться некоторыми общими для всех правилами:

занятия должны проводиться регулярно, систематически. Случайные уроки не дают эффекта и мало полезны; при выполнении упражнений требуется соблюдать определенную последовательность. Организм после ночного сна еще находится в состоянии покоя. Мышцы расслаблены, дыхание поверхностное. Для того, чтобы привести организм в деятельное, бодрое состоя-

ние, надо начинать с более легких упражнений, постепенно переходя к более трудным и сложным: при этом условии последовательно включаются в работу все органы и повышается тонус всего организма;

увеличение количества упражнений, увеличение нагрузки изо дня в день должно проводиться постепенно, чтобы не вызвать каких-либо неблагоприятных изменений в состоянии здоровья;

занятия физкультурой надо проводить всегда в определенное время. Это приводит к тому, что организм соответствующим образом «настраивается» и занятия дают наиболее высокий эффект;

помещение должно быть хорошо проветрено. Лучше, если позволяют условия, делать гимнастику на открытом воздухе.

Чтобы создать наибольшую устойчивость и невосприимчивость организма к заболеваниям, надо физические упражнения дополнять и подкреплять живительным и благотворным действием мощных природных факторов: воздуха, воды и солнца. Закаленному организму не страшны простудные заболевания, не приносят вреда резкие изменения климата, неблагоприятные природные факторы.

Водные процедуры

Водные процедуры закаляют тело, укрепляют нервную систему, повышают трудоспособность, предохраняют от ряда заболеваний, но требуют определенного режима и соблюдения ряда обязательных условий.

Тем, кто впервые приступает к закалке при помощи водных процедур, лучше всего начать это дело летом, и притом не с обливаний, а с предварительных растираний тела сухим махровым полотенцем. Это приучит кожу к раздражению и воздействию воздуха.

Порядок обтираний следующий: руки, шея, грудь, живот, спина, ноги. Такой порядок обтираний помогает венозной крови передвигаться к сердцу, тем самым облегчая его работу.

Спустя одну-две недели переходят к обтиранию водой с температурой 32—30°. Продолжительность процедуры — 4—5 минут.

В конце каждого обтирания в теле должна ощущаться приятная теплота, если же этого нет и во время обтирания появляется озноб, значит температура воды снижена преждевременно. В таких случаях лучше пользоваться более теплой водой.

Через месяц-другой, когда организм достаточно привыкает к водным процедурам, можно переходить к ежедневному утреннему душу или обливанию. Начинать следует с температуры воды в 32—30°, понемногу снижая ее до 22—20°. Продолжительность душа или обливания 1—2 минуты, не больше.

Теплые души и ванны (36—38°) лучше принимать вечером, перед сном (это делается по назначению врача).

Купание в реке, озере или море относится к числу наиболее полезных для здоровья процедур, но также требует соблюдения определенных правил. Купальный сезон начинают при темпе-

ратуре воды не ниже 21—22° и воздуха — не ниже 20°.

Первые купания должны быть кратковременными (2—3 минуты) и не более раза в день. Постепенно можно переходить к двукратным ежедневным купаниям, понемногу удлиняя их время до 10—12 минут.

Нельзя входить в воду сразу после того, как снята одежда; надо дать успокоиться пульсу и дыханию и немного остыть.

Натошак могут купаться только здоровые люди, да и то при том условии, если купание непродолжительное. Вообще купаться следует не раньше чем через полтора-два часа после утреннего завтрака. Длительное пребывание в холодной воде не разрешается. Купание же до ощущения озноба противопоказано всем без исключения.

После купания в море желательно обмыть лицо пресной водой, чтобы соли не оказали на кожу раздражающего действия.

По совету врача можно пользоваться хвойными ваннами, вполне доступными и в домашних условиях. Принимать ванну лучше через час после еды (натошак или непосредственно после еды принимать ванну не следует). Температура воды должна быть 36—38°. В воду добавляют 20 г хвойного экстракта, 50 г хвои в порошке или в таблетках. После хвойной ванны следует пользоваться мягким полотенцем, не раздражающим кожу; растирать тело не рекомендуется. Приняв ванну, полезно завернуться в простыню, укрыться одеялом и отдохнуть в течение 20—30 минут.

Продолжительность ванны — 10—15 минут. Курс лечения — 10—12 ванн (через день).

Для хвойных ванн имеется в продаже хвойный экстракт, хвойный концентрат в виде порошка или в форме прессованных таблеток. Концентрат представляет собой смесь поваренной соли, кальцинированной соды и душистых веществ с запахом хвои.

Хвойный экстракт и таблетки для хвойных ванн можно заменить натуральной хвоей. Для этого иглы пихты или сосны рубят, промывают в холодной воде, а затем заваривают кипятком. Процеженный настой выливают в ванну. Вода в ванне после прибавления настоя должна стать светлого желтовато-зеленоватого цвета. Заранее приготовленный настой хвои можно хранить не более суток.

Для солевых ванн в воде растворяют 2—3 кг морской или поваренной соли.

Для профилактики и лечения многих заболеваний в домашних условиях можно применять ионизаторы. В настоящее время в продаже имеются ионизаторы двух типов: гидроионизатор Микулина и аэроионизатор типа АИР-2.

Оба ионизатора генерируют легкие отрицательные ионы, вдыхание которых оказывает благоприятное действие на организм человека. Количество отрицательных ионов, создаваемых ионизаторами, велико и колеблется от 1 до 5 млн. в каждом кубическом сантиметре воздуха на расстоянии 10—15 см от ионизатора. Ионизаторы портативны и начинают действовать сразу же, как только включены в сеть напряжением 127 или 220 в. Ионизаторы дают иногда хороший эффект при лечении таких заболеваний, как бронхиальная астма, острые и хронические катары верхних и нижних дыхательных путей, гипертония, а также при лечении ран и ожогов. Следует помнить, что применение ионизатора и его дозировка определяются врачом.

С древнейших времен полезной водной процедурой считается горячая баня. Способствуя интенсивной работе потовых желез, очищая поры кожи, баня улучшает обмен веществ, снимает усталость, освежает и закаливает организм. Поэтому, даже имея в квартире ванную комнату, полезно время от времени бывать и в бане.

ПОБЕДИТЕЛИ ОПРЕДЕЛЕНЫ

П одведены итоги «Заочной олимпиады юных математиков». Члены жюри рассмотрели свыше 700 писем с ответами на вопросы олимпиады и определили победителей. Ими признаны те из участников, кто нашел правильные ответы на вопросы и задания всех шести туров.

Семи учащимся, добившимся лучших результатов, вручены рекомендации для поступления в высшие учебные заведения. Пятеро поклонников «царицы наук» получили право участвовать вне конкурса в республиканской олимпиаде 1989 года. Многим учащимся будут вручены также дипломы журнала «Молодая смена» и памятные подарки.

Знакомьтесь, представляем победителей! Получили рекомендации для поступления в высшие учебные заведения:

1. Бахрам Хикматов, Хорезмская область, Багатский район, ученик 10-го класса школы № 3.
2. Фархад Магкулов, Наманганская область.
3. Дильрабо Мустафаева, Кашкадарьинская область, город Чиракчи, 10-й класс школы № 1.
4. Сабир Садыков, Хорезмская область, Багатский район, 10-й класс школы № 30.
5. Музаффар Рахманов, Наманганская область, город Учкурган.
6. Анастасия Ивлева, город Янгибад.
7. О. Романов, ККАССР, Элликалинский район, ученик 10-го класса школы имени Орджоникидзе.

Получили право участвовать вне конкурса в республиканской олимпиаде:

1. Шарафат Яхшимуродова, ККАССР, ученица 9-го класса школы № 4 Элликалинского района.
2. Рахмат Хайруллаев, ученик 9-го класса школы № 4 города Нукуса.
3. Гюзаль Юлдашева, Хорезмская область, Хазараспский район, ученица 9-го класса школы № 39.
4. Сафаргуль Саваева, Наманганская об-

- ласть, город Учкурган, 9-й класс школы № 1.
5. Рахмат Рахманов, Хорезмская область, Багатский район, 8-й класс школы № 3.
6. Хулкар Муллабаева, Ташкент, школа № 59.

Дипломы журнала «Еш куч» — «Молодая смена» получили:

1. Нурали Торбаев, Хорезмская область, совхоз «Откормочный» Ургенчского района.
2. Максуд Эгамов, ККАССР, Элликалинский район, ученик 10-го класса школы имени Ломоносова.
3. Гулям Нормурадов, Сурхандарьинская область, Джаркурганский район, 10-й класс школы № 18.
4. Шухрат Ташпулатов, город Ильичевск Андижанской области, 10-й класс школы № 2.
5. Умар Артыков, Самаркандская область, Нарпайский район, 10-й класс школы № 7.
6. Гульбахор Абдурахимова, Ферганская область.
7. Адыл Кадыров, Наманганская область, Учкурганский район, 9-й класс школы № 3.
8. Саид Калкулов, город Нукус, поселок Географический, 6-й класс школы имени Горького.
9. Елена Козлова, Ташкентская область, город Ангрен.
10. Гульнара Утанова, город Фергана, 9-й класс школы-интерната № 82.
11. Зилола Холова, Ташкентская область, город Паркент, 9-й класс школы № 7.
12. М. Ахмедова, Ташкентская область, Паркентский район, СПТУ совхоза «Прогресс».
13. Муяссар Мирзакаримова, Ферганская область, Алтыарыкский район, 10-й класс школы № 35.
14. К. Мурадов, Ташкент, учащийся 10-го класса ФМШ.
15. Мусурманов, Ташкент, учащийся 10-го класса ФМШ.

16. М. Хашимов, Ташкент, учащийся 8-го класса ФМШ.

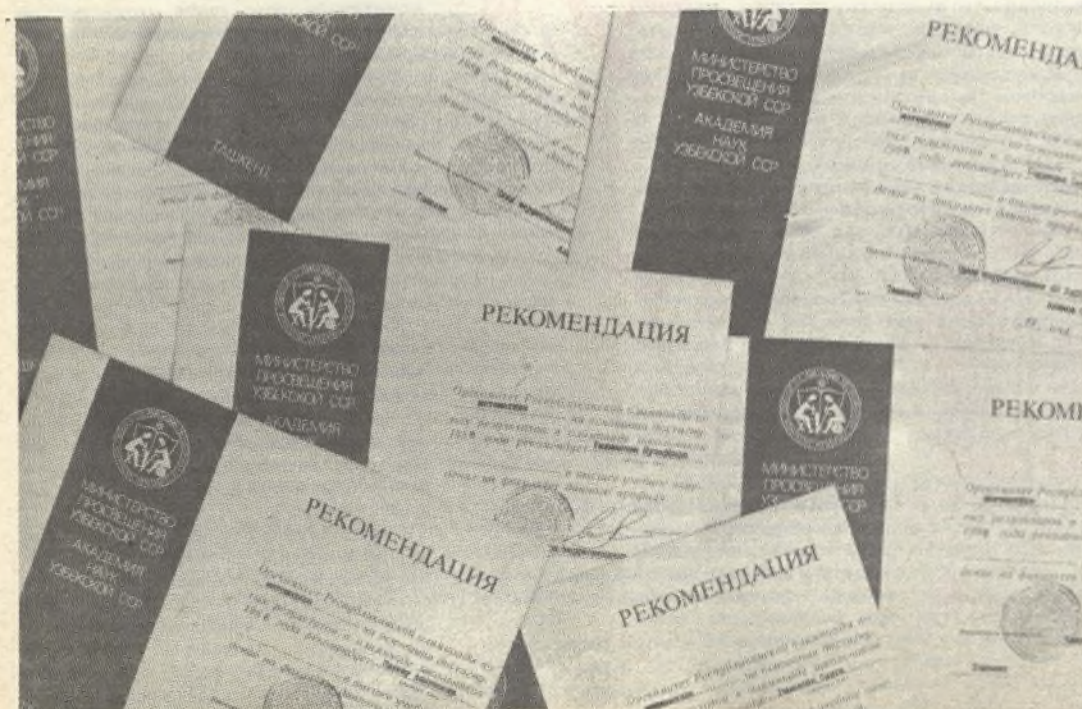
17. Э. Ташметова, Ташкентская область, Пскентский район, колхоз имени Ахунбабаева.
18. М. Атаханов, Андижанская область, Ходжабадский район, совхоз Майариц.
19. М. Касимова, Хорезмская область, Янгибазарский район, 7-й класс школы № 24.
20. Гайрат Казахов, Хорезмская область, Шаватский район, ученик 9-го класса ФМШ.
21. Шерзад Тураев, Бухарская область, 9-й класс школы № 22 Алатского района.
22. Зульфия Ибадуллаева, ККАССР, Элликалинский район, 9-й класс школы имени Ломоносова.
23. Юнусбай Файзуллаев, Хорезмская область, Шаватский район, школа № 120.
24. Музаффар Джумабаев, Хорезмская область, Шаватский район, школа № 120.
25. Сайяра Муйдинова, Ферганская область, Кировский район, 9-й класс школы № 29.
26. Шахиста Аликулова, Самаркандская область, Нарпайский район, 9-й класс школы № 21.

27. Махмуд Хашимходжаев, Андижанская область, Алтынкульский район, 9-й класс школы № 21.

28. Саидахмад Саидназаров, Хорезмская область, Багатский район, школа № 30.

29. Махигуль Эгамбердыева, Самаркандская область, Нарпайский район, колхоз «Иттифак».

Жюри «Заочной олимпиады юных математиков» выражает искреннюю благодарность всем читателям журнала, принявшим участие в конкурсе, и приглашает их принять участие в дальнейших состязаниях.

ТОЧНЫХ НАУК

САМАЯ КОНКРЕТНАЯ ИЗ «АБСТРАКТНЫХ» НАУК

БЕСЕДЫ О МАТЕМАТИКЕ

Иногда приходится слышать, что математика очень трудная наука, ибо носит чисто отвлеченный характер. Действительно, в математике есть довольно трудные, на первый взгляд, действительно абстрактные разделы. Вместе с тем математика имеет многочисленные приложения, она в течение тысячелетий находит применение в различных сферах человеческого бытия.

Ф. Энгельс писал: «Как и все другие науки, математика возникла из практических нужд людей: из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и из механики». Кстати, название школьного предмета — геометрия — переводится как «измерение земли».

Наш великий соотечественник Абу Абдуллох Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (783—850), излагая цель написания своей знаменитой «Краткой книги об исчислении» («Ал жабр вал мукабала»), отмечает необходимость алгебры при делении имущества, составлении завещания, в юриспруденции, в торговле, измерении земель, проведении каналов, в инженерном деле. Это гениальное произведение, где даны общие методы решения линейных, квадратных уравнений, ал-Хорезми создал исходя из практических задач. Абу Райхан Беруни (973—1048) пишет, что наука о звездах — это самая лучшая производная математических наук. В произведении «Зиджи Курагани» Мирзо Улугбек (1394—1449) с поразительной точностью дал координаты 1018 звезд. Как это достигалось? Его обсерватория была оснащена лучшими приборами своего времени, там работали крупнейшие математики. Они открыли новый, оригинальный метод нахождения корня алгебраического уравнения третьей степени. Сейчас этот метод называют методом последова-

тельного приближения. При помощи этого метода можно вычислить синус дуги одного градуса с любой точностью. А это Улугбек и его коллеги применяли для составления тригонометрических таблиц, для определения координат звезд, тем самым демонстрируя удивительно крепкую связь математики с астрономией.

А знаете ли вы планеты, которые были открыты на «кончике пера»? Эксперименты показали отклонения теоретической траектории (вычисленной по закону всемирного тяготения) планеты Уран от наблюдаемой. В чем причина? Может быть, другое небесное тело, пока неизвестное, влияет на траекторию Урана? Как вычислить закон движения, массу этого небесного тела? На эти вопросы ответил У. Лаверье, который указал координаты на небесной сфере неизвестной планеты. Направив телескоп в эту точку, немецкий астроном И. Галле 23 сентября 1846 года наблюдал ее. Итак, планета, открытая на «кончике пера» Лаверье, есть планета Нептун — восьмая планета Солнечной системы.

Девятая — Плутон — была открыта с помощью математических расчетов в 1915 году и увидена в 1930 году.

Ускоренное развитие науки и техники обуславливает математизацию всех сфер человеческой деятельности.

В первой нашей беседе мы привели слова В. П. Чкалова: «Математика — это полет». Они имеют и буквальный смысл. Как появляется подъемная сила самолета, какая существует связь между скоростью самолета и формой его крыльев? Многочисленные подобные вопросы не смогли решить без использования математики. В решении этих задач большая заслуга принадлежит «отцу русской авиации»

Н. Е. Жуковскому. В первоначальных математических расчетах воздух считался идеальной несжимаемой средой. Такое предположение оправдало себя при скоростях самолета около 300 км в час. Но при больших скоростях из-за вибрации самолет начинал терять устойчивость и падал. Что делать? Надо было отбросить предположение о несжимаемости воздуха и считать его сжимаемым. А это требовало новых математических расчетов, новой математической теории, отвечающей новой задаче. Такая теория и была создана. Таким образом, практика поставила перед математикой задачу, а математика, решив ее, сама обогатилась и развилась.

Таких примеров — множество. Все они подтверждают, что математику можно и должно применять к изучению реального мира, в котором мы живем. По словам Энгельса, математика «заимствовала из этого самого мира и только выражает часть присущих ему форм связей, — и, собственно, только поэтому может вообще применяться».

Отличительной чертой нашей профессии является умение применять математику в решении практических задач повседневной жизни. Современные приложения математики непосредственно связаны с работой на ЭВМ.

Теперь — от теории к практике. Предлагаем вам две задачи:

1. Расстояние между селами А, В, С равны a, b, c км. Внутри треугольника АВС хотят строить газораспределительную станцию. Если бы вы были главным инженером строительства, то где велели бы строить станцию так, чтобы сумма длин газовых труб от станции до сел А, В, С была минимальной и сколько км труб для этого заказывали бы?

2. Чтобы перевозить груз к острову О на море от железнодорожной станции С, на берегу моря собираются строить порт. Станция находится на расстоянии b км от берега, а остров — на расстоянии a км. Перевозка тонны груза на 1 км по суше обходится в p руб., а по морю — в m руб ($m < p$). Предположим, что берег прямолинейный. Где на берегу надо строить порт, чтобы перевозка груза обходилась как можно дешевле?

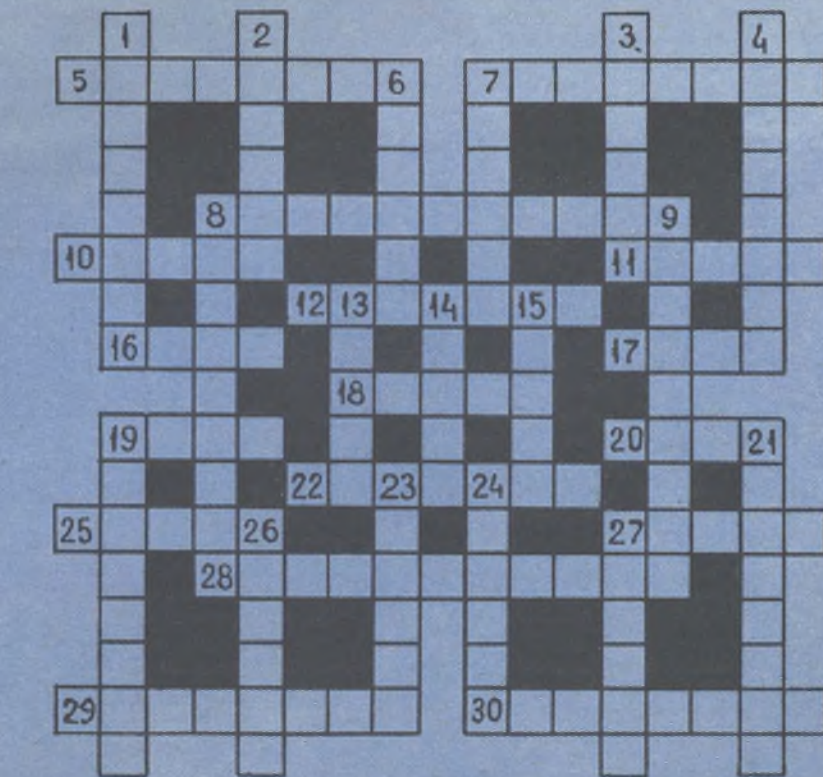
Успехов вам!

М. МИРЗААХМЕДОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Танец одной из народностей Кавказа. 7. Выдающийся оратор Древней Греции. 8. Приспособление глаза к ясному видению предметов. 10. Денежная единица ряда европейских стран. 11. Спортивный костюм. 12. Рассказ А. Чехова. 16. Часть слова. 17. Звездное скопление в созвездии Рака. 18. Начало реки. 19. Вечнозеленое дерево. 20. Декоративный сосуд. 22. Характер поверхности в скульптуре. 25. Берестяное изделие. 27. Минерал, разновидность агата. 28. Коллекционирование монет. 29. Крупная птица с ярким оперением. 30. Покровительница охоты в античной мифологии.

По вертикали: 1. Возрастание интенсивности звуковых колебаний. 2. Деревянный молоток. 3. Горная порода. 4. Штат в США. 6. Угол между плоскостями меридиана. 7. Герой гражданской войны. 8. Музыкальный инструмент. 9. Персонаж оперы А. Бородина «Князь Игорь». 13. Вещественное доказательство преступления. 14. Ансамбль из восьми исполнителей. 15. Сорт винограда. 19. Крупнейший деятель английской буржуазной революции XVII

века. 21. Испанский писатель-коммунист, автор поэмы «Долорес». 23. Главное здание загородной усадьбы в итальянской архитекту-

ре. 24. Государство в Восточной Африке. 26. Штрафной удар в хоккее. 27. Химическое соединение элементов с кислородом.

Ответы на кроссворды, опубликованный в № 6

По горизонтали: 7. Логопед. 8. Автобус. 9. Микрофон. 10. Интервал. 12. Агент. 13. «Горшок». 16. Минус. 18. Мораторий. 19. Мимоза. 20. Витраж. 21. Кремленчуг. 23. Апрель. 25. «Метель». 27. Плике. 29. Трапеция. 30. Тореадор. 31. Плотина. 32. Олимпия.

По вертикали: 1. Монисто. 2. Ипподром. 3. Идиома. 4. Магнит. 5. Иттербий. 6. Путассу. 11. Местоимение. 14. Рутинер. 15. «Кобзарь». 16. Минимум. 17. Курабье. 21. Клавесин. 22. Геодезия. 24. Патруль. 26. Ланолин. 27. Примат. 28. Егоров.

опубликованный в № 7

По горизонтали: 3. Кювет. 8. Артикул. 9. Ритмика. 10. Орлик. 11. Штатив. 13. Ангара. 14. Незабудка. 17. Ломонос. 19. Каракум. 20. Береста. 21. Пришвин. 24. Видеокассета. 26. Сергей. 27. «Ванька». 28. Плюс. 30. Секатор. 31. Углерод. 32. «Сокол».

По вертикали: 1. Фристайл. 2. Якуши. 3. Клио. 4. Верлибр. 5. Трюк. 6. Страна. 7. «Аквариум». 12. Вернадский. 13. Аккредитив. 15. Амфора. 16. Октава. 18. Соха. 19. Карп. 20. Барельеф. 22. Нарколог. 23. Моллюск. 24. Верста. 25. Пароль. 28. Пирс. 29. Сеул.

Раим ФАРХАДИ

ТЕЛЕВИЗОР ВИНОВАТ...

Рис. С. Спирихина,

Вид печальный у Серёжи.
Мальчик очень огорчён,
Не решил задачку он...
Отчего же?
Отчего же?..
Телевизор был включён.

„Контролька“

Вчера была контролька.
— Ну, как успехи?
— Тройка...
Брёл ученик, вздыхая,
Понятно, отчего:
Отметка неплохая,
И всё же... не того.

МЫШОНОК И ПЫШ

Мышонок по имени Пыш
Любил Вечернюю Тишь.

«Милее красавицы нет».
Её рисовал он портрет:
И глазки —
две бусинки звезд,
И лапки,
и тоненький хвост!
Грызёт целый вечер она
Сырок под названьем Луна...

Мышонок по имени Пыш
Любил Вечернюю Тишь.
Вчера обратился он к ней:
— Прошу стать невестой моей.
Скажите лишь «да» или «нет».
Но Тишь промолчала в ответ.
И с горя мышонок
по имени Пыш
Женился на мышке
по имени Мышь!

ОТВЕЧАЕТ

ЭВМ

Есть ли черти или нет?
ЭВМ даёт ответ:
«Нет чертей,
Есть чертенята —
непослушные
ребята!»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ёш куч Молодая смена

Общественно-политический
и литературно-художественный
иллюстрированный журнал

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА

Выходит с июля 1986 г.

№ 8 (26). Август, 1988 г.

Ташкент, издательство «Ёш гвардия».

Выходит один раз в месяц.

Главный редактор
Худайберды ТУХТАБАЕВ
Редколлегия:

Мирвасил АДЫЛОВ

Шахрух АКБАРОВ

Владимир ВОЛОТКО
(зам. гл. редактора)

Евгений ГРЕВЦОВ

Мирза КЕНЖАБАЕВ

Эркин МАЛИКОВ
(ответственный секретарь)

Салахиддин МАМАДЖАНОВ

Латиф МАХМУДОВ

Хакимджан ПИРМУХАМЕДОВ

Юлдашали ТАДЖИБАЕВ

Александр ФАЙНБЕРГ

Александр ФРОЛОВ

Пирмат ШЕРМУХАМЕДОВ

Художественный редактор
Махкам АБДУЛЛАЕВ

Техредактор Гайбулла БАРИМОВ

Наш адрес: Ташкент, 700113, Чиланзар, ЧГСП,
улица газеты «Правда», 60.

Телефоны:
78-94-67, 78-75-94, 78-48-85,
78-85-64, 78-57-84, 78-94-73.

Принимаются рукописи объемом не более
2,5 авторских листа. Рукописи не возвращают-
ся. При перепечатке ссылка на «Ёш куч» —
«Молодую смену» обязательна.

«Ёш куч» — «Молодая смена», № 8, 1988 г.

© Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш
гвардия».

Сдано в набор 20.06.88 г. Подписано в печать
13.07.88 г. Формат 70×108¹/₈. Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 5,6. Уч-изд. л. 11,4. Тираж
16263 экз. Заказ № 3707. Цена номера 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типо-
графия издательства ЦК Компартии Узбекис-
тана.
Ташкент, 700000, проспект Ленина, 41.

Молодая
смена

Моды... Выбирай на любой вкус!

Фото А. КУДРЯШОВА.

-О чем, интересно, разговаривают эти попугаи?
-„Почитесь у нас жить дружно!“

Фото Т. СТЕЦАНОВОЙ.